

Иоанна
Хмелевская
АВТОБИОГРАФИЯ

Старая
перечница

SHOUT
SHARE IT

Annotation

В девяностые годы пани Иоанна написала несколько книг своей «Автобиографии», после чего снова переключилась на детективы. Но вот прошло время, и знаменитая писательница решила вернуться к описанию своей жизни, благо за эти годы с Иоанной Хмелевской произошло немало интересных событий. Первые книги назывались «Первая молодость», «Вторая молодость», «И опять молодость». И вот очередной автобиографический том — под названием «Старая перечница». Пани Иоанна все так же молода, бодра, наблюдательна и остроумна. В ее жизни за последние годы случилось немало перемен, она переехала в новый дом и завела новую машину, благодаря которой окунулась в новые приключения, — обо всем этом пани Иоанна рассказывает, как всегда, весело и с большим оптимизмом.

- [Иоанна Хмелевская](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)

Иоанна Хмелевская

Автобиография. Старая перечница

В печенках у меня сидят все эти молодости, вот я и решила состариться. К сожалению, абсолютно не считаясь с моим решением, Высшая Сила — или, в обиходе, «жизнь» — упорно продолжает подсовывать мне совершенно невероятные происшествия и впечатления, более подходящие для особы помоложе и поэнергичнее. Да такие, что о них просто невозможно умолчать! Кое-что из этих происшествий и впечатлений я использую в своих книгах, но все в них запихнуть решительно невозможно. Жаль, если эта вакханалия идиотских событий, застрявших в голове воспоминаний и дурацких мыслей пропадет зря, вот я и придумала — отправлю-ка я все это безобразие в свою автобиографию, которая, по счастью, не завершена, а предыдущие части главной своей задачи не выполнили.

В начале первой части «Автобиографии» я упоминала, почему надумала обратиться к жанру жизнеописания, — прежде всего из-за вопросов, которыми одолевали меня читатели. Вот тогда-то я и решила раз и навсегда покончить с вопросами — ответить на них одним махом, а не талдычить одно и то же тысячу раз. Думаете, что-то изменилось?

В сентябре 2002 года от Рождества Христова, во время очередной встречи с читателями, они, перебивая друг друга, выкрикивали:

— Откуда вы черпаете сюжеты своих книг?

— Герои ваших книг — вымышленные персонажи или настоящие, живые люди?

— Они потом выражают свои претензии за то, что вы сделали из них героев своих произведений?

— Существует ли на самом деле Лесь?

— Сколько из всего описанного вы пережили лично?

— Главная героиня — это вы собственной персоной целиком и полностью или лишь отчасти? И чем именно вы на нее похожи?

— Как случилось, что вы начали писать? Сами по себе, ни с того ни с сего, или что-то произошло?

Ну и многое другое в том же духе.

К счастью, самый могучий водопад вопросов обрушился на меня в России. Там выручил переводчик, которого нашла для меня моя московская издательница Алла Штейнман. Все мои ответы он знал наизусть и вопросы бесчисленных читателей щелкал как семечки, я же получила возможность помалкивать и

отдельваться улыбками.

Есть, конечно, опасения, что и очередной том «Автобиографии» не спасет меня. Так что же, не писать ее и лучше сразу под трамвай броситься?

Ну уж нет! Напишу и издам — вдруг поможет?

Богом клянусь! После того как выйдет этот том, а я еще буду жива, никому, никогда, ни на один вопрос не отвечу! Пусть все любопытные сначала прочтут все, что уже написано, а потом, глядишь, у них и пропадет охота задавать вопросы.

В последние годы мою жизнь все более облегчает электроника.

Ясное дело, я пускаю в ход все когти и зубы, защищаюсь как могу от непосредственного контакта с этой областью жизни, громкими воплями призываю на помощь. Вначале меня спасал Тадик, сын Мачека, верного моего друга еще со времен молодости. Потом нашлись и другие помощники.

И все-таки электроника меня настигла. Ужасы начались, когда стало очевидно, что мне совершенно необходим сотовый телефон, да не один, а два. И тут же выяснилось, что я не вправе купить ни одного, поскольку не могу предоставить справку о постоянном месте работы. В это трудно поверить, но еще совсем недавно дело так и обстояло — телефонные операторы сомневались в платежеспособности покупателей. Масса людей молодых и предприимчивых умудрялись пользоваться мобильниками бесплатно.

Тогда Тадик оформил оба телефона на себя, и мы за моим кухонным столом приступили к их изучению. Я сидела смирно, вся внимание. Тадик взял телефон и набрал номер. Тут же отозвался в кармане его сотовый. Парень схватил его — никто не отвечал. Когда такая штука повторилась еще раз, и другой, Тадик взвился:

— Что за кретин звонит и тут же отключается?

— Тадик, а может, ты звонишь от меня себе? — шутливо предположила я.

Парень глянул на мой мобильник и схватился за голову.

— Ну конечно же! Я ведь думаю, что звоню отцу, а звоню самому себе! В моем-то телефоне номер отца был записан четвертым по счету, а в вашем четвертый — я... А я все набираю четвертый номер, не глядя. И выходит, кретин — я сам.

В сотовом у меня были записаны номера телефонов в такой последовательности: дети (две штуки); тетка Тереса; Тадик; мой литературный агент Тадеуш; Юстина; Мария... В результате я очень быстро забыла номера телефонов, помнила лишь, кто на

какой позиции записан в моей трубке. К сожалению, премудрое устройство не вместило в себя все необходимые номера. Что же касается номера домашнего телефона Мачека, то он единственный, который я почему-то запомнила на всю жизнь. Видимо, зацепился в каком-то дальнем уголке моей памяти да так там и остался. Ведь столько лет прошло... К тому же по всем телефонным неурядицам — будь то поломка телефона, проверка действия нового аппарата — я всегда звонила Мачеку.

Теперь стала звонить ему и по поводу проблем с сотовым прибором, который иногда откалывал очень странные номера. Как-то, вернувшись от Мачека, я обнаружила, что мобильник мой заблокирован. По счастью, к этому времени я уже малость разбиралась в таких вещах и знала — надо, чтобы кто-нибудь позвонил мне, тогда блокировка снимется. Вот только не пытайтесь у меня технические подробности!

Звоню Мачеку и говорю ему таинственно:

— Слушай, если ты сейчас мне позвонишь на сотовый, я скажу, что увидела в твоём доме, когда выходила.

Ясное дело, Мачек тут же мне перезвонил:

— Что ты видела?!

— Большую крысу, ну прямо с поросенка. Карабкалась вверх по канализационной трубе.

— Ты шутишь?

— Провались я на этом месте. Надо что-то предпринять...

— О господи! — простонал Мачек и отключился.

Или вот еще случай. Находясь за пределами родной страны, я позвонила Мачеку:

— Пожалуйста, позвони Тадику, пусть он позвонит Марии, она даст ему телефон Юстины, пусть Тадик затем позвонит Юстине, чтобы та зашла ко мне домой, у нее есть ключи, нашла большую зеленую записную книжку и немедленно перезвонила мне. Забыла я эту книжку, а без нее как без рук...

Мачек осторожно поинтересовался:

— А как же быть с номером телефона Марии?

— Тадик знает, он недавно ставил ей дверь. И мой телефон должен знать. погоди, на всякий случай продиктую. Есть чем записать?

Так что моя память измывалась исключительно над Мачеком.

Сотовые — это было всего лишь невинное начало. Цветочки, можно сказать. Потом достижения технического прогресса повалили одно за другим. Скажем, компьютер. Думаю, решение завести его спровоцировали ошибки наборщика.

Разумеется, вколачивая текст, любой делает ошибки. Для

того и существует корректор, он их исправляет. Я пришла к выводу, что из двух зол лучше уж исправлять собственные ошибки, чем чужие, все же меньше работы, и согласилась впустить в дом компьютер. Устройство, скажу прямо, для меня совершенно непонятное. Однако печатать на нем я научилась быстро и теперь все печатала сама, а наборщику посылала дискетку. Думаю, вы не сомневаетесь — сбрасывать информацию на дискету я не умею и по сей день, так же как и открывать дискету. Для этого меня посещает умный человек, который в состоянии это сделать. Или же, в крайнем случае, я сама, но какой ценой! Прижав сотовый к уху, с вытаращенными от напряжения глазами, дрожащими пальцами я выполняю телефонные указания моего знакомого, гениального компьютерщика, к тому же обладающего ангельским терпением. Ага, мышкой вон туда, теперь стукнуть по этой клавише... Странно, но иногда удается добиться желаемого результата.

Естественно, компьютером не закончилось. Я купила себе новую «тойоту» под названием «Авенсис». К машинам я с юности привыкла, но эта... Убейте, но до сих пор я не могу понять, что побудило меня сменить почтенную, честную, заслуженную «Корину» на «Авенсис». С чего мне вообще втемяшилась в голову такая дурь? Не иначе как временное помутнение рассудка.

И этих проклятых «Авенсисов» у меня было подряд три штуки!

Минутку. Я же собиралась соблюдать хронологию. Тогда к черту «Авенсисы», вернусь к ним, когда придет время. Пока же на дворе год 2000-й.

В возрасте двенадцати лет, читая научную фантастику, я пыталась представить себе этот год 2000-й и гадала, доживу ли до него. Старательно высчитала, сколько мне тогда будет, и засомневалась, дотяну ли до столь преклонного возраста. Ведь это же настоящая дряхлость — дальше некуда, песок, труха и руины. Разве что с того света взгляну на землю — что там происходит?

Позже у меня уже не было времени заниматься глупостями, и двухтысячный год вылетел из головы. Я даже не соотнесла этой переломной даты с собственными недугами. Не выношу говорить о своих болячках, а тем более писать, хотя кое о чем ненароком помянула в книгах. Ну ладно, был инфаркт, который я перенесла на ногах, и панове врачи радостно пообещали второй, я же назло им второго избежала. Зато во мне развилась и укрепилась болезнь, которую так ненавидят медики, а именно — аритмия. Кошмарная вещь. От нее не помрешь, однако и излечить

практически нельзя, а пациенту сплошные мучения.

Все это сопровождалось развившейся то ли ишемией, то ли стенокардией и сердечной недостаточностью, то ли мерцанием предсердий — так, кажется, медики это называют. Что это такое — не знаю и знать не желаю, достаточно того, что штука просто невыносимая. Конечно же, я лечилась, терапевт вкупе с кардиологом подбирали мне лекарства, однако лечению активно мешали всевозможные жизненные обстоятельства, в том числе уже не раз упоминавшийся мною высокий четвертый этаж в доме без лифта. Ох уж эта лестница! Этаж высокий, конечно, относительно, до войны такие потолки считались бы низкими, о чем говорить, всего три метра с чем-то. Вот если бы четыре с чем-то, а еще лучше — пять...

В наше время три метра кажутся безумной роскошью, просто неприличной, зачем человеку столько пространства над головой? Только потому, что новые поколения перерастают своих дедов как минимум на четверть метра? Подумаешь, ну и что с того? Пусть передвигаются по квартире на полусогнутых, а входя в дверь, понизе голову пригибают. Гимнастика полезна.

И все же хотелось бы знать, кто выдумал все эти нормативы? Какой-нибудь закомплексованный карлик? Впрочем, мне, архитектору и строителю по образованию, хорошо известно, что виной всему — погоня за дешевизной. Но тогда уж логичней было бы ограничиться шалашами.

Ладно, карлик виноват или нет, однако каждый этаж прибавлял минимум тридцать сантиметров лишнего пути, в сумме это превышало метр, вот почему у меня на всю жизнь остался инстинктивный страх перед ступеньками и лестницами. При одном виде таковых во мне мигом просыпаются все мои сердечные недомогания. В один прекрасный день не выдержала я и решила построить собственный одноэтажный дом. Конечно, можно было купить готовый дом, вот только все готовые дома — сплошь двухэтажные, а значит, с лестницами и ступеньками. Не хватало мне только из кухни в спальню карабкаться по лестнице!

Не собираюсь тут описывать все административно-организационные перипетии, связанные с постройкой частного дома, даже и сейчас при одном воспоминании о них... Словом, здоровье не позволяет. Хотя основная тяжесть легла на плечи пана Тадеуша, у которого несколько лет была очень нелегкая жизнь. Правда, позже он отомстил, написав обо мне что-то вроде книги, но об этом позже.

Пока же на носу был 2000 год, а я чувствовала себя ужасно. Решено: никаких бурных празднований, сочельник дома, сидя в халате перед телевизором, — кассет с фильмами скопилось

предостаточно, да и интересно посмотреть, чем наше телевидение отметит эпохальное событие. От родных, друзей и знакомых отделалась какой-то ложью, тем самым обеспечив себе тихую, мирную ночь.

И, в полном соответствии с планом, уселась в своем старом кресле — этакой гигантской макраме-ловушке, — к которому сварщик по пьяной лавочке приделал ножки задом наперед. Кресло-ловушку я давно научилась превращать в нормальный предмет мебелировки с помощью трех подушек. Сделала это и сейчас и, с некоторым трудом устроившись в нем, приступила к празднованию.

Понятия не имею, что там показывали по телевизору, меня целиком поглотили другие заботы. Около десяти вечера я чувствовала себя так скверно, что хуже не бывает, видно, не судьба мне дожить до двухтысячного года, помру до полуночи, а жаль, совсем немного осталось...

Ну и тут злость меня взяла, да какая! Коли уж помирать — так достойно!

Вылезла я из кресла-ловушки, вытащила из холодильника бутылку хорошего шампанского, даже откупорила ее, не разбив люстру и не залив стены благородным напитком. Бокалы у меня имелись, правда, в основном они использовались в качестве вазочек, но несколько штук уцелело. Не помню, закусывала ли я спиртное и чем именно, может, какой сырок и подвернулся, однако ручаться не стану. Всю бутылку я выдула самостоятельно! Одна. Не торопясь. Уже во втором часу ночи я ощущала себя беззаботным утренним жаворонком, парящим в небе, от всех болезненных проявлений и следа не осталось. И я дожила до двухтысячного года!

Если бы я писала нормальную книгу, то расставила бы все события по смыслу, чтобы одно не налезало на другое. Увы, жизнь совершенно не считается с требованиями творчества и не дает никаких шансов придерживаться связного изложения. Последовательных сюжетов для нее не существует, она вываливает вам все события оптом, перемешав и перепутав их до полнейшей невозможности. Такое вот нагромождение всего на свете стало и моим уделом. Одновременно:

- Я заканчивала строительство дома.
- Переезжала в него.
- Покупала упомянутые уже проклятые «Авенсисы».
- Их у меня крали.
- Путешествовала, и отнюдь не всегда для собственного удовольствия.

- Пыталась писать книги.
- Устраивала скандалы и ссоры как по официальной линии, так и в личном плане.

И как мне теперь со всем этим разобраться?

Первый «Авенсис» украли со стоянки перед моим домом где-то между субботой и воскресеньем.

В субботу я вернулась домой засветло, поставила заразу на ее место в «карман». Чем занималась в тот вечер, не помню, во всяком случае, к балконной двери я подошла только утром в воскресенье, выглянула на улицу и обнаружила, что «карман» пуст. Меня это так удивило, что я даже поначалу не расстроилась. Известно ведь, что «тойоты» у автомобильных воров не популярны. Так что же, сама она уехала?

Телефон был под рукой, и я позвонила кому следует. В машину было вмонтировано GPS, вроде бы надежная вещь, и к тому же еще противоугонное устройство, которое пару раз страшно выло, вызывая неудовольствие соседей. Выло небось тоже не без причины. В связи с этим было высказано предположение, что машину увезли на грузовой платформе. Подъехали, вкатили на платформу — и привет.

Материального ущерба я не претерпела, потому как основательно застраховалась, но уж очень раздосадовало крушение моих эстетических планов. Я же только что купила курточку точно такого же цвета, как моя новая машина, и что теперь? Подбирать новую курточку под цвет новой машины? У меня и без того этих курточек накопилось изрядно, на кой мне еще одна?

Проблему я решила, купив второй «Авенсис» точно такого же цвета. Повезло, как раз оказались в автосалоне. На всякий случай я теперь оставляла машину не во дворе, под окнами, а на стоянке улицы Людовой. Там никакая платформа не поместится. И началось. Дня не проходило, чтобы ко мне не прибежал или не звонил кто-нибудь из соседей. «Проше пани, ваша машинка страшно воеет, это уже невозможно выносить». Я кубарем скатывалась со своего высокого четвертого. Машина и в самом деле завывала, как шайтан. К сожалению, я не умела ее отключать. А завести двигатель и уехать на ней — тоже не получалось.

Тут уместно вспомнить, что при покупке второй дорогой машины меня любезно заверили: «Ваше дело — только ездить, все остальное — наши заботы». Тогда я приняла это заявление за чистую монету и очень радовалась. А как приперло, узнала цену таким обещаниям.

Приезжали работники дорожной службы, чем-то щелкали на машину, аккумулятор оказывался разряженным, они что-то там подсоединяли, подзаряжали, после чего я должна была ездить кругами, чтобы он как следует зарядился. Ни фиги себе! А если мне как раз не было необходимости никуда ездить, а проклятый «Авенсис» желал ежедневно пускаться в дальние рейсы?! Я прыгала по окаянным ступенькам сверху вниз и снизу вверх буквально каждый день, соседи стали относиться ко мне... сдержанно, ведь мои-то окна выходили во двор, а не на улицу. От всего этого впору сойти с ума.

Со стоянки машину тоже украли — невзирая на тесноту.

Угнали, увели, стибрили, свистнули.

Позвонил Тадик.

— Пани Иоанна, где вы оставили машину?

— Как всегда, на стоянке. На Людовой.

— Вы не ошибаетесь? Потому как ее здесь нет. Я как раз на эту стоянку зарулил.

Слегка обеспокоенная, я попросила:

— Тадик, проверь хорошенько. Я поставила ее у деревца, того, что слева.

— Нет ее у деревца. Нигде нет. Я все тут осмотрел и удивился — вы дома, значит, машина должна быть здесь. Но ее нет. Опять угнали?

Хреново дело, угнали-таки. Каким образом — трудно понять, платформе тут и в самом деле не развернуться, а машина наверняка отчаянно выла, по своему обыкновению. Может, просто попали на нужную частоту? Говорят, для опытных угонщиков такое — раз плюнуть.

Я разозлилась и уперлась — немедленно покупаю третьего «Авенсиса». Точно такого же! Не позволю бандюгам распоряжаться и навязывать мне свои вкусы (я о курточках). К автомобильной эпопее подключился мой племянник Витек, которому уже со времен «Корины» я поручила заботу о своих машинах. Он их покупал, оформлял, благодаря ему у меня и машины, и все автомобильные бумаги были в порядке.

Замечу на полях: кое-кому может показаться странным наличие у меня племянника, ведь ни братьев ни сестер никогда не было. Зато у моего мужа имелись сестры, а у тех — дети, для которых он, хочешь не хочешь, был дядей. А я, выходит, как его жена, — тетей.

Дилер в Пясечно очень меня разочаровал. Как-никак я приехала в его фирму покупать машину, уже пятую по счету, у него же приобретал машины мой сын, фамилия у нас одинаковая,

как можно не уважать такого покупателя? А что произошло? В автосалоне мы с Витеком застали двух дамочек, форменных ослиц. Больше никого не было. Одна девица пялилась на нас как баран на новые ворота и рта не могла раскрыть, вторая, судя по всему, была смертельно оскорблена нашим желанием приобрести машину и шокирована вопросами, где же продавцы. Повторяла как попугай: «Где продавцы? Неизвестно где, нет их. А скоро ли будут? А кто их знает». С кем же тогда можно здесь поговорить? В ответ — молчание. Полное впечатление, будто я желаю приобрести не машину, а самурайский меч или древнеримскую лектику на восемь носильщиков. Девицы даже старались на нас не смотреть, так им было противно, а на просьбу дать хотя бы телефон продавца одна сквозь зубы процедила, что панове продавцы абсолютно недоступны, ни по какому телефону их не поймать, и дала нам понять, что не мешало бы иметь хоть каплю совести и оставить людей в покое. Зная, насколько заинтересованы торговцы в клиентах, я вежливо попросила истомившихся от работы девиц записать мой телефон, пусть продавец позвонит мне, как только появится. После чего мы избавили бедных тружениц от своего присутствия.

И представляете, никого результата. Дилер так и не позвонил, тем самым навсегда потеряв клиентку. Я обратилась в другой автосалон, в Марках. «Авенсис» там был, к сожалению, немного другого оттенка, однако разница между окрасом «тойоты» и цветом курточки оказалась столь незначительной, что я ни минуты не колебалась.

Витек, как всегда, умело справился со всеми формальностями. И мы стали думать. Что происходит? До сих пор у нас «тойоты» вообще не угоняли, а теперь вот сразу две подряд. Может, в бывшем Советском Союзе наконец увлеклись «тойотами»? Создали им сервисную сеть? Раньше эта марка наших соседей как-то не прельщала, у них преобладали «мерседесы» и «фольксвагены». Видимо, расширили ассортимент, а начать решили с «Авенсисов». Вот не знаю только, почему именно с моих.

Происшествия эти заняли несколько месяцев — началось все зимой, а закончилось поздней весной. Я уже договорилась с моими канадскими детьми (сыном Робертом, его женой и дочкой) встретиться во Франции, забронировала места в гостиницах, и мне не улыбалась перспектива спуститься с чемоданами и обнаружить, что машина тю-тю. А потому я арендовала гараж на Людовой.

Гараж был размером с кроличью клетку, однако при некотором усилии машинку удалось туда затолкать. Я очень

сомневалась, что сама сумею въехать в этот гараж и тем более выйти там из машины, а потом в нее снова сесть. Вот если бы за оставшиеся две недели мне удалось сбросить килограммов десять! Однако Витек с Тадиком заверили, что я легко развернусь в гараже. Я в этом сомневалась, зато никаких сомнений не вызывала дверь клетушки. Ведь любой с первого взгляда понимал — распахнется от одного удара ногой, хоть замок на двери висел солидный, крепкий. Тадик сам купил и сам повесил.

Витек, отвечавший за безопасность новенькой машины, оформляя страховку, уговорил меня установить на машине дополнительно еще и LOJACK, а фиговый GPS, оказывается, годится лишь на то, чтобы им подтереться. Я согласилась, и там же, в сервисе, мне и вмонтировали новинку.

Стояла не самая лучшая погода, когда я получала свою очередную машину в Марках. Лил дождь, и автомобилей на улицах было не слишком много. Каких-либо особых трудностей не возникало. Ехала я по левой полосе и наверняка не соблюдала скорость. За мной никто впритык не ехал, такие вещи фиксируешь автоматически, ведь у водителя глаза со всех сторон головы. На соседние полосы я не особо обращала внимание, они мне ничем не угрожали. Так что я без проблем доехала до арендованной каморки на задах моего дома.

Подъехала, вышла из машины и принялась отпирать роскошный, только что поставленный замок. Еще раз подивилась, какой он крепкий, надежный, вот только отпирается туго. Пока я боролась с замком, на стоянку въехала еще одна машина и остановилась. Элементарная вежливость заставила подумать, что я, должно быть, загородила проезд к их гаражу.

Оставив в покое замок, я метнулась к машине, жестом показывая приехавшим, что сейчас, мол, освобожу им путь.

Быстренько села за руль, и тут подъехавшая машина попятилась задом, развернулась и умчалась.

Какое-то время я сидела неподвижно. Не помню, чтобы я страдала манией преследования. Никто не покушался на меня, никакие враги не выслеживали, чтобы лишиться жизни. Полвека я открывала на стук дверь своей квартиры, не задавая глупого вопроса «Кто там?». А вот теперь...

Человек собирался проехать к своему гаражу, хотела освободить ему дорогу. А он сбежал. Что же это такое?

И две машины у меня свистнули...

В душу закралась... нет, не уверенность, но сильное подозрение.

Должно быть, ехал, паразит, за мной от самого дилера. Наверное, охотятся на «Авенсисы», подстерегают у фирмы

покупателей и отслеживают — куда едет, где живет, есть ли гараж и какой. Ехали наверняка по средней полосе, куда я не смотрела. В результате я привела их к своему дому, они быстренько изучили территорию, увидели, как я пытаюсь отпереть гараж. Этого им достаточно. Пока смылись. А что я знаю об угонщиках? Машина красного цвета, во всяком случае, так показалось мне в пелене дождя. Вроде бы в машине сидел не один человек, а вот сколько... И это все, что могла заметить. Ни марки машины, ни тем более номера, абсолютно ничего. Разве что в одном уверена — это был не малютка «фиат».

Пораскинула я мозгами, и как-то разонравился мне мой гаражик. Через две недели отправляться в дорогу, и опять терять машину не хотелось. Никаких угонов! Хватит! На две недели надо эту керосинку спрятать в безопасное место.

Вот интересно, угадаете или нет, какое место я сочла безопасным? Правильно, полицию. Милицию-полицию я всю жизнь уважала, доверяла ей и пользовалась взаимностью.

Комиссариат полиции находился в трех шагах от моего дома, я сразу туда и поехала. Бросила машину у полицейской стоянки и кинулась разыскивать комиссара. Разыскала, поговорили. Знала я его не один год, и беседовали мы не один раз. Сходились во мнениях на преступность в нашей прекрасной стране и правосудие в оной, на положение с законностью, на роль органов правопорядка, да и на многое другое. Охрана имущества входила в обязанности полиции, хотя данный случай был нетипичный. Тем не менее мне пошли навстречу, потеснились и освободили на своей парковке место для моей машинки, в самом центре, прямо под окном дежурного офицера.

От моих деликатных попыток предложить им какой-то эквивалент за оказанную услугу просто отмахнулись. Но если мне так уж хочется осчастливить их, не могла бы я презентовать им несколько шариковых ручек и немного бумаги для пишущей машинки, я ведь писательница, у меня должны быть писчебумажные материалы. Оказалось, в распоряжении полиции имеется всего одна пишущая машинка, простая, даже не электрическая. Что вы, какие компьютеры, какая электроника! Сами бы приобрели, да зарплата полицейского не позволяет.

Вот так! Я быстро доставила в участок свои скромные презенты, и трудно сказать, кто из нас больше радовался. Наверное, все же я, ведь за последующие две недели моя машина несколько раз порывалась завывать, но я предусмотрительно оставила полиции ключи, и они сумели заразу отключить.

Сразу намекну, что контакт с районным комиссариатом полиции впоследствии оказался просто бесценным.

Пока же я предотвратила угон новой тачки и смогла отправиться в путешествие, как запланировала. И естественно, сразу же повалили столь привычные для меня всевозможные неожиданности и непредвиденные обстоятельства.

Началось все в Трувиле. На этот французский курорт я приехала во второй раз. Первый раз я останавливалась в отеле «Меркурий». Тогда я прибыла сюда одна, еще на «Корине». Подробности того визита почти стерлись из памяти. Помню лишь, что в тот раз я с трудом нашла место для машины на стоянке гостиницы, зато всего в каких-то сорока метрах от входа. Привыкшая к тому, что багажом приезжих за границей занимается персонал отеля, я, помахивая сумочкой, подошла к стойке регистратуры и пережила настоящий шок. В «Меркурии» котомки и баулы тягали две худенькие девчущки. Их и отправили за моим багажом. Я топала следом, громко негодуя, ведь моя поклажа была вовсе не для этих хрупких созданий: огромный чемоданище без колесиков, ноутбук и тяжеленная сумка с книжками. Тут сильный мужик требуется, а не эфирные создания!

Не слушая моих причитаний, эфирные создания с милыми улыбками подхватили мои пожитки, точно то были невесомые пушинки, и с такой скоростью понеслись к отелю, что я не поспевала за ними. Невероятно!

Помню еще вот что. Каким-то образом в отеле объявились мои канадские дети — сын Роберт, его жена Зося и их дочь Моника. Вместе мы обнаружили в городе симпатичный отель «Флобер», у самого пляжа. Он нам понравился тем, что был поразительно старомодным и потому очень дешевым. И Роберт сразу же забронировал нам места на следующий год.

А, вспомнила, откуда взялись дети. Просто-напросто прилетели из Канады, я же их сама встречала в парижском аэропорту имени Шарля де Голля. Здание аэропорта тогда еще только строилось, и не было никаких проблем с парковкой машины. Я бросила свое авто чуть ли не в поле, прилетевших провели к легкому павильону, нам оставалось только перебежать большую поляну.

Теперь вот я во второй раз приехала сюда, и «Авенсис» показал, на что он способен.

Я ему не нравилась, это как пить дать, и автомобиль поспешил продемонстрировать свое отношение с самого начала.

Так случилось, что незадолго до отъезда, кроша ножом укроп на кухонной доске, я оттяпала себе ноготь на большом пальце левой руки, причем вместе с кусочком пальца. В панику я не впала и в реанимацию не кинулась. На мне с малолетства все

заживало как на собаке. Вот и теперь я тесно прижала оттяпанный кусочек к пальцу и обмотала как следует пластырем. Конечно, мешало при домашних хлопотах, ну да это пустяки. Но в последний момент на меня свалилась новая напасть — зуб. Жаль, не веду дневник, теперь и не помню, так и поехала с больным зубом или успела посетить стоматолога?

Вообще все мои перипетии с зубами почему-то всегда были чрезвычайно драматичными. Сами посудите: зуб разболелся за секунду до Рождества, за секунду до отправления в дальнюю поездку, за секунду перед выступлением на телевидении, за секунду перед официальным приемом, в самый ответственный момент фарширования цыпленка и т. п.

В тот раз я, видимо, успела все же заскочить к дантисту, иначе паршивец (я о больном зубе) испортил бы все впечатления от путешествия.

Опять же, чуть ли не в последний момент мы с Витеком купили багажник, чтобы установить его на крыше проклятого «Авенсиса». Примеряли его перед магазином, прямо на улице, оказался тютелька в тютельку, я не раздумывая купила его в фабричной упаковке, потому как монтировать собиралась позже и знала, что он нам очень пригодится в путешествии.

По дороге в Трувиль я остановилась в Париже, в отеле «Сплендид Этуаль». Почему не махнула прямо в Трувиль? Не хотелось преодолевать за один присест девятьсот километров. Только вот почему я проторчала в Париже целых два дня? Не помню. Наверное, были причины. Зато хорошо запомнилось, как, вернувшись вечером в гостиничный номер, я уже от двери увидела в мусорной корзине какой-то большой предмет зеленого цвета. Подошла поближе, пригляделась, осторожно ухватила пальцами и извлекла из корзинки свою записную книжку в твердом зеленом переплете. От ужаса у меня ноги подкосились. А если бы я ее не заметила и лишилась навсегда?! Ведь без нее я как без рук, в ней все адреса, телефоны, важные записи, фамилии и бог знает еще что, без чего мне не жить. Меня бил сильный озноб, даже присесть пришлось. Как она оказалась в мусорной корзине?

Чтобы понять, большого ума не требовалось. Корзина стояла впритык к маленькому столику, на котором, кроме блокнота, лежало множество бумаг, папка с распечатками текста, ноутбук, пепельница. И кажется, стоял еще и принтер. Ничего удивительного, что тяжелая книжка свалилась со стола. Поразительно, что я ее увидела! Не иначе как Господня милость.

Ага, вспомнила, зачем я торчала в Париже целых два дня. Мне надо было ознакомиться с новым аэропортом, ведь я же

снова собиралась встречать своих канадских детей. В конце концов, я могла отправиться в аэропорт прямо из Трувиля, ведь их самолет прибывал в десять утра, достаточно было выехать в восемь. Но я знала жизнь. А катастрофы и пробки на автострадах? А моя зараза, «Авенсис», способный отколоть любой номер? Ну и наконец, новый терминал в аэропорту Шарль де Голль, где я была лишь в период его строительства, теперь же он наверняка оплетен сложными дорожными развязками, в которых надо заранее разобраться.

Вот я и решила не рисковать, приехать в Париж заранее, переночевать в каком-нибудь отеле поближе к аэропорту. Расходы меня не смущали, главное — расположение отеля. Проштудировав информацию, я узнала, что ближе всего к аэропорту «Шератон», на него и нацелилась. Итак, ознакомлюсь с территорией и на всякий случай забронирую места.

Строительные работы у аэропорта очень продвинулись, местность я с трудом узнала. Никаких полей и лугов, никакого легкого павильончика. Голова пошла кругом при одном взгляде на густое переплетение подъездных путей. К терминалу я подобралась с четвертого раза и нашла-таки нужный мне выход для пассажиров. Во всяком случае, он показался мне самым подходящим для прилетающих из Канады, США, Копенгагена, а также, возможно, из Йоханнесбурга и Сингапура. Нашла я и «Шератон», но, так сказать, теоретически.

Отель, весь опутанный транспортными развязками, виден был издали, но размещался где-то внизу. Наверняка к нему вел какой-то съезд, но найти оный я никак не могла, хотя и объехала несколько раз все вокруг. Не судьба, значит. Мне все время лез в глаза указатель с «Хилтоном», мелькали «Меркурии» и какие-то «Ибисы», указателя же с надписью «Шератон» просто не было. Кружила, кружила, во все глаза глядела — нет и нет. Ладно, «Хилтон» так «Хилтон», воспользуюсь случаем и сравню с «Хилтоном» на Кубе. Подъехала, забронировала номер и отправилась в Трувиль.

Добравшись до места, я с трудом втиснулась на малюсенькую стоянку и твердо решила не трогать машину до тех пор, пока не отправлюсь встречать детей, ведь второй раз мне не втиснуться. Представьте, этой гадюке, моей машине, такое решение не понравилось.

Уже на следующий вечер позвонили из администрации гостиницы с сообщением, что моя машинка страшно воеет и люди обижаются. Хуже того, жалуются и скандалят. Я-то не слышала витья, ведь окна моего номера выходили на море. А вот тем, кто

жил по другую сторону, досталось от моей заразы.

Я поспешила вниз, благо тут везде лифты. Моя драгоценная выла самозабвенно и даже как-то радостно. Запустить двигатель мне не удалось. Капот я, разумеется, не смогла поднять, и вообще свирепствовал страшный ливень. Я помчалась к стойке администрации и попросила вызвать французскую дорожную полицию, сама же принялась названивать своему дилеру в Варшаву. Там мне тоже посоветовали вызвать французскую дорожную полицию. Открыли Америку! Постояльцы, которых выгнал из номеров нестерпимый рев, как-то недобро поглядывали на меня. А дождь все лил. «Авенсис» выл. Океан шумел, можно сказать, под боком, и я подумала: не лучше ли мне просто утопиться? Да ладно, как-нибудь утрясется, чтобы я из-за нее, заразы... Не дождется!

Атмосфера накалялась, люди теряли терпение, и тут приехал Фальк. Молодой человек на фургончике. Во-первых, он сумел открыть капот и прекратить вой, во-вторых, подключился своим фургончиком к моему «Авенсису» и у того заработал двигатель, и, в-третьих, сочувственно улыбаясь, сообщил давно известную всем, кроме меня, вещь: у «Авенсисов» проблемы с электроникой. На таких машинах надо ездить ежедневно, хорошо бы приобрести аккумулятор побольше, не в смысле размера, а в смысле мощности, хотя не помешал бы и по размеру. А сейчас двигатель должен поработать часок, иначе все представление начнется с начала.

Наступил вечер, совсем стемнело. Я не могла сидеть в машине и читать книгу — боялась включать свет, чтобы не мешать проклятой керосинке заряжаться. Потеряв терпение, я бросила машину и пристроилась с книгой в холле отеля. Сидя в удобном кресле и с интересом листая туристические проспекты и карты, я вдруг спохватилась. Что же я себе позволяю? Сажусь здесь, по другую сторону здания, а там, в темноте, под проливным дождем, на стоянке, где наверняка нет ни одного человека, стоит моя новехонья машина. Двигатель работает, ключи от зажигания торчат на месте. Идеальные условия для угона. Господа угонщики лучших бы и не придумали. Точно уже подбираются. Интересно, сколько их? Ну и черт с ним, не буду вставать, пусть крадут. Сколько я стыда из-за зловредной гадины натерпелась!

Не украли! По прошествии требуемого времени я выключила двигатель и заперла машину. Дождь, видимо, прекратился давно, так как я обнаружила, что какая-то птичка нагадила мне на ветровое стекло. Наверняка птеродактиль, судя по размерам ущерба. Это было тем неприятнее, что во время первых двух краж

машины угоняли со всеми щетками, губками и прочими вспомогательными принадлежностями. У меня даже тряпки под рукой не оказалось, к тому же украшение изрядно засохло. К счастью, опомнившись, дождь опять припустил и помог «дворникам» смыть сокровище.

Следующим утром я собиралась в аэропорт, а предстоящую ночь намеревалась провести в парижском отеле, как можно ближе к терминалу «Шарля де Голля». Основательно продумала, какие вещи надо захватить на одну ночь, чтобы не таскать лишней тяжести. Так, зубную щетку и пасту, мыло, косметику, расческу, ночную рубашку, тапки, маленький термос для утреннего чая и думку. Без подушечки-думки мне не заснуть. Сколько их я уже рассеяла по белу свету! Одну оставила в Советском Союзе, как раз самую любимую, датскую, второй осчастливила «Польские железные дороги», остальные затерялись в многочисленных отелях. Да, еще книжку, почитать перед сном. Без нее тоже не засну. Выбрала подходящую по размеру сумку с ремнем через плечо, упаковала барахло и вечером отправилась в путь. Погода стояла хорошая, надоедливый дождь прекратился.

Снова начало моросить, когда я выходила из машины у «Хилтона», но меня это уже не пугало. Стоянка была свободна, машину припарковала почти перед самым входом в отель, прихватила котомку и загнездилась в номере. Намеревалась поужинать, — правда, устрицы, увы, исключались, не сезон. Зато можно было полакомиться прославленным морским языком с белым вином.

Тут я не премину пояснить, что устрицы, если кто не знает, в Париже можно есть лишь в те месяцы, в названии которых отсутствует буква «р». Это летние месяцы: mai, juin, juillet, aout, то есть май, июнь, июль, август. Если вы находитесь у моря, лопайте устрицы круглый год хоть тоннами, но в центре страны они скоро портятся, несмотря на то что закупорены в бочонках. Возможно, если такой бочонок вскрыть и оставить в нем недоеденные устрицы, они на льду часок-другой и выдержат, но не больше. Так что клиенту, вскрывшему бочонок, придется пожирать его целиком, ничего не поделаешь, скоропортящийся продукт.

О морском языке я немало была наслышана, а однажды попробовала в одном дорогом ресторане и убедилась — великолепное блюдо. Жареный морской язык почти не уступает филейчикам от Ягоды Готковской, моей хорошей знакомой, в Песках живет, на Балтике. После того как я попробовала ее блюда из рыбы, я уже нигде и рыбу не могла есть, повсюду она казалась мне гадостью по сравнению с кулинарными шедеврами Ягоды. И

вот после долго рыбного воздержания я решила отведать морского языка в парижском «Хилтоне».

Перед тем как спуститься к ужину, следовало привести себя в порядок. В сумке расчески не оказалось. Значит, в косметичке. Но где она? Спокойствие, только спокойствие. Вчера «Авенсис» своим воем довел меня до нервного расстройства, видимо, ущерб здоровью не ограничился тем, что тряслись руки-ноги и стучали зубы... С памятью тоже неладно. Я ведь собрала косметичку, постаралась ничего не забыть, а вот как раз самую косметичку в сумку положить забыла. Так она и осталась в Трувиле.

Выходит, ни зубной пасты, ни щетки, ни мыла, ни расчески, ни косметического молочка, ни одеколона, ни пилочки для ногтей, ни пудреницы... Даже пластыря для оттяпанного ногтя и то нет! То есть нет самых нужных вещей. Правда, в ванной был кусок мыла, шампунь для волос и рекламная упаковочка туалетной воды после бритья. Действительно, необходимейшая вещь... Хорошо еще, что лекарства не забыла.

Элегантно растрепанная, я спустилась в холл и поинтересовалась у портье, есть ли поблизости киоск. Есть, а как же! У другого терминала, в двух километрах отсюда. Окно сотрясало под порывами сильного ветра и ливня. Я смирилась. Может, кельнер меня и такую обслужит? И я отправилась в ресторан.

Морской язык оказался очень неплох. И белое вино на высоте.

Утро следующего дня я смело могу отнести к самым паршивым в моей жизни.

Зубы чистила пальцами с помощью воды, на голове колтун, кожа на лице горит, она у меня очень сухая, ей непременно требуется крем, неприпудренный нос светится не хуже маяка ночью, даже глазам больно. Неухоженная и несчастная, да еще под проливным дождем я побрела к машине. Зонтик, ясное дело, оставался в машине.

Выехала пораньше, на всякий случай, хотя самолеты приземлялись не дальше пятисот метров от отеля. Это если по прямой линии. А по прямой не доберешься.

С большим трудом вроде бы доехала, во всяком случае, так мне показалось, но не у кого спросить, чтобы убедиться. Ни души вокруг, ни одного человека. Был, правда, человек, по виду служащий, чернокожий в оранжевом халате, но он не дал мне и рта раскрыть, отогнав нетерпеливым жестом — здесь останавливаться нельзя! Я и сама знаю, что нельзя, и написано, и даже на картинке нарисовано, как у непокорных отбирают машины. Но где можно? Он жестаи пояснил — внизу, на

подземной стоянке.

К черту подземную стоянку, мне надо знать, тот ли терминал, куда прилетают самолеты из Канады. А если не тот, то как попасть на правильный.

Там много было этих негров в оранжевых халатах, и ни один не услышал меня. Не было у них охоты высунуться из-под крыши под дождевые потоки, и они жестаи загоняли меня в подземные казематы. А время подгоняло. Пришлось послушаться.

Спустилась. Ну нет! Кошмарная беспредельная пустота, слабо освещенная, ни живой души вокруг, не видно ни лифта, ни выхода, даже лестниц. Не оставляю я там машину, как мне пешком преодолевать эти подземелья? Да я сразу же заблужусь меж этих высоченных колонн, поддерживающих потолок, ну точь-в-точь неоглядные подземелья сокровищницы византийских кесарей.

Совсем павшая духом, я выехала на божий свет под нескончаемый водопад, сделала еще круг — причем мне казалось, я слышу мерзкое хихиканье ускользящего времени, — подкатила к будке с очередным оранжевым негром и в полном отчаянии нахально припарковалась. Вышла, раскрыла зонтик и смогла прочесть надпись на указателе. Я оказалась там, куда прибывают улетающие. Прилетающие — этажом выше.

Черт бы их всех побрал! Дети мои уже давно прилетели, где я теперь их найду? Аэропорт огромный, просто как-то нечеловечески огромный. Гигантомания, что ли, овладела французами?

Удалось разыскать лифт. Поднялась этажом выше, вся на нервах, того и гляди кондрашка хватит, внутренности скручивает, вот-вот окочурюсь. Как, с таким колтуном на голове? А что делать? Дети пропали, машина наверняка с минуты на минуту тоже пропадет. Погрузят на эвакуатор, и готово дело. Правда, откуда-то потянулись люди, и я спросила первого подвернувшегося, откуда он прилетел, не из Канады ли?

— Нет, — вежливо ответил пассажир. — Из Копенгагена.

Спятить можно! Раз копенгагенские выходят, Торонто уже должно было давно приземлиться. ГДЕ МОИ ДЕТИ?

Здравый смысл окончательно оставил меня. Ведь в конце концов, что такого ужасного произошло? Дети мои, слава богу, взрослые, говорить умели, даже и по-французски, читать тоже, знали номер моего сотового, и приехали они втроем. Кто-то один мог покараулить вещи, а остальные двое отправились бы рыскать вокруг в поисках мамочки. А могли встать столбами все трое и терпеливо ждать.

Но эти разумные доводы даже не пришли мне в голову, потому что голова была занята совсем иным. Дети пропали, я

тоже почти пропала, машина вот-вот пропадет... О, кое-какая разумная мысль меня все-таки посетила — надо хотя бы от одной из этих забот избавиться. Где дети — понятия не имею. Зато где машина, пока помню. Если ее еще не арестовали, поставлю в проклятые казематы, а если она там затеряется... тогда и стану переживать.

И я бросилась к лифту чуть ли не вприпрыжку. У лифта меня и настигла Моника. При виде внучки я поняла: смерть от меня отступилась и помешательство тоже. Однако отступили они недалеко, потому что неприятности еще не кончились. Дождь все лил, а машину я ухитрилась припарковать так, что по ее багажнику стучали не только потоки дождя с неба, но еще и обрушивались водопады с крыши. Потоки воды так и колотили по багажнику. Открой попробуй! К счастью, Роберт не лишился способности соображать, и он переставил паскуду задом наперед. Багажник оказался под крышей, и мы наконец смогли оттуда уехать, целые и невредимые.

Естественно, дождь тут же прекратился.

Сразу стало ясно, что в машине мы ни за что не поместимся — я имею в виду будущий багаж, не людей. С габаритами и весом у всех был порядок. Я вспомнила о купленном специально на такой случай багажнике на крышу и похвасталась своей предусмотрительностью. Мы его установим, когда потребуется, уже перед отъездом из Трувиля. И это станет одним из звеньев длинной нити неприятностей, о которых придется рассказать.

Мне не терпелось показать детям фотографии, сделанные во время прошлогодней поездки, я с этого и хотела начать, но фотографий не было. Пропали. Потерялись. И куда запропастился конверт с ними? Ломала голову, пока не вспомнила большую записную книжку в мусорной корзине, которую я совершенно случайно обнаружила в своем номере в отеле «Сплэндид Этуаль». Книжка слетела с маленького столика, а вместе с ней наверняка и конверт с фотографиями, я же помнила, как вытаскивала все добро и раскладывала на столике. Записная книжка бросалась в глаза благодаря ядрено-зеленой обложке, а конверт был совсем незаметным. Наверняка сначала в корзину свалился конверт, а уже на него блокнот. Теперь ничего не поделаешь, что упало, то пропало.

Затем отколол очередной номер мой «Авенсис». Не знаю, кого из нас кольнуло предчувствие, кажется, Роберта, а может, всех разом, и Роберт решил установить на крыше машины новый багажник за день до отъезда. И разумеется, выяснилось, что сделать это невозможно. Не буду уточнять, в чем причина, что именно там не подходило. Может, какие-то зажимы, держатели,

винтики-шпунтики или прокладки, не в этом дело. Не хватало всего-то четырех миллиметров, но без такого пустяка багажник не закреплялся как следует. А ведь мы же примеряли его в том магазине, где и машину приобретали, сидел как влитой, и почему я не купила тот, что примеряли! А ведь хотела, но мне заявили — это выставочный экземпляр, а продают новые, в заводской упаковке. И я отстала от них. А надо было с руками рвать тот, который так идеально сидел на моей машине!

Большие автосалоны работают допоздна. Роберт с Моникой бегом устремились в глубь огромного зала, где-то между машинами в длинном проезде разыскали служащих, с их помощью приобрели другой багажник и опять же с помощью персонала салона тут же установили его на наш «Авенсис». Там же приобрели гигантских размеров кусок пленки для защиты от дождя. А тот первый багажник, который никак не монтировался на крышу, очень мешал нам и в сложенном виде, занимая много места. Понятия не имею, зачем я эту дрянь везла домой, а не выбросила где-нибудь по дороге, он так и не понадобился. А потом еще и в гараже под ногами путался. И ведь стоил-то всего ничего...

Дождь преследовал нас весь отпуск, целлофан очень пригодился, и мы наверняка выглядели как передвижной склад вторсырья, изрядно потрепанный собаками.

Известно, как паркуются в Париже в разгар туристического сезона. Машины оставляют просто посередине мостовой, на пешеходных переходах, на перекрестках. Где попало. Полиция очень редко предъявляет претензии, однако иногда такое случается.

Моя гадина стояла на Больших Бульварах, у галереи Лафайет, по другую сторону улицы. Стояла в длинном ряду брошенных машин, ни первая, ни последняя, где-то посередине. Естественно, неподалеку воткнули милый предостерегающий знак «Stationnement genant», что следовало бы перевести как «оставлять здесь машину стыдно и позорно, совесть имейте», и в то же время указывалось, какие карательные меры предпринимаются против нарушивших запрет. Для тех, кто читать не умеет, — доходчивая картинка: огромный подъемный кран, подцепивший маленькую, беспомощную машинку.

Выйдя с Робертом из магазина «Бухара», мы увидели по ту сторону улицы желтую машину дорожной службы и суетящихся вокруг людей.

— Мамуля, уж не нашу ли тачку забирают? — встревожился сын.

Ясно, нашу.

— Быстрее туда! — заорала я. — Может, еще успеешь.

Толпы народа на тротуарах и проезжей части заслоняли мне видимость, уже потом я узнала — Роберт успел-таки. Полиция уже намыливалась прицепить трос к чему-то там в передней части «Авенсиса», наверное, к буферу. К счастью, Роберт успел до того, а существует неписаное правило — если водитель первым коснется машины, его оставляют в покое. Если же опередят они — ничего не попишешь, тогда тачка в их распоряжении, и тут ты можешь скандалить, плакать, плясать вокруг своего сокровища, они — ноль внимания, хоть ты лопни.

Вот скажите, с чего это они привязались именно к моему коняге, выбрали его из тысяч других средств передвижения? Иностранные номера? Так там стояли машины со всего света.

Зоя с Моникой раньше нас покинули «Бухару» и отправились в какой-то большой магазин, мы с Робертом остались вдвоем. Он понесся на помощь машине, я потопала следом. Придя на место опустевшей стоянки, я не нашла ни машины, ни сына, ни полиции. Невестки с внучкой тоже не было. Я не знала, на что решиться, а главное — не знала, что случилось с машиной. Забрали ее или нет? Сотового у Роберта с собой не было, девчонки же не услышат сигнал, если они в шумном магазине.

Я чувствовала себя чем-то вроде шпиона-связного. Уселась за столиком в ближайшем бистро и принялась пить все подряд: кофе, грейпфрутовый сок, минералку, пиво, белое вино, при этом я бдительно вертелась во все стороны. Вот только красного вина не заказывала, вместо красного они наливают всякую гадость.

Первым явился Роберт. Пешком, машину поставил на стоянку в казематах, тех самых, подземных, их развелось в Париже множество, места там всегда есть, вот только я эти подземелья не выношу. Теперь уже вдвоем мы принялись ждать Зою с Моникой. Немного подкрепились напитками. Потом девчонки явились, тоже подкрепились напитками. Вот таким образом мы провели почти половину парижского дня напротив магазина «Бухара».

Если кто-то подумал, что на этом «Авенсис» закончил откалывать свои номера, то он сильно заблуждается.

А теперь опять маленькое лирическое отступление. Если не ошибаюсь, именно в ту поездку мы очень обидели австрийцев. Правда, австрийцы об этом никогда не прочтут и, следовательно, не узнают о наших оскорбительных инсинуациях в их адрес, но я все равно чувствую себя виноватой перед ними и хотела бы извиниться. В конце концов, очень приятная страна и такая красивая столица!

На номерах австрийских машин должна фигурировать буква А. В разгар туристического сезона Париж переполнен людьми всех национальностей, кроме французов, мы уже к этому привыкли, но нас поразило странное стечение обстоятельств. Если мы едем по улице, а у нас под носом машина ползет как улитка, то это обязательно австриец. Если на оживленной площади остановлено движение из-за неумелых действий какой-то машины, то на ней непременно австрийские номера. Если какой-то идиот перегородил нам выезд, то это опять обязательно австриец. Что-то слишком много развелось этих австрийских идиотов, просто бросаются в глаза.

— Слушай, «А» — это Австрия? — в полной растерянности спросила я сына.

— Австрия, — подтвердил он.

— Но ведь они себя называют на «О» — Österreich.

— А для всех остальных — Австрия. У них ведь социализма не было?

— Не было. Не подфартило им.

— Значит, машины у них свободно продавались.

— Насколько мне известно — свободно.

— Вот и развелось австрийских машин. У них там что — прерии? Саванны? Безлюдные пустыни?

— Какие пустыни! В основном горы.

— Так, может, они не умеют ездить по плоским поверхностям?

Нет, это просто невозможно! Чуть ли не на каждой улице австрийский кретин тем или иным способом мешал движению. Мы гадали, уж не оккупировала ли Париж австрийская молодежь, только-только получившая права. Или так называемые «воскресные» водители. Или просто ненормальные.

Но откуда в Австрии столько ненормальных?

Роберт первым обратил внимание на проехавшего на красный свет очень странного австрийца.

— Тебе не кажется, мамуля, что он слишком загорелый?

И в самом деле. Да еще и тюрбан какой-то на голове. Теперь уже и Зося с Моникой отслеживали австрийцев за рулем. И тут выяснилось, что некоторые австрияки все же относятся к белой расе, но таких было меньшинство.

— Мать, а ты не знаешь, не получила ли Австрия в последнее время какой-нибудь колонии? Мы в своей Канаде могли и прозевать это событие.

— Нет, мне тоже ничего не известно. К тому же я не слушаю радио и газет не читаю. Но сомневаюсь. Вряд ли какая страна сама запросится в колонию к другой.

— Ну почему же. Надоело нищенское прозябание и безобразие в верхах, вот и напросились.

Мы долго ломали головы над геополитической ситуацией, пока наш приятель Михал не просветил нас: у французов буква «А» на машине просто означает «Учебная».

Так что очень прошу господ австрийцев нас извинить.

По возвращении в Варшаву я затеяла переезд в новый дом.

Миллион раз я уже писала... ну, может, не миллион, а раза два-три, что я рассказываю лишь о тех событиях, которые действительно приключались лично со мной. И по очень простой причине. Раз это случилось со мной — никто меня не переубедит, что такого быть не может, что это просто невероятно. Раз я сама была тому свидетелем, значит, может. И прошу оставить упреки, будто у меня слишком богатое воображение!

Некоторые моменты моего переезда нашли отражение в книге, которую я тогда писала, в «Бледной Холере». И теперь я не знаю, что выйдет раньше — эта «Автобиография» или «Бледная Холера». В любом случае, и там и здесь — правда.

Переезжать я решила одним махом. У меня не было возможности воспользоваться услугами специальной фирмы, ведь фирма действует профессионально и последовательно. Все запаковывает в одном месте, перевозит в другое, там распаковывает и даже может расставить по местам. Нет, такая роскошь не для меня. Ведь у меня как? Одно беру, другое не беру, оставляю, из оставленного одно можно выбросить, другое нет, даже мусор нужно перебрать, ведь в нем могут оказаться ценнейшие тексты. А перевозить в новый дом абсолютно весь скарб было глупо. В общем, кошмар!

Я с благодарностью приняла помощь как от молодых и крепких особ мужского пола, так и от сообразительных особ женского пола независимо от их возраста. Вещи в старой квартире паковались под моим надзором, я была на посту до конца и уехала с последней партией вещей. С тех пор нога моя на проклятую лестницу не ступала! Я даже не проверила, не осталось ли в квартире чего нужного.

Честно говоря, больше всего мне жаль старой деревянной лопатки с тефлоновым покрытием. За долгую службу она приняла очень удобную форму, края закруглились. Пропала, теперь ничего не поделаешь. Пропали и настенные желто-зеленые часы, довоенные бигуди, кое-что из одежды. Наверняка в двух мешках с мусором оказались и те из моих костюмов и платьев, которые я сохраняла лишь для того, чтобы по ним сшить новые. Но я за ними не вернулась, лучше потерять шмотки, чем жизнь.

Кто не задыхался, не помирал на лестнице, меня не поймет. Вот я и решилась на это очень личное, интимное признание, оно многое объясняет в моем поведении. А раз интимное — непременно заинтересует уважаемую публику, я же я открыто признаюсь: не выношу лестниц как психически, так и физически. Возможно, больше психически, раз физически еще жива.

После переезда работы было невпроворот, одновременно приходилось делать тысячу дел. Мы с пани Хеней пытались хоть как-то привести в порядок кухню, параллельно я лихорадочно строчила на швейной машине — подшивала многочисленные занавеси, шторы и занавесочки, — работала над новой книгой и отчаянно пыталась провернуть самые насущные работы в саду... Мы уже буквально валились с ног, когда появился молодой человек. Журналист.

Вроде бы симпатичный и во всех отношениях культурный и вежливый, но пристал как смола. Ему, видите ли, от меня срочно требовалось интервью.

Я отбивалась руками и ногами, стараясь вести себя любезно и надеясь — поймет, что сейчас мне не до интервью. Но он не понимал. И не уходил, настырно крутился вокруг меня и канючил. Я же моталась из одной комнаты в другую, из кухни в гардеробную, на минуту присаживалась к компьютеру — не забыть бы удачной фразы, — потом выскакивала за дверь и хваталась за лопату. Журналист не отступал ни на шаг. Во время одного из моих появлений во дворе он заметил «Авенсис». Машина стояла грязная, как свиное корыто. В гараже ей места не хватило, он пока служил и складским помещением, и спальней для рабочих, еще трудившихся в доме. Затолкать туда машину было просто невозможно.

Настырный труженик пера моментально прицепился к «Авенсису», громко возмущаясь, что он такой грязный. А каким же ему еще быть, ведь до него просто не доходили руки. Тогда журналист неожиданно вызвался вымыть машину. Может, потому, что я категорически отказалась давать интервью и он таким образом попытался меня умиловить? Дело доброе, ничего не скажешь. Кран и шланг были тут же, во дворе, и молодой человек, не дожидаясь разрешения, взялся за дело. Для меня в тот момент гораздо важнее было хоть как-то обустроить кухню, вставить одиннадцать пропущенных страниц в книгу в нужное место и немедленно высадить сто луковичек тюльпанов, до машины ли тут? Сообразив, что я и без того потратила на молодого нахала много времени, за которое сто раз успела бы дать какое-никакое интервью, махнула на него рукой и умчалась по своим делам. Уж

не знаю, выдала ли пани Хеня ему какую-нибудь щетку и тряпку или он драил «Авенсис» своей рубашкой. Но отдраил без сомнения, после чего опять пристал ко мне. Ну хоть самое коротенькое интервью!

— Ладно, — устало согласилась я. — Валяйте, да побыстрее. Поехали!

Представьте, мои слова он воспринял буквально. Попросил меня сесть в сверкающий «Авенсис» и отъехать от дома, хоть на несколько метров, чтобы была пусть завалящая, но природа. Хорошо, природа так природа. Я заявила, что едем ровно три минуты — и ни на секунду больше, ни на метр дальше.

Так мы и сделали. Доехали до дамбы, прекрасный пейзаж, долина Вислы. Я ответила на вопросы, репортер немного пощелкал фотоаппаратом, и я решительно двинулась обратно. Мы условились о дне, когда он доставит текст интервью мне на подпись, и парень, слава богу, исчез.

А потом вышел его журнал, «Гала» назывался, и выяснилось, что меня, как девчонку, обвели вокруг пальца.

Да, текст он представил, но не на бумаге, а на малюсеньком экране своего крошечного ноутбука. Я привыкла к нормальному чтению на бумаге, чтобы можно было вникнуть в написанное, внести поправки. Подслеповатый экранчик — это вам не бумажные листы. Я долго вглядывалась в текст своего интервью. Где мои критические замечания об электронике «Авенсиса»? Где о слабом аккумуляторе, о беспричинном диком вое, о том, что машина с самого начала прониклась ко мне неприязнью? Ни слова об этом! Сохранились лишь две-три похвалы «тойоте», ведь я справедливо отдала ей должное, пусть и очень сдержанно, в его же версии это было раздуто самым бессовестным образом, превратившись в безоглядное восхваление заразы.

Журналист смиренно и покаянно выслушал мои возмущенные протесты, заявив, что в следующий раз непременно разделает «Авенсис» под орех, но он ничего не мог поделать, в журнале все решает шеф. Ну что с него взять? Я лишь рукой махнула.

Эти перепалки происходили на стадии ноутбука, а потом я увидела журнал... Просто рекламный проспект, а не журнал! Да я бы ни за что на свете не согласилась рекламировать что-либо, тем более — такую сволочь, как моя машина! Я же понимаю — бракованная серия. Ни за какие сокровища мира не стала бы ее расхваливать, а уж тем паче бесплатно. Паршивец ловко кинул меня, надул, другими словами.

Естественно, мы с моим литературным агентом, паном Тадеушем, как два огнедышащих дракона, пылая жаждой мести,

бросились в суд, чтобы привлечь к ответственности бульварный листок. Но выяснилось, что за все ответил бы только парень, вымывший мою машину. И что? От него требовать возмещения морального ущерба? Наказать его, конечно, следовало бы, никакого сомнения, но тратить время, силы и деньги ради него одного? Идиотизм.

Что не помешало мне хорошенько запомнить людей, втянувших меня в эту кретинскую историю.

Моей же гангрене и этого оказалось мало. Вскоре после описанных событий эта гадина позволила себя угнать.

«Авенсис» по-прежнему стоял во дворе, так как гараж все еще был занят. Теперь там оборудовали столярную мастерскую.

Сигнализацию в доме и в машине я не включала из страха. По-моему, я достаточно доходчиво описала, как электроника отравляет мою жизнь, правда же? Навсегда останется в моей памяти шок, пережитый в первую же ночь после переезда, когда я все же включила в доме проклятую сигнализацию. В ту ночь трижды приезжала полиция, будила меня, я выскакивала на другую сторону дома и обмирала от загробного воя, а полиция тщето искала грабителей по всему дому и его окрестностям.

Домушников так и не нашли, никаких следов. Разозленная, я наконец отключила сигнализацию и проспала до утра. На следующий день полицейские специалисты по охраным системам провели расследование, и что же выяснилось? Наверху, в комнате для гостей, на подоконнике стоял себе цветочек в горшочке. Случайно он оказался точно напротив фотоэлемента. Цветочек изредка шевелил листочками, должно быть от струек теплого воздуха, идущего от батарей, и фотоэлемент реагировал на это шевеление, как-то там взаимодействовал с сигнализацией дома и заставлял машину истерично выть.

С цветочком мне расставаться не улыбалось, и я уперлась, чтобы его не трогали, пришлось производить сложные манипуляции с электроникой, в результате чего комнаты для гостей лишились сигнализации. Все прочее по-прежнему пребывало под охраной. А чтобы влезть ко мне через комнату для гостей, пришлось бы разобрать кусок крыши или сделать пролом в каменной стене. Думаю, такое я бы услышала, как бы крепко ни спала. А в мое отсутствие непременно заметили бы жители окрестных домов.

Потом я сама ранним утром дважды поднимала тревогу, напрочь позабыв отключить проклятую сирену. Устраивалась себе беззаботно с чашечкой чая, а сигнализация срабатывала. Да еще как!

В результате мне до смерти надоели все эти штучки, и,

боюсь, я вечерами перестала их включать. Вернее, раз включала, раз нет. А в тот раз наверняка не включила, чем и воспользовались злодеи. Я все-таки думаю, они проследили за мной еще тогда, когда я пригнала к дому новый «Авенсис», третий по счету. Должно быть, от автосалона крались за мной, выяснили, где и как я его держу, пережили опеку полиции, мое длительное пребывание за границей, мой переезд, ничто их не отпугнуло. Упрямо шли к своей цели. Такие принципиальные!

(Опять же, не могу не заметить в скобках. Теряют поляки свой джентльменский шарм, ох теряют. Если уж эти ребята так вцепились в меня, а я сама чрезвычайно облегчила им задачу, могли бы хоть розы прислать или шампанское. Я предпочитаю «Dom Perignon»...)

Утром я направилась в кухню и сразу заметила — кухонное окно нараспашку. Выглянула во двор. Ворота раскрыты, машины нет. Пусто во дворе. Автоматически оглянулась, на месте ли сумка. Сумки тоже не было. Тогда я кинулась звонить в полицию, не забыв нажать кнопку, чтобы вызвать охрану.

Очень скоро собралась целая толпа. Приехал Витек, примчался пан Ришард, со времен строительства дома ставший его опекуном. Полиция и охранники столкнулись в воротах. Я лихорадочно пыталась вспомнить, что у меня было в сумке. Одновременно я блокировала по телефону кредитные карточки, отвечала на вопросы властей и пыталась проверить, что еще украдено из дома. Мой загранпаспорт уцелел, что очень меня обрадовало. Пропажа остальных документов почти не огорчала, ведь уже вышло постановление о выдаче новых паспортов и водительских прав. Вот и замечательно, сразу сделаю себе новые.

Полиция страшно обрадовалась, что на угнанном «Авенсисе» установлено противоугонное устройство типа LOJACK. Я установила его сразу после переезда в новый дом, пожалуй, еще до идиотского рекламного интервью, а может, и раньше, точно не помню. У меня уже в голове перепуталось все, что я делала со своими проклятыми тремя «Авенсисами».

Впрочем, неважно, когда я установила новую хитроумную штуку, главное, у машины была защита. Итак, полиция очень обрадовалась, а вот я... Мы с Витеком переглядывались время от времени. Думаю, и он не горел особым желанием вновь увидеть нашу гангрену. Меня же ее капризы и коленца довели до того, что я уже подумывала о покупке машины другой марки, и плевать на цвет курточки.

Но машину все-таки нашли. Противоугонная новинка выдержала экзамен. «Авенсис» вернулся. Его местонахождение вычислили по всей науке. Угонщики, не будь дураками,

понимали, что в машине спрятано хитрое устройство, а потому попридержали ее, выжидая, что же предпримет полиция. А полиция тоже выжидала, что предпримут воры. Потом все разом потеряли терпение, и угонщики не стали рисковать. Бросили машину на улице, после чего мне ее и доставили. Ничего плохого гангрене угонщики не сделали, разве что немного разодрали обивку в багажнике, искали датчик LOJACKa, ничего не нашли и отказались от своего намерения. Вместе с машиной вернулась и моя сумка. А жаль. Лучше бы я купила себе новую. Вернулись и документы, правда, уже недействительные, но все равно — бандюги поступили благородно.

Всех будущих потенциальных взломщиков заранее предупреждаю: все окна моего дома снабжены дополнительной защитой, так что не стоит трудиться понапрасну. А брильянтов у меня по-прежнему нет.

Кроме того, цветочек я все-таки переставила, внесла еще кое-какие усовершенствования, сигнализацию теперь включаю всегда, чтоб ее черти побрали, и, кажется, уже немного к ней привыкла.

После этих приключений мы с Витеком отправились в гости к Алиции.

Тут я малость запуталась в хронологии, забываются события мелкого масштаба. Крупные-то я хорошо помню, а всю мелочь следовало бы записывать, да что теперь говорить. Хронологически следовало бы сейчас о другом, но мне хочется совсем уж покончить с «Авенсисом», на веки веков, аминь.

Итак, мы с Витеком решили съездить на «Авенсисе» в Данию к Алиции. Алиция была и оставалась моей лучшей подругой, в последнее время она прихварывала, и я хотела разобраться, что с ней и как я могу помочь. Разумеется, Алиция от всякой помощи отказывалась, уверяя, будто ей ничего не нужно. Но меня не проведешь. Когда-то Алиция спасла мне жизнь, а я что же? Теперь, когда она осталась одна-одинешенька и больная, брошу ее на произвол судьбы? Что она себе воображает и за кого меня принимает?

Второй причиной для поездки к Алиции были, как всегда, садово-огородные надобности, мне позарез требовались ростки из ее волшебного сада.

У Витека же в Дании были дела, и он радостно воспользовался okazjiей. Подозреваю, делами он называл рыбу. Не ту, которую намеревался есть или закупить в торговых целях, а ту, которую ловят. В данном случае на спиннинг. Не знаю уж, где он собирался ее ловить. По моим данным, Никобинг, куда он стремился всей душой, расположен не на море, а в проливе, но

поскольку рыбы привычки и пристрастия мне неизвестны, я лучше помолчу.

Дорогу мы решили преодолеть за один день, на дворе лето, дни длинные. Витек, ранняя пташка, уговорил меня выехать в пять утра, тогда мы успеем к парому в Варнемюнде к 18.00. И я согласилась, ведь когда едешь вдвоем, нет необходимости делать длительные остановки для передыха.

Трогаться надумали в четверг. А в среду пришла пани Хеня, ведь без нее я бы просто не смогла уложить вещи в дорогу, после переезда я была без нее как без рук. Только она одна знала, что в каких коробках и мешках лежит. Я же заведовала при переезде бумагами, книгами, всякими картинками, компьютером с причиндалами, косметикой, лекарствами, тарелками со стаканами и банным добром. Остальным занималась пани Хенрика. На вопрос, куда положить, скажем, постельное белье, пани Хеня чаще всего слышала: «Куда-нибудь», или «Куда поместится», или «Куда хотите, потом разберемся». Вот почему я ведать не ведала, где искать нужный скарб.

Между нами говоря, кухня и по сей день не приведена в порядок, куча необходимых вещей просто в нее не помещается, а ведь проблем не было бы, если бы с ней с самого начала обращались по-человечески. А так в ней царит страшная неразбериха, причем в одной половине неразберихи ориентируется пани Хеня, а в другой — я. Впрочем, нет, это яхватила. На мою долю приходится лишь малая часть неразберихи, в которой я способна ориентироваться.

Но я помню о кухне и когда-нибудь приведу ее в порядок.

Итак, пани Хеня пришла в среду. Зная, что на следующий день я в пять утра должна сесть за руль, а значит, проснуться как минимум в четыре, я собралась лечь как можно раньше.

Упаковали мы все наилучшим образом. Для Алиции я прихватила собственного приготовления селедочку в банках, соленые огурчики, бигос и кое-что еще из наших польских вкусоностей. Продукты запаковали особенно тщательно, но и мои вещи тоже уложили аккуратно и с толком. Хоть сейчас отправляйся в путь! В 20.30 пани Хеня сказала, что можно, пожалуй, уже запереть на ночь и калитку, и входную дверь, вряд ли кто придет в такое время.

В недобрый час сказала! И он, недобрый час, злорадно хихикая, не заставил себя ждать.

В 20.40 у калитки забренчал водомер. Да-да, теперь завелись такие особые чиновники, проверяющие расход воды в отдельно стоящем доме — дабы убедиться, честно ли этот расход оплачивается. Я понятия не имела, где в моем доме установлен

счетчик воды, но этот самый водомер все знал. Ладно,пустила его, он сделал свое дело и ушел.

В 20.50 затрещал телефон. Марта Клубович, киноактриса, которая должна была играть меня в российском сериале по книге «Что сказал покойник», попросила предоставить ей сценарий или хотя бы его короткий пересказ. Желательно по сериям. Не очень обрадовала меня эта дополнительная работа, но ничего не попишешь, пришлось обсудить наше общее дело.

В 21.30 приехала Аня Павлович, представлявшая собой половину издательства «Кобра», привезла пачки с книжками и робко попросила разрешить ей что-то скопировать в моем компьютере. Аня Павлович с компьютером обходиться умела, так что я не возражала.

В 21.50 Аня засела за компьютер, а пани Хеня принялась перетаскивать книги наверх, в комнату для гостей, поскольку внизу места для них уже решительно не оставалось.

В 22.30 мне окончательно расхотелось спать.

В четверг, в пять утра, минута в минуту, приехал Витек, до отращения свеженький и бодрый. Я пила чай. Вместе с пани Хеней мы затолкали в машину оставшиеся мелочи. Тут выяснилось, что Витек забыл дома приготовленные в дорогу бутерброды. Как и сотовый. Я-то оба своих мобильного заботливо упаковала, даже о зарядном устройстве побеспокоилась.

Выехали мы в 5.20. За руль села я, в это время ни на что другое я не была способна.

Правда, не обошлось без неприятностей. Начала я с того, что защемила в окошке машины руку Витека. На кой он ее выставил — не понимаю, при этом еще и бубнил, мол, неплохо бы окошко закрыть. Вот я и закрыла. Он в крик, но я-то откуда знала, что он руки в окошки сует. К тому же ничего особенного не случилось, не откромсала я ему руку, так, прищемила слегка.

Словом, мы тут же начали ссориться, но не из-за руки, а из-за маршрута. Я собиралась ехать, как всегда, через Щецин и пограничный переход в Любешине, дорога для меня привычная, в Копенгаген я всегда по ней езжу. А Витек уперся — через Костшин и по берлинской автострате. Я уступила, хоть не выношу Познанское шоссе. До Костшина добрались без происшествий.

На границе нас ждал длиннющий хвост из легковых машин. В последние годы я от таких очередей поотвыкла, вот и проскочила вдоль всей вереницы до самого здания погранохраны — узнать, чего они это тут стоят и могу ли я проехать. Мне указали на забитую машинами соседнюю полосу. Проехать можно, только вон по той полосе, рядом. Не оставалось ничего другого, как

втиснуться в просвет между стоящими в очереди машинами, зато в самом начале очереди.

Границу мы пересекли через десять минут.

Меня пропустили, а Витек ни словом не прокомментировал мое поведение на границе.

Сделал он это лишь тогда, когда мы уже мчались по Германии.

— Ну и что ты откаблучила на границе? — недовольно поинтересовался он. — Попыталась проскочить первой, влезла без очереди. Вот почему тебя и очередь не обособила, и пограницы пропустили?

Только тогда до меня дошло, что повела я себя некрасиво. На последний вопрос Витека я знала ответ. Но раз он позволил себе прибегнуть к такому стилю, я в долгу не осталась.

— Отстань! И поучись уму-разуму. Пойми, это граница, место само по себе тревожное. Люди послушно стоят в очереди, терпеливо ждут. И тут подъезжает некий хмырь, плюет и на очередь, и на пограничников, самым хамским образом втискивается в самое начало. Понимаешь? Холера знает, кто он. А может, у него есть такое право? Какой нормальный человек отважится устраивать на границе скандал и задирать с пограничниками? Вот все и подумали...

Витек признал мою правоту, подсчитал сэкономленное время, и у него получилось, что мы успеваем на более ранний паром в Росток, тот, что отходит в шестнадцать. И тут я опять возмутилась. Какой Росток, при чем тут Росток? Не желаю в Росток, привыкла всегда отправляться из Варнемюнде. Росток оставим в стороне, автострада нацелена на Варнемюнде и упирается в его пристань! Что он мне голову морочит с этим Ростоксом?

До этого мы уговорились смениться за рулем на бензозаправке, но из-за Ростока забыли об уговоре. А тут еще, чуть мы пересекли границу, с полочки над контрольной панелью слетела моя зажигалка, солидная вещь в железном корпусе. Витек сам ее туда положил. Падая, она грохнулась прямо о его коленную чашечку. Бедняга взвыл. Закончив стонать, Витек имел глупость поинтересоваться вслух, какой еще физический ущерб я нанесу ему за время поездки. Сначала рука, потом нога...

Я всегда помнила о недобром часе и других предупреждала, чтобы не искушали судьбу. Уж теперь-то он точно начеку, этот недобрый час...

На бензозаправке я купила два шоколадных батончика, чего никогда не делала, и от одного даже свирепо откусила.

Мы поехали дальше и всю дорогу ссорились из-за маршрута.

Теперь мое неудовольствие вызвал указатель на Ганновер. Почему-то мой племянник никак не мог понять, хотя я ему сто раз повторила, что Ганновер должен находиться западнее, а его сомнительный Росток восточнее, а если мы и дальше будем так ехать, то попадем в Путтгартен, описав огромную дугу. Когда же указатель с Ганновером от нас отцепился, я принялась ворчать по другому поводу, кстати и некстати поминая несчастный Росток.

Принялась накрапывать дождь. Очень неприятно в такой момент находиться на автостраде. Дождь еще не смыл пыль, но уже успел ее намочить, размыть, стало скользко. Я сбросила скорость до сотни. Хорошо еще, на автостраде не было толкотни. Одна машина передо мной, далеко позади маячит еще одна, по правой полосе едет автобус, собственно, вот и все.

Упрямо продолжая втолковывать Витеку, что его неумение разбираться в сторонах света до добра не доведет, я приближалась к указателю и уже понимала, что автобус, едущий по правой полосе, его заслонит. Впрочем, это было ясно с самого начала. Всегда, когда справа должен быть нужный указатель, его непременно заслонит автобус, грузовик или хоть трактор. Если человеку так уж необходим указатель, ему положено перестроиться в правый ряд и ползти с умеренной скоростью.

Мой личный рекорд тихоходности на трассе составлял километров восемьдесят в час. Медленнее я просто не умею ездить по скоростным дорогам.

Желая взглянуть на указатель, я вдавила газ, выжав сто десять, надеясь проскочить автобус и все-таки углядеть указатель. И тут передо мной вспыхнули стоп-сигналы.

Тормозит, гад! Мне тоже пришлось притормозить, мелькнула мысль — не обойти ли гада справа, увы, слишком узко, на велосипеде бы проскочила, на машине никак, успела лишь произнести одно-два из уместных в таком случае словечек и врубилась в его гузку левой фарой своего «Авенсиса». Витек уперся руками в приборную доску, размазав по ней початый шоколадный баточник.

Откуда, черт возьми, там взялся проклятый шоколад?

Я даже как-то не очень расстроилась. Случившееся было столь невероятно, что в его реальность я не до конца поверила. Ведь я же не ехала за этим фрицем по пятам, ни в коем случае, я вообще терпеть не могу ехать за кем-то впритык, разве что вынуждает пробка, а так для меня всегда оптимальное расстояние до ближайшей машины — двадцать метров. Это абсолютный минимум, а еще лучше — метров пятьдесят, я люблю простор. С этим же проклятым немцем мы ехали примерно с одинаковой скоростью, он был намного впереди меня, что же заставило его

вдруг так резко затормозить?

Я не виновата в дурацком столкновении, я тут ни при чем, не выйду из машины, и все тут! Обиделась я. И вообще плевать я хотела на этого недоумка, пусть они с полицией делают там что хотят.

Они и делали. Однако приехавшая немецкая дорожная полиция заставила-таки меня покинуть убежище. Вылезла я из проклятого «Авенсиса», дождь моросит, я скривилась и заявила, что под дождем отказываюсь давать показания. Допрос немецкие менты учинили мне в своем фургончике. Желая довести до их сведения свою точку зрения на автопроисшествие и поподробнее описать, как оно все случилось, я позвонила Гражине в Штутгарт и привлекла ее к полицейскому разбирательству в качестве переводчицы. По сотовому я по-польски изложила ей свою версию, сунула сотовый в руки главного мента, впрочем, весьма симпатичного и неглупого, он выслушал пересказ по-немецки. Затем сообщил Гражине свои соображения и передал сотовый мне. Выслушав от Гражины по-польски его соображения, свое мнение о них я сообщила Гражине, и она по-немецки довела их до сведения полиции.

Я не раз потом слышала, как Витек в полном восторге рассказывал знакомым, что в такой аварии-развлекухе ему еще не доводилось участвовать.

Потерпевший, тот самый получивший по заду фриц, почему-то не имел ко мне никаких претензий, только лихорадочно собирал и все подсовывал полиции какие-то документы. Я же особый упор делала на его бремсен, то и дело напирая на это слово. Словечко я как-то очень быстро запомнила, знала, что по-немецки bremsen — тормозить, очень я старалась, чтобы полиция поняла: у недоумка не было абсолютно никакой рациональной причины тормозить у меня под самым носом.

Пострадавший энергично отрицал мои инсинуации. Откуда, какие такие бремсены, не прикасался он ни к каким тормозам, чуть ли не заявлял, что у него этих бремсенов и вовсе нет. Полицейский разделался с нами в молниеносном темпе, — возможно, хотел поскорее избавиться от виновницы катастрофы с ее языковыми трудностями. Оказалось, мы стоим в полукилометре от сервиса «тойоты», это во-первых, а во-вторых, до Ростока всего ничего — десять километров, и мы без проблем успеем на паром в 18.00. Не на моей разбитой машине, ясное дело, и не пешком, а на такси.

Мы и в самом деле успели, но я бы не сказала, что без проблем. Одно дело, когда человек собирается в путь на поезде или самолете, и совсем другое — на собственной машине. В

таким случае и вещи он пакует соответственно или вовсе их не пакует. У нас оказалась прорва каких-то мелких пакетов и отдельных предметов, перетаскивал их в такси главным образом Витек, но и мне пришлось потрудиться. К тому же мы оба привыкли на паром въезжать на машине, а не входить на своих двоих, а это не так уж и просто — там опять лестницы!

Когда все осталось позади, позвонила неимоверно встревоженная Гражина. Я объяснила, как все было, и заверила, что лично я не пострадала ни телесно, ни психически. Как и Витек. Гражина немного успокоилась и поведала, что мы стали жертвами классической «подставы» — явления, принявшего в Германии еще более крупные размеры, чем в Польше. Здесь люди редко меняют свои старые керосинки на новые машины, слишком накладно. Гораздо проще подстроить автокатастрофу, вызвать дорожную полицию, оформить все честь честью, а страховка в немалой степени покроет расходы по приобретению новой машины. Да вот пример: одна близкая знакомая Гражины полгода мучилась в поисках подходящей аварии, моему же фрицу со мной явно повезло. Поэтому и светился от радости паршивец, ко мне — никаких претензий, даже ручки целовал и потом долго еще присылал открытки, поздравляя то с днем ангела, то с праздниками. А разговаривая после полицейского расследования с Гражиной по телефону, откровенно не скрывал радости, даже произнося, казалось бы, страшные слова «Вдребезги, буквально в лепешку!» и «На списание, в утиль».

Интересно, что он купил взамен своего старого «опеля»?..

Еще со станции обслуживания Витек позвонил своему приятелю в Никобинг, чтобы тот встретил нас в Гедсере. Ничего особенного, каких-то десять километров. До Алициного Биркерода мы добрались поздно, по дороге часто останавливались, парни закупали какие-то рыболовные принадлежности. В Биркероде я не решилась в столь позднее время тревожить больную подругу, поехали прямо в гостиницу, где я и сняла номер. Все мы были страшно голодными и первым делом отправились в ближайшую забегаловку. Я еще радовалась — наконец-то у меня появилась возможность ознакомиться с ночной жизнью Алициного городишки, ведь все эти десятилетия я неизменно останавливалась только в доме подруги. Ночная жизнь разочаровала, в забегаловке на главной улице города были лишь пиво и гренки с сыром, к тому же твердые как камень. Но лучше это, чем ничего.

На следующий день я упаковала все презенты для Алиции в большую сумку на колесиках и пешком отправилась к ее домику, именно таким образом я добиралась много лет назад, когда

прибывала в городишко с парома на поезде.

Войдя в ее дом, я привалилась к косяку, перевела дух и упрекнула подругу:

— Алиция, этот твой Биркерод жутко гористый городишко!

— Вот именно! — обрадовалась Алиция. — Я вам это уже сто лет твержу!

У Алиции мне пришлось пережить несколько сильнейших потрясений, и я не уверена, что обо всех следует написать. Но об одном просто никак нельзя умолчать. Ведь столько раз я писала в своих книгах о прекрасном саде подруги. Захлебываясь от восхищения, рассказывала о нем и знакомым, и во всевозможных интервью. Так что о саде следует хотя бы вкратце упомянуть и в этой части «Автобиографии», пусть уж хоть с этим разделаюсь, потом, если получится, займусь менее отвратительными вещами.

Алиция страдала заболеванием позвоночника, суставов и вообще всего опорно-двигательного аппарата. Врачи установили несколько причин болезни, главная из которых — нарушение обмена веществ и состояние суставного хряща, что могло быть вызвано как перегрузками — физическими и психическими, — так и инфекционными заболеваниями, и переохлаждением, и травмами, и возрастными изменениями. Надо было серьезно лечиться. Алиция немного полежала в польском санатории, затем лечилась в Дании, но без особого успеха.

Она охладела к саду и к дому, которые так любила. Не было у нее ни сил, ни желания ими заниматься.

И вот некоторые личности воспользовались болезнью Алиции, чтобы навести порядок в ее доме. Не знаю, кто, и не знаю, сколько было этих доброхотов, но думаю, без Алициного огородника не обошлось. Я бы назвала его психопатом, свихнувшимся на желании изничтожить все, что можно.

Увидев результат их деятельности, я онемела на трое суток. Я даже не была в состоянии отреагировать на последние судорожные усилия психопата, спешно уничтожавшего растения, которые я еще застала!

Не стану описывать жалкие остатки некогда роскошного сада. До сих пор мне делается нехорошо, стоит вспомнить. К счастью, растения обладают способностью расти, а у Алиции хватило ума стараться не замечать разора. Из дому она выходила лишь через заднюю дверь, в небольшой дворик, там и дышала воздухом. Никакая сила не заставила бы ее распахнуть дверь на террасу и выглянуть в бывший сад. Правильно поступала, на кой ей лишние стрессы?

Уверена, что многие растения выросли заново. Многие, но не все. Кусты погибли безвозвратно, огородник-психопат против них особенно ожесточился, прямо с каким-то остервенением вырубал, чтоб ему... Можете быть уверены, уж я ему от души пожелала всего наихудшего, что только может случиться с человеком, не стану повторяться, да всего и не напишешь.

Если я с трудом перенесла увиденное, то не представляю, как все это пережила моя бедная подруга. Но растения брали свое, и уже при мне бывший сад перестал напоминать местность после ядерного взрыва.

Я закупала для Алиции продукты и все никак не могла привыкнуть к отсутствию машины. Продукты своим ходом прибегать отказывались. Друг Витека, знавший датский, помог мне арендовать машину. Это оказался «фольксваген». На нем же, погостив у Алиции, я отправилась в город, отыскала магазин «Сад-огород» и забила багажник всевозможными растениями для своего сада. А землицы прихватила из бывшего сада Алиции. Землю эти варвары не сумели испоганить, хотя и очень старались. Попрощавшись с Алицией, я вернулась в гостиницу, поскольку уезжать мы тоже собрались спозаранку.

До нашей границы меня согласился подбросить приятель Витека. Он не скрывал, из каких соображений это делает. Дело в том, что закусочная у пограничного перехода славится своим фирменным блюдом — русскими пельменями, и из-за этих пельменей он хоть на край света поедет. Витек решил ехать с нами, хотя раньше планировал просидеть у приятеля пять дней. Именно за это время обещали привести в порядок наш «Авенсис». С другом он собирался вернуться в Никобинг, а я за пельменями встретила с Малгосей, женой Витека, которая приехала за мной вместе с сыном Мартином.

В девять утра я выехала из гостиницы и в шестнадцать проскочила мимо поворота на Родби, причем всю дорогу думала о том, как бы не проскочить поворот на Родби. Утешилась тем, что Копенгаген я немного знаю, на его окраину выберусь, там отыщу нужную автостраду и... И тут произошло нечто ужасное.

Машина принялась попискивать, а на приборной доске вдруг замигала красная точка. Я испугалась, тем более машина не моя, и кто ее знает, чего вдруг мигает. Внимательно осмотрела все доступные моему взору и понятные мне показатели, те, что под носом, — тормоза вроде в порядке, двигатель работает ровно, свет тоже о'кей, так в чем дело? Бензин? Вгляделась в указатель уровня топлива. Боже, на нуле! Как такое может быть? Ну сколько я проехала? Километров тридцать, не больше. Выходит, мне дали

незаправленную машину? С пустым баком? Не может быть!

Может, не может, а заправляться придется. Трудность в том, что по субботам и воскресеньям Дания словно вымирает, уж мне ли не знать. Но ведь Европа как-никак, и хотя бы одна бензозаправка должна работать. Интересно, попадется ли мне хоть одна работающая заправка на пути в Никобинг? И на сколько хватит бензина?

Как-то так получается, что бензин всегда является для меня источником нервозности, вот и сейчас мною овладела самая настоящая паника. Я все же сообразила позвонить Витекову дружку, и тот заверил меня, что на десятом километре за чем-то там (названия датской деревушки я не разобрала), по правой стороне, есть бензозаправка, где топливо отпускают без выходных.

И я помчалась в соответствии с полученными указаниями. Дороги совсем не помню, знаю только, что вдруг оказалась в очень красивой местности: прекрасный ландшафт, отличные дороги и ни одной живой души. Где я? Понятно, что в Европе, а не в Сибири. Вроде бы я немного знала Данию, да и страна всего с гулькин нос, но в этих местах не бывала. Хорошо бы спросить у кого-нибудь, ведь ни одного дорожного указателя.

Доехала до какого-то большого перекрестка и притормозила, углядев, что сбоку едут две машины. Опустив окошко, я отчаянно замахала рукой. Водители же, будучи уверены, что я уступаю им дорогу, улыбнулись и понеслись себе дальше. Это меня так рассердило, что, когда на встречной полосе показалась еще одна машина, я просто выехала навстречу и нагло остановилась, перегоротив дорогу. Автомобиль затормозил. А какой у него еще был выбор?

За рулем сидела дама. Я задала свой сакраментальный вопрос, а дама за стеклом своей машины замотала головой — мол, не слышит ничего.

— Открой окно, кретинка, тогда услышишь! — раздраженно буркнула я и знаком показала, что надо сделать. Если быть честной, вместо «кретинки» я использовала словцо покрепче, но это не для печати.

Дама опустила стекло. И даже поняла, что я спрашиваю. Ткнула пальцем в нужном направлении и крикнула, что до заправки километра четыре.

Я двинулась в указанную сторону, молясь, чтобы хватило бензина.

Несмотря на достаточно точное указание, я вскоре почему-то оказалась в чистом поле, где не было и следа бензоколонки. Я развернулась и покатила обратно на перекресток.

Там я остановила машину таким образом, чтобы нарушить все правила дорожного движения. Лопну вот на этом перекрестке, а с места не сдвинусь. Датчане обычно избегают контактов с незнакомыми людьми, но ежели увидят на перекрестке машину, а в ней обглоданный муравьями и высушенный солнцем скелет, может, все-таки вызовут «скорую»?..

Но как же Никобинг и Витек с приятелем, которые меня там поджидают? И вернусь ли я когда-нибудь домой?.. Поторчав на перекрестке какое-то время, я все-таки сдвинулась с места и покатила куда глаза глядят. И через пару километров впереди, точно по волшебству, появилась бензозаправка. Работающая!

В бак вошло меньше четырех литров бензина.

Представьте короткую сценку, ну прямо готовая интермедия. Я даже попыталась заглянуть одним глазом в бак — вдруг там помеха какая? А потом решила лично долить в бак бензин. Все напрасно. Больше туда не вмещалось.

Сообразив, что в любом случае четырех литров хватит, чтобы добраться до Никобинга, я немного успокоилась. А если не хватит, то опять перекрою дорогу и сдамся полиции...

Немного охолонув, еще раз внимательно поглядела на указатель уровня топлива и поняла, что все это время смотрела наоборот. Он показывал полный бак, а мне в голову почему-то втемяшилось — почти пустой. Умственное затмение, не иначе, вызванное недавно перенесенным потрясением.

До Никобинга я добралась успокоенная лишь наполовину, ведь красный огонек на приборной доске продолжал гореть, буквально ослепляя меня и заставляя дергаться. Значит, дело не в бензине. Тогда в чем же? Попискивало и светилось не переставая.

Витек и его приятель тем временем давали мне по телефону указания, куда ехать, где сворачивать. Я въехала в нужный городок и принялась петлять согласно рекомендациям. Попетляла и внезапно выехала из городка, очутившись на хорошо знакомой трассе до Гедсера. Тут выяснилось, что эти дурни намудрили с советом, перепутали эстакаду. Развернувшись, я поехала обратно, прижимая к уху мобильник и перечисляя названия улиц. И, славу богу, добралась-таки!

Ни Витека, ни его дружка попискивание и подмигивание ничуть не взволновало, они первым делом успокоили меня — я тут ни при чем. На душе сразу полегчало.

Теперь-то я знаю, что означает красный огонек. Такая же история однажды стряслась в моей новой машине, по счастью, на этот раз мой рассудок не был омрачен неприятными переживаниями и я спокойно выяснила, что машина всего лишь сигнализирует о том, что неплотно прикрыт багажник. А в тот раз

багажник был забит растениями, и я не стала захлопывать его с силой, побоявшись повредить их.

Из Никобинга мы выезжали в спешке. Оказалось, что друг Витека желает поехать на более раннем пароме, но есть риск, что мы не успеем купить на него билет, так что надо поторопиться. В Гедсере мы нервно ожидали, пока приятель стоял в очереди за билетом, и считали машины перед нами. Пока ждали, Витек нашел второй шоколадный батончик из тех, что я давеча купила. Батончик был цел, разве что подтаял чуток. Я собралась полакомиться им, но Витек свирепо вырвал его из моей руки и швырнул в мусор, заявив, что от этих паршивых батончиков одни несчастья. Возможно, он был и прав, поскольку места на пароме нам хватило.

После парома никаких приключений уже не было. Правда, и ничего хорошего тоже. Машина кореша оказалась не его, а другого кореша, и с ней требовалось очень бережно обращаться, ну прямо как с тухлым яйцом. Не буду описывать мук, которые мне пришлось вынести. Начать с того, что в машине не было кондиционера, а уже наступило лето. Курить в машине тоже не рекомендовалось. Кажется, еще запрещалось пить пиво, ибо и от него остается запах. Я вынесла все! Ни слова против не сказала. Даже попыталась понять логику хозяина машины, встать, так сказать, на его место. Допустим, я везу идиота, разбившего свою машину, а он начинает жрать чеснок или мятные конфетки или включает радиоприемник, чтобы насладиться оглушающим ревом, который у некоторых людей называется музыкой.

Ну нет, я не стала бы терпеть ничего такого. Выбирай — или ты едешь в моей машине, или жрешь чеснок с мятными конфетами и глохнешь от рева радио. Я тебе оказываю любезность, так и ты, будь добр, потерпи, откажись на некоторое время от своих привычек.

Правильно я рассудила?

В результате, пересев к Малгосе и Мартину, остаток дороги мы дымили как ошалелые. К счастью, в их машине кондиционер имелся.

Во втором часу ночи мы с Малгосей уже подливали воду в пластиковые пакеты с растениями и саженцами у ворот моего дома. А потом долго препирались, где именно следует их высадить в моем саду.

Спать я отправилась в четвертом часу.

В воскресенье я ожидала пана Ришарда, чтобы вместе высадить привезенные растения. С того момента, как я затеяла строительство, пан Ришард взял на себя хлопоты по обустройству

сада. Должно быть, его заинтересовали мои садовые эксперименты. Он соглашался со всеми моими идеями и с интересом наблюдал за ростом саженцев.

Приехал пан Ришард в десять часов. Увидел землю из сада Алиции и воскликнул:

— Это ж не земля. Это черное масло!

Уже к полудню мы закончили с посадками. Гораздо больше времени и сил у меня отнял огромный, просто гигантский лист, очень красивый, я хотела его засушить, но из-за своих размеров он никуда не вмещался. Я намучилась с ним, разыскивая среди книг самые крупноформатные — атласы, энциклопедии, каталоги. В конце концов всунула его в подарочное издание «Пана Тадеуша».

А вот сейчас никак не могу вспомнить, куда же этот лист подевался.

Распаковывая вещи после поездки, я обнаружила несколько пропаж. В машине Малгоси и Мартина остался мой фотоаппарат, пульт для открывания ворот, все зажигалки и автомобильные атласы. В машине друга Витека — моя летняя курточка, а Витек забыл еще и мой сотовый, который, кажется, он так и не смог зарядить за неимением соответствующего устройства.

Подводя итоги своей поездки в Данию, я выяснила, что задействовала целую толпу. А именно:

1. Гражину. В разгар моей катастрофы она как раз тащилась с температурой в 38 градусов к стоматологу. Помимо напасти в моем лице, на нее еще свалилась и другая. Дома Гражина оставила на огне рис. Рис, разумеется, сгорел дотла. Но этим дело не закончилось — когда она возвращалась, у них вдруг разразилась гроза столетия с громом и молниями.

2. Кореш Витека, которому из-за меня пришлось проехать девятьсот восемьдесят километров. Подсчитано точно.

3 и 4. Малгося с Мартином, которым пришлось преодолеть тысячу двести километров.

5. Мой уполномоченный и литературный агент пан Тадеуш, которого я привлекла вообще неизвестно для чего и зачем. Понадобился он лишь в понедельник.

Понедельник я начала с посещения банка, чтобы перевести деньги на счет автомастерской, где чинили мою машину. Когда я с ними расставалась, по глазам видела — сильно они сомневаются, что я им вообще заплачу. Так вот, чтоб не сомневались.

За дорогу у меня накопилась целая кипа бумажонок — от

полиции, от дорожной службы, доставлявшей в мастерскую мою машину на буксире, еще какие-то счета. Банковский номер сервиса «тойоты» тоже где-то был — белый листок. Не нашла. Попался желтый с банковскими реквизитами, перевела деньги туда, хотя сердце и подсказывало — не то делаю. Поручила пану Тадеушу получить факс о подтверждении денежного перевода.

Вторник прошел без автомобильных хлопот, я даже удивлялась, зато в среду выяснилось, что я должна отправить деньги корешу Витека, да и самому Витеку заплатить, а еще и за бензин. Я поспешила выслать все эти деньги.

В четверг оказалось, что номер счета на желтой бумажке действительно не тот, его выдала мне дорожная компания, что буксировала мой «Авенсис», а эту услугу я оплатила на месте. Пришлось опять мчаться в банк и снова переводить деньги, теперь уже по правильному счету, который по телефону сообщила мне Гражина. Ее же я попросила выяснить, как же быть с двойной оплатой буксировки «Авенсиса». Я опять поручила пану Тадеушу получить факс и тем чуть не сломала жизнь сыну пана Тадеуша. Парень как раз поступал в институт, а я впрягла его папашу в свои дела.

В пятницу я попросила Гражину позвонить немецкой дорожной полиции и спросить у них, есть ли фото с места моей аварии. Гражина перепутала телефоны и позвонила жертве аварии, тому самому придурочному фрицу. Она так обалдела от хлынувших на нее восторженно-счастливых речей, что начисто забыла про мою просьбу, и у меня до сих пор так и нет ни одной фотографии того достопамятного события.

Изумленная фирма по доставке побитых машин честно прислала мне лишние деньги.

А в субботу выяснилось, что вообще ничего не надо было платить, все оплачивала страховая фирма, автомастерские всех иномарок работают со страховщиками в полном симбиозе.

Вечером, в 20.30, приехала Малгося с дочерью Мартой.

В 21.00 прибыл Витек на «Авенсисе», который был как новенький.

Правда, мы тут же обнаружили, что куда-то исчезли передние номера. Вместо них в мастерской приклепали задние — оно и понятно, отсутствие задних меньше бросается в глаза. Иногда бросается даже слишком поздно.

А потом мы как следует обмыли пережитое.

Так выглядело мое короткое путешествие к Алиции. Проклятый «Авенсис»!

И в самом деле — проклятый, холерный, чертов «Авенсис»! Капризная, злобная, недобрая машина. То поднимает вой, компрометируя меня и попутно разряжая себе аккумулятор. То позволяет себя угнать — три раза подряд! А как он во Франции приманил к себя жандарма, чтобы тот отбуксировал его к черту на кулички!.. И в заключение на берлинском автобана бросился на незнакомого человека и саданул его под зад. Нет, я была не в силах и дальше терпеть козни этого исчадия ада! Которое я еще и самолично прорекламиривала!

Терпение мое иссякло, и я купила «вольво».

Итак, я избавилась от «Авенсиса» в жизни и покончила с ним в книге. Могу вернуться к хронологии. Вот только забыла, о чем собиралась писать. Ага, о беззаботной старости на пенсии.

Не без причины пан Тадеуш обрушился на меня в своем пасквиле — то ли интервью, то ли книге. Отомстил. Надо признать, поводы я ему подбрасывала в более чем достаточном количестве. Должен же он был как-то на них отреагировать?

О том, что мне пришлось пережить во французском аэропорту Шарля де Голля, я уже писала. Тогда я встречала прилетавшее из Канады семейство сына. И вот я снова в Париже, и снова вместе с детьми, — встречаю своего литературного агента. Вызвала его в Париж, дня на два, дела того требовали.

Пан Тадеуш поставил условие — чтобы дешево, никаких роскошеств. Вот и прекрасно, будет ему дешево и сердито. Даже если бы ему вздумалось швыряться миллионами, все равно бы из этого ничего не вышло. В разгар сезона снять номер в парижском отеле — недостижимая мечта. Нам удалось забронировать номер в небольшой гостинице на улице Акаций, недалеко от нашего отеля. И вот настало время встречать пана Тадеуша.

Тут мне очень пригодился мой предыдущий опыт, добрались до аэропорта без приключений, зал прилетов нашли тоже сразу. А вот выходов для прилетающих пассажиров оказалось несколько. Аэропорт имени Шарля де Голля очень оживленный, самолеты взлетают и приземляются один за другим. Не успеет один выплунуть пассажиров, а уже подлетает следующий, а тут и третий на подходе. Холера знает, откуда сейчас рейс — из Москвы, Анкары, Мадрида, Варшавы или Каира, потоки пассажиров смешиваются, одни сразу находят свои чемоданы, у других они теряются, одни спешат, другие копаются, создается сумятица. Значит, нам не мешало бы разделиться.

И только тут мы сообразили, что дети мои понятия не имеют, как выглядит Левандовский. Заставили меня описать его поподробнее.

Как я жалела, что пан Тадеуш не горбатый, не хромой, не кривой на один глаз, даже не рыжий!

Я долго соображала. Ну что про него сказать?

— Высокий, — жалобно проблеяла я. — Не очень толстый, но и не худой. Такой, в теле. Не заморыш какой-нибудь. И у него борода.

Тут все оживились.

— До пояса? — с надеждой поинтересовался Роберт. — Как у Вернигоры?

— Нет, покороче.

— Лысый?

— Нет. Волосы у него есть. Причем нормальные, как у человека, не острижен под обезьяну. Темные.

— Так как же мы его опознаем?

— По внешнему виду! — отрезала я.

И мы разделились, поскольку уже потянулись пассажиры с рейса из Варшавы. Или из Лондона, или из Адена, или из ЮАР...

— Вон там! — крикнул кто-то из моих. — Это он?

Обернувшись, я увидела двухметрового негра весом в полтонны с черной, ассирийской бородой, одетого в красно-золотой бурнус до пят. Естественно, я указала, что этот человек никак не может быть паном Тадеушем, слишком уж черный. Тогда мне предложили другого бородача, седовласого, на этом балахон был черного цвета. Пришлось напомнить про основную примету.

— Левандовский наверняка в брюках. Поэтому всех балахонистых и в этих, как их... в хламидах — исключаем.

Исключить пришлось не только мужчин в балахонах и хламидах. Высокого худого господина с седой бородой нормальных размеров. Другого бородача в брюках, он вполне подошел бы, если б не наvertел на голову тюбан. Ни за что не поверю, что пан Тадеуш прилетел в тюбане!

Толпа постепенно рассеялась, мы с Робертом принялись разглядывать остатки пассажиров. Зося с Моникой караулили у другого выхода, подвергая пристальному осмотру каждого обладателя бороды.

Через несколько минут к нам подлетела Моника.

— Мама к посторонним мужчинам пристаёт! — с возмущением пожаловалась она.

Мы отмахнулись от девчонки, но она была так потрясена и взволнована поведением родительницы, что поневоле пришлось пойти за ней. А Зося сама уже спешила к нам.

— Там один такой человек... — неуверенно проговорила она. — Не знаю, Левандовский он или нет, но мне машет и улыбается.

Пан Тадеуш метался за стеклом с маленьким чемоданом в руках. Никакого багажа. За его спиной сплошным потоком уже двигались пассажиры из Рима.

Увидев Зося, он догадался, что это должна быть именно наша Зося, и только благодаря этому Зося догадалась, что он — Тадеуш. И все было бы в порядке, если бы у него не потерялся чемодан. Обнаружился он лишь после приземления третьего самолета. Обычное дело, с чемоданами у нас всегда такая история.

А Монике мы разъяснили, что ее мать не пристаёт к незнакомым мужчинам без веской на то причины.

Почти сразу после возвращения из Дании я с головой погрузилась в сценарии.

Наверное, правильное будет сказать — постаралась вынырнуть из сценариев. Терпеть не могу эту работу, а заниматься ею пришлось весь год. Сама не знаю, почему я позволила Мартусе себя уговорить и отдаться на растерзание краковскому телевидению. Клянусь — больше к такой пакости и пальцем не прикоснусь. А тогда сценарии впились в меня, как репейники в собачий хвост, и я выдирала их зубами и когтями.

Насколько мне известно, в Кракове на телевидении разыгрывались сцены, от которых кровь стыла в жилах, а все на почве моего сценария, который мы с Мартусей писали в Биркероде. Что там в Кракове происходило, я точно не знаю, но могло быть всякое — это же телевидение. Загадкой остается для меня данная организация, как с точки зрения ее внутренней структуры, так и приносимых ею конкретных результатов. Когда я пыталась что-то выяснить у Мартуси, постоянно пребывавшей на грани нервного срыва, та лишь плакала и бормотала что-то на непонятном языке. Я даже не могла догадаться — на каком. Потом сообразила: бедняга бормочет на тарабарской смеси специальных телевизионных терминов. Единственное, что мне удалось понять: на телевидении полный тухляк, режиссер — козел, его подчиненные — немногим лучше, а она, Мартуся, ничего не может сделать.

Одновременно Марта Клубович старалась разрекламировать на родине русскую экранизацию «Покойника», всячески привлекая к этому благому делу меня.

Ага, пользуясь случаем, хочу внести поправку. Рассказывая про съемки «Покойника», я кое в чем ошиблась, но нельзя всю вину валить на меня. Мне именно такой расклад сообщили из Москвы, а я передала информацию главной героине. Кто там

прав, кто виноват, давайте не будем выяснять, опустив над этими нестыковками занавес молчания.

Я и в самом деле была убеждена, что Дьявола играет Александр Домогаров, и очень этому радовалась, хвалила и всячески одобряла выбор русских. И только увидев на кассетах готовую продукцию с Дьяволом в исполнении актера, совершенно не подходящего к этой роли, пришла в ужас. Домогарова же испоганили совсем, к тому же поспешили отрубить ему голову в самом разгаре действия. Редкий идиотизм! Изувечить такого актера...

И еще об экранизации. Частным образом я узнала страшную вещь, о чем и собираюсь сейчас сообщить всему свету, а если не всему, то тем, кто меня читает. Единственный доступный мне способ сообщить о подлости людской — это написать обо всем в книге. Умела бы трубить в трубы — трубила бы изо всех сил, как можно громче.

Аполитичной я была всегда, есть и надеюсь остаться до самой смерти. И мне плевать, что в данном случае мерзость сотворило государственное учреждение. Отстаивая истину, я никого не побоюсь задеть.

Так вот, русская экранизация несчастного «Покойника» все-таки появилась на польских экранах. Дублированная. Я уже писала, что сначала посмотрела сериал по книге «Что сказал покойник» на русском языке, мне его синхронно переводил человек, для которого оба языка — и русский, и польский — родные. Не стану скрывать, что этим человеком была Аня Павлович.

Фильм, невзирая на все его недостатки, умилил меня до слез. Впервые я увидела экранизацию собственной книги, столь близкую к оригиналу. По духу прежде всего. Меня даже не возмутили китайская мафия и русские народные песни в исполнении бразильских мафиози во французском старинном замке на Луаре. А после то же самое я увидела в польском дублированном переводе.

И вот этого кошмара я не вынесла. Стала разузнавать, как вообще такое могло получиться, и вот что выяснила.

С целью уменьшить расходы дубляж поручили актерам, которые озвучивают рекламу. Это во-первых.

Во-вторых, по той же причине каждый из актеров одним махом начитывал свой текст. В одиночку, без партнеров. Понимаете? Отдельно от других действующих лиц, абсолютно не привязывая текст ни к собеседнику, ни к развитию действия. Со всей ответственностью заявляю: польский дубляж убил моего

«Покойника», извините за случайный каламбур. Русские сделали очень неплохой фильм, его можно было улучшить или ухудшить переводом, а драгоценное наше телевидение спихнуло его на самое дно маразма. Очень за что-то не любит меня наше польское телевидение.

А ведь, черт побери, вещь сама по себе получилась как минимум на четверку с плюсом!

Похоже, я сильно отклонилась в сторону.

Я по-прежнему занималась обустройством дома. Не знаю, от кого я услышала глупые слова о том, что предстоящая неделя выдастся для меня счастливой. Возможно, глупость эту я вычитала в «Теленеделе».

Неделя, как известно, начинается в понедельник. Для меня она, похоже, началась в среду.

Понедельник и вторник прошли нормально, без происшествий. Я приводила в порядок книги и бумаги. С бумагами торопилась, надо было поспеть к визиту Марты Клубович, чтобы заняться с ней сериалом. Мне предстояло пересказать ей в сокращенном виде все серии. Работы было невпроворот, бумаг — огромная куча, и разобраться в ней должна была я лично.

Пришел пан Ришард со столяром Робертом и подмастерьем, мне требовалось подправить книжные стеллажи. Да и вообще доделок было вагон и маленькая тележка. Или так не говорят? Недоделки — понятно, а вот если уже все сделано, как планировалось, и вдруг выясняется, что надо сделать еще то и се. Значит, доделки.

Столярные работы затянулись до среды. В условленный час приехала Марта Клубович, и мы засели за сценарий «Покойника». Каждую серию я рассказывала отдельно, по возможности коротко, но понятно. И чем дальше я рассказывала, тем меньше мне нравились и собственная книга, и сценарий по ней. Мы писали с Мартой до трех часов ночи, точнее, писала я, а она смотрела мне под руку и старательно оценивала каждое слово.

— Ты что, спятила? — время от времени интересовалась я.

И слышала в ответ:

— А ты забыла, для кого пишешь? Тебе кажется, что для людей умных и понимающих? Ну так распрощайся с иллюзиями.

Короче, управиться за один день нам не удалось, перенесли на следующий день.

В четверг Марта приехала довольно рано, в десятом часу, и мы просидели до трех. Не имею понятия, что в это время делалось в моем доме, но, кажется, какие-то работы шли.

Наконец, прихватив распечатку, Марта уехала. Наверняка голодная, у нас не было времени для таких глупостей, как перекус.

Через пятнадцать минут после ее ухода приехала Мартуся — привезла с краковского телевидения нарезку сценария для сериала, над которым они работали. Просмотрев материалы, мы с Мартусей тут же принялись собачиться. Собачились до ночи. Из-за чего? Пожалуйста, могу сказать, хотя это и непросто. Что меня не устраивало? Да миллион вещей! Можно сказать — все. Сплошной маразм, а не сценарий! Чушь несусветная!

По замыслу должна была получиться комедия с элементами детектива. Словом, детективная комедия. Вроде бы так именуют этот жанр.

Для реализации моей детективной комедии назначили режиссера... Уж не знаю, само телевидение или сверху им велели? Мартуся этого типа не знала, однако слышала, что он отличный режиссер. Может, оно и так, но очень скоро выяснилось, что даже если он гений, но комедий ставить не способен, ибо начисто лишен чувства юмора. Говорят, это все знали, только от Мартуси старательно скрывали.

Актеров подбирает режиссер. Он и подобрал. Высшим достижением стало его назначение на роль главной героини актрисы, прославившейся исполнением трагических ролей. Она была бы отличной леди Макбет, Антигоной, Медеей, Марией-Антуанеттой... Нет, пожалуй, с Марией-Антуанеттой ей не совладать, в этой королеве было слишком много фривольности, особенно до того, как во Франции разразилась революция. А вот как играть комическую героиню, несчастная не имела ни малейшего понятия.

Актеры растерялись, они не понимали, что им делать. Кидались из одной крайности в другую, бестолково толклись между смертельной серьезностью и безудержным гротеском.

Позвольте заметить, что я при описании своих впечатлений от увиденного пользуюсь самыми изысканными выражениями, тщательно подбирая слова.

Мы с Мартусей ссорились как из-за общей концепции телефильма, так и из-за частных. Ярость во мне бушевала страшная, ведь наш сценарий был не так уж плох, но вот его экранное воплощение оказалось сплошным безобразием. Бесполезно было пытаться что-то в нем изменить, переделать, это была полная безнадега. Мартуся старалась как-то спасти наш труд, склонялась к уступкам, я же протестовала дико и безоглядно. Не позволю приписывать мне подобной халтуры! Не позволю себя так подставлять! К счастью, большие изменения

нельзя было ввести в содеянное все из тех же соображений экономии. Финансы довлели надо всем, что в данном случае было мне на руку, давая шансы одержать победу в споре.

Вконец измученные, так ни к чему и не придя, мы отправились спать.

В пятницу...

Кажется, все это время в доме работал столяр. Он мастерил и устанавливал полки под видеокассеты. Надо думать, смастерил, раз в пятницу Мартуся расставляла на них кассеты. В пятницу же позвонили, что можно приезжать за готовыми занавесками, и в пятницу же привезли сделанные на заказ кресла. Они оказались вырви глаз — ярко-желтое дерево и ядовито-красная обивка. У меня ноги подкосились. Я заказывала темное, почти черное дерево, а обивку — винного цвета. Вне себя от злости, я накричала на мебельщиков, велела забирать эту гадость и привезти то, что я заказывала.

С самого утра в доме периодически что-то мерзко пищало, пронзительно и безостановочно. Отыскала источник. Пищала электроплита. По непонятным причинам. К вечеру я поняла, что больше эту пытку не вынесу и в десятом часу позвонила пану Ришарду и истеричным голосом попросила его приехать, после чего принялась нажимать на все кнопки на плите и вертеть все ручки. Писк стих, зато начало что-то мигать. Мне стало совсем уж тошно и страшно.

Приехал пан Ришард, осмотрел электроприбор и заявил, что не понимает, в чем дело. Однако на всякий случай предложил перевести часы на другое время, например на десять утра следующего дня. Я не подумавши согласилась, а потом ломала голову, каким образом нам удалось выставить десять утра следующего дня. Пан Ришард предусмотрительно все же вызвал электрика, а пока мы с ним обсудили очень важный вопрос — где развесить картины на стенах.

Мартуся договорилась встретиться на следующий день с неизвестной мне телевизионной пани Гражиной, очень компетентной особой, — дабы проконсультироваться относительно испоганенного сериала «Корова царя небесного». Я, похоже, совсем спятила, ибо согласилась переделать сценарий. Работали мы над ним, используя свободные минуты, случавшиеся между катаклизмами.

В субботу писк разбудил меня в полседьмого утра. Я опять принялась нажимать и поворачивать все подряд на проклятой плите. Писк стих.

Пришли пан Ришард с паном Робертом — развешивать картины в кабинете. Один держал картину, второй приколачивал, когда спускающаяся с лестницы Мартуся вдруг потеряла сознание и слетела с четырех оставшихся ступенек. Слетела как-то очень изящно, ногами вперед, голова откинута назад. Хорошо, что не наоборот. В кровь разбила локоть. Я закричала, рыцари побросали молотки и картины и перенесли Мартусю на тахту. Я всегда говорила — от мужчин сплошная польза, хотя уложили они ее так, что ноги оказались выше головы.

Я слышала, что потерявших сознание приводят в чувство с помощью воды. Схватила стакан, в нервах открутила не тот кран, хорошо еще, вовремя сообразила, что кипяток хлещет. Холодная вода, как назло, лилась тонюсенькой струйкой. Пан Ришард проявил сообразительность, бросился к холодильнику, вытащил из морозилки кусок льда, приложил его к Мартусиному локтю. Пострадавшая тотчас очнулась — с диким криком. Я же подумала о коньячке, налила приличную порцию и велела выпить. Мартуся коньяк не выносит, пить отказалась, держалась за разбитый локоть, и слезы у нее текли рекой. Пан Ришард безжалостно продолжал врачевать ее льдом, а я тщетно уговаривала выпить мое лекарство. Закончилось все воплем:

— Пей, а то вылью!

Наверное, Мартуся сочла большой бестактностью, что по ее вине пропадет приличный коньяк. Выпила. И знаете, помогло! Девушка пришла в себя, ее напоили пивом, и она окончательно оправилась. Даже смогла включиться в работу, хотя время от времени и постанывала.

Картины развесили. Мы продолжали труды над «Коровой».

После семи пришла телевизионная дама — пани Гражина. Она оказалась очаровательной женщиной — умной, интеллигентной, очень верно оценивающей наше телевидение. Просмотрев три пробных отрывка сериала, она полностью согласилась с моим мнением — редкая мерзость, Мартусе решительно посоветовала ничего не менять — без толку, надо начинать заново, и вообще навеки завоевала наши симпатии и благодарность. Что отнюдь не помешало мне с ног валиться от усталости, Мартуся же свалилась в буквальном смысле этого слова — работала лежа. Я тоже чувствовала — вот-вот помру. Аритмия не на шутку разбушевалась, глаза сами собой закрывались, сидеть прямо я уже не могла, хотя и старалась из последних сил. А главное, я перестала понимать, что мне говорят.

В полночь мы вызвали такси для пани Гражины. Мы проводили ее, и я посоветовала едва стоявшей на ногах Мартусе принять горячий душ, не забыв утешить несчастную, что завтра ей

будет еще хуже. Сама же наглоталась лекарств и отправилась на кухню заваривать чай.

И тут вернулась пани Гражина. Ее такси застряло в грязи, а ей, как назло, захотелось в туалет. Пока суд да дело, я придумала, как поступить с такси: сяду в свою машину и подтолкну бампером застрявшего бедолагу-таксиста. Или же Гражина с таксистом переночуют у меня. Хотя с этим будут сложности, я пока не обзавелась достаточным количеством белья и постельных принадлежностей. Впрочем, могут обойтись диванными подушками и пледами.

Есть еще вариант: вызвать аварийку, где-то у меня был даже записан телефон...

Я пошла наверх к Мартусе за ключами от ее машины, которую следовало переставить, прежде чем начинать спасательные работы. На лестнице я опомнилась. Что это я такие глупости напридумывала? Каждое такси снабжено радиотелефоном, а у них своя техпомощь. Вот пускай таксист и звонит в свой сервис, если он настоящий таксист, а не бандит, выдающий себя за таксиста.

Я спустилась обратно в гостиную, следом притащилась несчастная Мартуся. Отрешенно проявила гостеприимство — предложила пани Гражине что-нибудь выпить. Та отказалась, — видимо, гостеприимство проявлялось безо всякого энтузиазма. И ожидать с нами, пока таксист разберется со своей машиной, пани Гражина тоже не захотела. Да и кому в радость компания двух полумертвых баб? Она вернулась к такси, а мы с Мартусей остались без сил сидеть у кухонного окна, в напряженном ожидании вглядываясь в темноту. Ну не свиньи ли? Ведь такси уехало от нас почти в два ночи.

В воскресенье, как я и предсказывала, Мартуся чувствовала себя совсем плохо, но держалась мужественно. Работала.

Приехал Витек — за квитанцией на занавески, надо же их наконец получить. Если это кому-то интересно, поясню, что справиться со всеми делами я уже не могла, хотя всю жизнь собственноручно шила занавески: закупала материал, раскраивала по размерам окон, на швейной машинке подрубала края и сама же развешивала. А теперь поняла, что мне это не по силам, да и окон оказалось двенадцать, разного размера и формы. Поэтому на сей раз я заказала занавеси в ателье.

Квитанция куда-то запропастилась. И тут же выяснилось, что пропали квитанции и на заказанную мебель, довольно дорогую. А заняться поисками я никак не могла, надо было кончать проклятую «Корову», раз уж взялась. Витек принялся за поиски

сам, а поскольку мебели в доме было немного, довольно скоро обнаружил пропажу. Нашел все квитанции и привез занавески.

Затем приехал Тадик и разобрался с электроплитой. Окончательно и бесповоротно. Я не знаю человека, который бы лучше Тадика разбирался в технике. Возможно, он даже понял, почему плита пищала.

Работали мы с Мартусей до позднего вечера. Надо отдать ей справедливость: при ее самочувствии она работала как вол. И хотя ее голова здорово пострадала при падении на лестнице, на умении соображать это почему-то не отразилось. А локоть нам в работе не требовался.

В понедельник к середине дня мы закончили вносить изменения в сценарий по «Корове царя небесного», и Мартуся тут же покинула мой дом, слегка постанывая. Пани Хеня начала развешивать занавески, я же погрузилась в эпопею с лекарствами. Срочно требовалось отыскать (не помню уж, для кого) редкий препарат, и не просто отыскать и купить, но еще и отправить экспресс-почтой. Пока я висела на телефоне, пришел пан Ришард, принес какие-то дефицитные жидкости для посудомоечной машины. Попутно я возилась с книгами — разбирала, расставляла, сортировала.

Во вторник пришлось ехать в город, по банковской надобности. Если бы там не требовалось мое личное присутствие, наверняка я бы ни за что не вышла из дому. По пути попала в неприятную ситуацию. Дорогу я прекрасно знала, автоматически свернула на знакомую улицу и вдруг обнаружила, что еду против движения, должно быть, недавно повесили новый знак, и теперь здесь одностороннее движение. Ничего, проехала.

После банка сделала кое-какие покупки. У входа в магазин с дуба сорвался увесистый желудь и долбанул меня точно в темечко.

Вернувшись домой, узнала, что занавесок не хватило, придется докупать. Я бы тут же развернулась и снова помчалась в город, но явился огородник. Пришлось объяснять, что от него требуется. А требовалось разобраться с разросшимися джунглями — часть извести, а часть заботливо сберечь. Я очень хотела устроить у себя подобие сада Алиции.

После огородника ввалился пан Ришард, держа в объятиях зеркало. Занялись зеркалом и долго не могли найти достойного места. Огородник с интересом наблюдал за нашими спорами, но тактично помалкивал.

Не успела захлопнуться за огородником и паном Ришардом

дверь, как пришел Тадик. Нет, плита больше не пищала, но теперь характер демонстрировала посудомоечная машина. Ее я тоже поручила заботам Тадика. Каждый раз я бываю потрясена, глядя, как он читает инструкцию к очередному достижению прогресса и, похоже, понимает ее! Так произошло и на этот раз. Потом мы вместе испробовали агрегат, вымыв несколько чистых стаканов и три чистые тарелки. Ничего грязного у пани Хени не нашлось. Тут выяснилось, что рассеянный огородник забыл у нас свою папку. К счастью, папка есть не просила, лежала себе тихо-мирно.

В 19.00 явился с визитом доктор, которого я пригласила, учитывая, в каком темпе существовал последние дни мой истерзанный жизнью организм.

Вот так выглядела моя счастливая неделя. Интересно, какова была бы несчастливая?..

Каждый год у меня непременно собирается груда календарей, блокнотов и миллион бумажек с записями. Обычно я записываю на том, что под руку подвернулось, — в кухне, за письменным столом, перед телевизором, за столом в гостиной. В результате бумажонки с важнейшими записями разбросаны по всему дому. К тому же эти записи, как правило, обычно сделаны как попало, хотя речь идет о крайне важных для меня вещах, из которых, по сути, и состоит моя жизнь: встречи, приемы, приезды, отъезды... А еще моя привычка сокращать! Ну, скажем, такая запись: «Инт. 11 чтв 17.30». Это значит, что я даю интервью в четверг 11-го в 17.30. Ни месяца, ни года, ни места. А вот одна из самых оригинальных записей: «Левандовский, собакам дать пижаму и рубашку». Ясное дело, никакой даты.

Поскольку я не в состоянии вспомнить, что за чем происходило, хронология неизбежно нарушается. Постараюсь соблюдать ее, просто полагаясь на здравый смысл и логику.

Если, желая ознакомиться с работой новой стиральной машины, я дважды запускала ее пустой, то есть без воды и грязного белья, только насыпала внутрь стиральный порошок, — значит, все еще продолжалось благоустройство нового дома. Нет, кажется, второй раз я уже наполнила машину и водой.

Я убеждена, что как государственные торговые организации, так и все частные наши фирмы стали достойными продолжателями некогда принятого в Народной Польше отношения к покупателю, которого издавна привыкли воспринимать как наказание Господне. Особенно это проявляется в инструкциях ко всему ширпотребу, даже к самому дорогому. Разумеется, инструкцию от моей новой стиральной машины я

всучила Тадику. Представьте, даже ему она оказалась не по зубам! И ничего удивительного, ведь приложенная к дорогой импортной машине книжечка-инструкция была скомпонована на редкость странно. Слова там были напечатаны, мягко говоря, бессистемно, а если попросту — безо всякого смысла. Большая часть страниц была и вовсе без слов, с одними рисунками. Чью-то ясную голову посетила светлая мысль: по картинкам и неграмотный разберется, что тут к чему. Да вот беда — рисунки по неизвестной причине были наполовину обрезаны. Так я до сего дня и не уверена, правильно пользуюсь машиной или она стирает просто из жалости ко мне?

Почти одновременно с дрессировкой стиральной машины — а надо сказать, в те дни в доме все делалось одновременно — мы четверо — Тадик, отец Тадика, Витек и я — наблюдали умилительно трогательную польскую национальную сцену. Мы с Витеком привезли из магазина запакованные книжные стеллажи. Требовалось их распаковать, собрать в соответствии с инструкцией и установить вдоль стен кабинета. За инструкцию схватился Тадик. Не помню, кто из нас обратил внимание, что вот мы сейчас изображаем в лицах ту самую национальную польскую сценку, когда один работает, а трое стоят и смотрят.

Зато с тахтой я оказалась на высоте. То ли на меня снизошло озарение, то ли я провидела будущее, только я повела себя как особа, умудренная жизненным опытом. Когда мне доставили из магазина тахту, я твердо заявила рабочим, что ни гроша не заплачу им за доставку и ничего не подпишу, если они мне вот тут, в спальне, не установят доставленный предмет мебелировки. Они заартачились было, потом один, похитрее, потребовал оплатить дополнительный труд, на что я согласилась. Добры молодцы с энтузиазмом принялись за работу, и тут выяснилось — не хватает одного, кажется самого главного, винтика. Без него тахту не сложить. Кто-то из них помчался в магазин за недостающим винтиком и привез! Уж не знаю, как раздобыл, то ли по блату, то ли потом какой-то другой незадачливый покупатель обнаружил в своей тахте недостачу самого главного винтика. Главное — моя тахта стояла во всей красе. Должна признаться, я очень гордилась собой.

Установили новый телевизор, и я принялась считать, сколько же в моем доме пультов. Новый телевизор пришлось покупать потому, что старый чего-то там не принимал. Что не принимал — не знаю, могу лишь сказать, что принимал. Принимал он «Польсат», первую и вторую программы, региональную и ТВН, а больше ничего. Поскольку в сети чего-то не хватало, пришлось бы то ли входить в контакт со спутником, то ли, наоборот, и меня

снабдили таинственной Цифрой-плюс. Я ничего в этом не понимала и не хочу понимать, знаю лишь, что старый телевизор по-прежнему принимает «Польсат», а новый — нет. Зато принимает множество совершенно бесполезных и неинтересных каналов, а когда мне хочется посмотреть что-то на «Польсате», приходится мчаться наверх, в гостевую комнату, к старому телевизору. Оно и к лучшему, — говорят, лестницы в небольших дозах полезны для здоровья. А то уж очень резкий переход к плоским поверхностям получается.

Итак, я подсчитала число пультов в своем доме. Первый — от ворот; второй — от гаража; третий и четвертый — от охранной сигнализации; пятый и шестой — от ТВ и видео наверху; седьмой, восьмой и девятый — от ТВ и видео внизу; десятый — от автомашины; еще три — от кондиционеров. А также — компьютер, ноутбук, принтер, телефоны и факс, не говоря уже об Интернете, к которому я не прикоснусь, а то рука отсохнет.

А ведь клялась, что больше никогда не стану учиться ничему новому...

Суть создавшейся в моем доме ситуации очень тонко подметила внучка моя Моника.

— У бабули ну прямо как на вокзале, — чуть ли не в ужасе произнесла девочка, похоже малость оглушенная количеством техники.

Тогда я впервые в жизни праздновала Рождество в собственном доме.

Сразу сообщаю моим драгоценным читателям, которые уже навестили уши. Тяготеющее над нашим родом проклятие на сей раз не оправдалось, никаких катастроф, пожаров, взрывов, нападений разбойников. Ничего такого не случилось, и не надейтесь! Взрывы были, но позже, на Новый год.

Ладно, давайте уж сразу и о нем расскажу. Накануне Нового года Роберт с Витеком поехали в магазин и закупили пропасть бенгальских огней, так они назывались в мое время, а теперь их именуют фейерверками. Кажется, нехорошие предчувствия испытывала я одна. Зося, жена Роберта, надеялась, что Витек окажет на моего сына сдерживающее влияние, а Малгося, супруга Витека, те же надежды возлагала на Роберта. Были у меня предчувствия, говорю, но по легкомыслию я пустила дело на самотек. В конце концов, первый раз в жизни принимаю участие в огненном спектакле, самой стало интересно.

Ну и вышло нечто ужасное. Я-то фейерверков так и не увидела, они рассыпались в небе над крышей моего дома, зато от души развлекалось население окрестных домов, и потом все мне

говорили — было здорово! Чтобы увидеть узоры в небе, требовалось выбежать во двор и галопом нестись к забору. Я от скачек по сугробам воздержалась. Морозы стояли страшные, снег по пояс, все похватали свитеры, шубы, какие-то накидки, влезли в сапоги, так что половина снега из сада и со двора затем переключалась в дом. Для меня же единственным результатом огненных баталий стал испорченный газон. Ну и проблемы с моими драгоценными кошками, которые в панике разбежались кто куда. К черту такие развлечения!

К Новому году гены во мне все же засвербели, и я закатила такой пир на весь мир, что самой тошно стало. И потом долго еще, несмотря на постоянные праздничные визиты многочисленной родни и еще более многочисленных знакомых, тайком расспрашивала всех, не знают ли они какого мужичка, разводящего свиней, ибо справиться с грудой оставшейся жратвы вернувшиеся кошки никак не могли.

С помощью незаменимой пани Хени я наготовила чудовищное количество вареников с капустой и грибами, клецек с маком, селедки во всех известных мне видах, салатов обычных, экзотических, овощных, фруктовых, креветочных — всех не перечислить, а уже в процессе запекания в духовке целой птичьей стаи принялась мечтать о том, чтобы ко мне на огонек забрела оголодавшая рота солдат. Разумеется, накупила множество вкусов — копченостей разного пошиба, ветчины, сухой колбасы, жареных ребрышек, отбивных. А также горы ягод и фруктов. Разумеется, к этому прорва тортов ореховых и прочих маковников. Дух матери бушевал во мне, не зная удержу.

Старая дура.

Но дура не совсем уж безнадежная, поскольку к процессу готовки я подключила всех шлявшихся неподалеку мужских особей. Например, пан Тадеуш очень кстати подвернулся, когда потребовалось провернуть в ручной мясорубке мак. Сначала он явно струхнул, — должно быть, припомнилось, как в детстве мальчонку заставляли растирать мак в макитре. Мы успокоили помощника — прогресс с тех пор далеко шагнул вперед, теперь этому благому делу служит техника. При виде машинки он сразу успокоился и припеваючи провернул весь мак.

Пан Ришард пригодился, когда нужно было наряжать елку. При этом он не особенно и возражал, поскольку с самого начала решил, что участи сей ему не избежать.

Вот только пирогов я печь не стала. Не выношу дрожжевое тесто. Конечно, если мне предоставят выбор — или кусок пирога, или голодная смерть, я уж, так и быть, съем пирожок, и даже без отвращения, но убиваться ради того, чего не любишь, — какой

смысл?

Ага, и еще рыба. После рыбы в исполнении пани Ягоды Готковской из городка Пяски, что на Балтийском море, я так избаловалась, что другой жареной рыбы в рот не возьму, даже традиционного жареного карпа. А после того как сто лет назад... ну ладно, пятьдесят... я регулярно готовила и носила Тересе заливную рыбу в больницу (она лежала в варшавской больнице на Сольце), нет такой силы, которая заставила бы меня отведать заливное из рыбы. Но тут вмешался пан Ришард.

Если пан Ришард вздумает предъявлять мне претензии за то, что я описываю в этой книге как его самого, так и его деяния, то пусть знает... я его убью! Или свяжу и посажу в погреб... И освобождать стану только в случае крайней надобности — когда, скажем, перегорит очередная лампочка. По поводу еды и питья он может не беспокоиться — всего будет вдоволь.

Ну вот, теперь, когда он знает, что его ждет, я продолжаю.

Пан Ришард обожает готовить. Стряпня — не его профессия, по специальности он строитель, причем профессионал высшей пробы. Мне ли не знать, ведь это он построил мой дом и продолжает заботиться о моей недвижимости. Правда, одного он не предвидел, а именно моих ошибок и моей глупости. Когда я истерично вопила, что мне нужно работать, и отказывалась вникать в строительные проблемы, этот интеллигентный человек оставлял меня в покое и действовал по своему усмотрению. Решения, принятые им, были всегда логичные и правильные, но, увы, он не понимал, с какой клиенткой имеет дело. Логичное решение обычно определялось так: выбирался более дешевый вариант. К этому я еще вернусь, а пока покончим с новогодним торжеством.

Странно, но на пана Ришарда распространилась наша семейная черта — если уж что-то неординарное готовится, то на всю катушку. Этой чертой моего дорогого строителя я пользуюсь, когда он, например, берется приготовить котлеты. Обычные мясные котлеты из фарша. Нет, не обычные, а самые фантастические! Я обожаю котлеты, но ленюсь возиться с ними, да и куда мне до кулинарных чудес пана Ришарда! Так я и не понимаю, почему у меня котлеты получаются намного хуже. Обычно, нажарив прорву котлет, пан инженер потом не знает, что с ними делать, и угощает всех желающих. И я охотно лопаю, стараясь как-то скрыть свою прожорливость и лакомиться элегантно, но, боюсь, это у меня плохо получается.

На праздник пан Ришард по собственному почину тоже наготовил много блюд, в том числе и уже упоминавшегося мною жареного карпа, без которого моя тетка Тереса не мыслила себе

новогоднего застолья. Если бы не она, никто из нас на карпа бы и не взглянул. Впрочем, Тереса — это тоже особая и нелегкая тема, о ней позже. А вот фаршированная рыба в желе, доставленная нам паном Ришардом в немалом количестве, пользовалась у всех большим успехом. Ну и паштет, конечно...

Отступленьице. Давно его не было.

Когда-то, много лет назад, мой старший сын Ежи... Знаете, пожалуй, я не стану больше оперировать этими пояснениями, старший или младший. Надоело. Своих читателей я воспринимаю как хороших знакомых, а ведь глупо было бы в разговоре с Аней или Мартой заявлять: мой старший сын Ежи, мой младший сын Роберт. Аня с Мартой наверняка перепугались бы — совсем спятила старая.

Ну так вот, Ежи сказал моей маме, что обожает паштеты, а ее приготовления — особенно. И он не кривил душой. Те, кто из вас читал предыдущие части моей «Автобиографии», наверняка помнят, что моя мать отлично готовила. Услышав признание внука, мама принялась готовить паштет как можно чаще и, похоже, переусердствовала.

В один прекрасный день я выслушала две жалобы. Сначала слезливую, исполненную незаслуженной обиды жалобу матери: Ежи мало того, что не попросил добавки паштета, так и вовсе не доел.

Потом высказался сын, немного смущенный:

— Мать, я и в самом деле люблю паштеты Яночки и признался ей в этом. И какое-то время с огромным удовольствием ел их, но нельзя же питаться одними паштетами!

Оказывается, мама моя принялась пичкать парня паштетом каждый день, а ведь известно, что так и самый изощренный деликатес может опротиветь. Поневоле вспоминается история, когда еще при крепостном праве в одном из горных селений крестьяне взбунтовались и чуть ли не революцию подняли, а все из-за того, что пан заставлял их каждый день есть форель!

Что-то разрослось мое отступление, я вовсе не собиралась рассказывать о крестьянских бунтах, лишь о паштете хотела два слова написать.

Однажды пан Ришард принес мне на пробу паштет собственного приготовления.

— Никак не пойму, — растерянно пожаловался он, — может, вы разберетесь, хорошо это или плохо?

Я немедленно попробовала угощение, ибо никогда не замечала за паном Ришардом желания меня отравить. Паштет, как всегда, был отменный, но на этот раз в нем ощущался какой-то

необычный привкус. Я принялась ломать голову, что бы это могло быть, но мой благодетель сжалился и поспешил пояснить:

— Я готовил два блюда — паштет и шарлотку, то есть сначала приготовил шарлотку и в яблоки добавил корицу. И как-то машинально добавил корицу и в паштет. Что вы об этом думаете?

Строительство нового дома пани Иоанны в самом разгаре.

Злосчастная «тойота», нагруженная под завязку, — и это

всего лишь середина пути.

Явка напротив галереи, когда внезапно исчезли и дети, и машина.

Пани Иоанна собственной персоной.

Алиция, любимая подруга пани Йоанны. С возрастом ей удалось избавиться от очков.

*Первый Новый год в новом доме,
настроение у всех отличное!*

Роберт и пан Ришард. Елка еще не убрана, а пан Ришард без паштета.

*Половина моего семейства в полном сборе.
Слева направо: бабушка, Моника, Роберт и Зося.*

*Бабушка и внучка на празднике 2005 г.
Видно, что это не Пасха, правда?*

Мы изо всех сил пытаемся развеселить Тересу.

Тереса на втором сочельнике, уже явно повеселее.

Девяностолетие Тересы. Слева направо: Ежи, я, Тереса, Тамира и доктор. Ничего удивительного в том, что пациентка от доктора без ума.

Свадебная фотография Ежи и Мариолы на фоне Малгоси.

Зося, Моника и бабушка в Трувиле. Видно, что тогда я была полнее.

Наше семейство в гостинице.

В новом доме уже обжилась. Внучка приехала в гости.

В отличие от проклятущего «Авенсиса», мотоцикл Вольдемара никаких козней мне не строил, и я рекламирую его с радостью. Завести его не может никто, кроме хозяина. Обратите внимание на уникальное крыло мотоцикла, сделанное из пластикового ведерка.

Мой любимый бассейн.

«Кошачий мешок», который мне вручили в обществе «Всё Хмелевское». Какое же было удовольствие разбирать его!

А это мои любимые котики. Правда, их здесь маловато, остальные в кадр не поместились.

Котики расположились на моем любимом топчане, ради них я готова на любые жертвы.

Ярмарка во Франкфурте. Пан Тадеуш, его жертва и Гражина. Учитывая пол, легко отгадать, кто есть кто.

По-моему, я здесь неплохо выгляжу. В конце концов, нельзя же, получая высокую награду из рук самого президента, выглядеть патлатой ведьмой. В центре сидит награжденная особа, слева — ее внучка, справа — ее сынок.

Деловые переговоры при свечах — с моей московской издательницей Аллой Штейнман. Вино на меня еще не опрокинули,

и я вполне дееспособна.

В следующий миг на меня опрокинут вино. Всё при тех же свечах, но мы с Аллой уже в обществе моих агентов.

Я со своим агентом Тадеушем Левандовским на радио.

Хоть кофе мне уже по возрасту и не положен, но отказаться от него выше моих сил.

Страсть к игре во мне сильна, как и годы назад.

Трудно сказать, что я думала, но пробовала паштет безостановочно и слопала не меньше половины. Остальное доели мои гости, не сказав ни единого дурного слова об угощении. И все же пан Ришард от корочки в дальнейшем отказался и готовил нормальные паштеты. Но не в этом дело.

Тереса, которой наверняка моя мать рассказала в свое время о пристрастии Ежи к паштетам, вернувшись в Польшу после многолетнего проживания с мужем в Канаде...

Вот интересно, если бы это был мой авторский вечер, то есть встреча с читателями, лицом к лицу, разрешили бы они мне минутку помолчать, чтобы от души поскрежетать зубами? Кто знает, может, когда-нибудь я и напишу, что со мной сделалось при воспоминании... Ладно, умолкаю, а то отступленьице разрастется на полкниги.

Итак, моя тетка Тереса, вернувшись на родину, принялась изготавливать паштеты — главным образом для Ежи. Разумеется, они были очень вкусными, хотя и недосоленными, как правило. Сама я их почти не ела, одаряя теткинскими вкусностями всю родню. В последний раз тетка Тереса приготовила совсем уж пресный паштет, без крупинки соли, и есть его было попросту невозможно...

Ах да, пан Ришард и его паштеты... Значит, новогодний паштет пана Ришарда был самый что ни на есть традиционный, без корицы, и, как обычно, он всем пришелся по вкусу. Разумеется, в сочельник мы его не ели — семейная традиция нами свято соблюдается, ведь ужин в сочельник обязательно должен быть постным, ничего мясного, независимо от того, как относятся к религии собравшиеся за праздничным столом и от прочих их причуд. Тут я тверда как камень, и точка. Такой меня воспитали, и я никому не позволю морочить мне голову и соваться в мои тарелки.

В конце концов, мои дети очень долго ждали этого дня, пусть даже не все дети, а только половина. Посчитаю. Ну вот, опять застопырка. С чего начать? С рождения упомянутых детей? Предположим, что та половина их, что принимала участие в торжестве... не стану упоминать Ежи, который в те годы жил не в Польше... Сдается мне, тогда он уехал куда-то за рубеж. Не говоря уже о такой мелочи, что между нами тогда шла война. Да ладно уж, чего там, небось все давно знают, что наше семейство никогда не было ангельским и образцовым.

Тогда начну считать с Роберта. Последнее семейное Рождество у моей матери мы встречали в восьмидесятом году, а потом начались всякие осложнения и огромные расстояния. Они — в Канаде, мы — здесь. Короче, очередного семейного сочельника детям пришлось ждать — не соврать бы — лет восемнадцать. Роберт уехал, Ежи вернулся, и в отсутствие Роберта сочельники отмечались то на улице Неподлеглисти, то в Константине.

А еще мои сыновья разводились с первыми женами. И я тут совершенно ни при чем. Никакого влияния не оказывала, не мое это дело, сами решали. Я же любила всех своих невесток, и прежних, и нынешних, каждый раз одобряя выбор сыновей. А потом умерла моя мама. И кто, спрашивается, смог бы устраивать семейные застолья?!

Итак, спустя много лет пришлось взять эту миссию на себя. И состоялся первый семейный праздник после долгого перерыва в моем новом доме. На Рождество. Все шло без сучка и задоринки,

да так и прошло бы, не вмешайся Тереса. Сразу после ужина она пожелала отправиться домой и потребовала, чтобы я отвезла ее.

Должна признаться, я не проявила должного христианского человеколюбия по отношению к престарелой тетке.

— Тереса! — со злостью заявила я ей. — Первый раз в жизни я встречаю праздник в своем собственном доме и первый раз за минувшие полстолетия могу никуда не уезжать. И не поеду!

— Так пусть меня отвезет Роберт.

— И речи быть не может. Роберт лишь вчера приехал из Канады после восемнадцати лет отсутствия, теперешней Варшавы не знает, где ты живешь — не знает, а в темноте ни за что не найдет. Сиди смирно и перестань морочить мне голову, такси заберет тебя через полчаса.

Эти полчаса дорого нам обошлись. Праздничная атмосфера... да бог с ней, с атмосферой, даже воздух в гостиной сгустился, мы с трудом дышали. Такси явилось пунктуально, но нельзя сказать, что привычка тетки рано ложиться всем нам доставила удовольствие.

Тут, кстати, стоит заметить, что в следующий сочельник таксисту пришлось долго ожидать у ворот, поскольку постаревшая на год Тереса совсем не торопилась домой, охотно посидела бы подольше, и нам пришлось уговаривать ее сжальться над таксистом. Нет, я решительно не в состоянии предвидеть всех фанаберий своих родичей.

Опять же именно из-за Тересы на праздничном столе появилась проклятая жареная рыба. Она бы восприняла ее отсутствие как смертельную обиду, нанесенную ей лично, и я бы не удивилась, что, несмотря на возраст, опрометью выскочила бы из-за стола и пешком отправилась домой. И плевать ей было на прочие рыбные лакомства: на фаршированного судака и заливного угря, на разнообразных сардин и всевозможную селедочку. Вот возьму и в следующий раз, чтобы отделаться, куплю замороженное филе, какое покупаю для своих кошек, и специально для нее нажарю!

Раз уж я переключилась на тетку Тересу, то вычерпаю эту тему до дна. И закруглюсь с ней.

Впрочем, нет, закруглиться с теткой Тересой удастся навряд ли.

После своего девяностолетия, которая Тереса отпраздновала шумно (мы устроили праздник в одной из самых роскошных забегаловок Виланова, лучшего района Варшавы), моя тетка почти оглохла. Не знаю уж почему, никаких громовых труб на торжестве не было, и из «катюш» никто не пулял. Но, увы, факт остается фактом.

Мой отец тоже оглох на старости лет, но вряд ли тут есть связь. Он же Тересе приходился лишь шурином, никакого кровного родства между ними не было, Тереса — младшая сестра моей матери, а отец происходил совсем из другого рода. А вот надо же, зараза перешла с одного на другую. Отец ни за какие сокровища мира не хотел носить слуховой аппарат, Тереса тоже от него категорически отказывалась.

Надо сказать, это привело к потрясающим последствиям. У Тересы пять дней в неделю по доброте сердечной бывает Малгося, жена Витека. Должно быть, замаливает какие-то тяжкие грехи в заботе о вечном спасении своей души, ведь общение с Тересой легким не назовешь. О Малгосиных грехах мне ничего не известно, спасение же она уже давно и без того заработала.

Малгося готовит для Тересы еду, покупает ей лекарства и следит, чтобы подопечная вовремя принимала их, помогает по дому и оказывает услуги, о которых я здесь распространяться не буду. Однако об одной расскажу, ибо и без меня о ней узнал весь свет.

Дело в том, что Тереса обожает разгадывать кроссворды и требует от своей помощницы всяческого содействия. Малгосе деваться некуда, но Тереса обычно сидит в гостиной, а Малгося может оказаться где угодно — в спальне, на кухне, в ванной. То есть на значительном расстоянии от Тересы. Поэтому ей приходится громко орать, чтобы почти оглохшая Тереса ее услышала.

И вот вскоре Малгося стала замечать, что соседи Тересы начали как-то странно на нее поглядывать и проявлять к ней чрезвычайное внимание и предупредительность. Некоторых из них Малгося вовсе не знала, но, будучи женщиной вежливой, всегда с улыбкой отвечала на их поклоны и приветствия, однако удивлялась, не зная, чему приписать такое отношение. Хорошо, что ближайшая Тересина соседка однажды не выдержала. Они с Малгосей почти подружились, и соседка с беспокойством поинтересовалась, что там у них происходит.

— Пани Малгося, мы все слышим такие страшные крики из квартиры пани Тересы, к тому же очень странные... Просто оторопь иногда берет...

Ошарашенная Малгося долго молчала, потом до нее дошло. Ну конечно же, страшными криками соседи называют их совместное разгадывание кроссвордов. Малгося и впрямь то и дело орет благим матом:

— Рояль!!!

— Рулет!!!

— Португалия!!!

— Шашки!!!

— Экстаз!!!

Соседи же, слыша жуткие и непонятные крики, нервно вздрагивают. Что им оставалось думать? Только предположить, что бедная Малгося спятила от общения со своей престарелой подопечной. А с сумасшедшими, всем известно, следует обходиться вежливо, стараясь их не раздражать.

Тереса была главным гостем на свадьбе Ежи и Мариолы, и тут пострадавшей стороной, увы, оказалась я.

Свадьбу устроили скромную, только ближайшие родственники и некоторые друзья.

Брак был гражданский. Оформлялся по месту жительства невесты, по ту сторону Вислы, в том же очень милом административном здании, где в свое время оформляли брак и Тадик с Агнешкой. Присутствовали родители невесты, одна ее подруга, мать жениха и его двоюродная бабка Тереса. Малгося с Витеком были свидетелями.

Ясное дело, мне пришлось сесть рядом с Тересой, кому же еще?

Ну и началась процедура оформления. Та пани, которая оформляет эти браки... Я до сих пор не знаю, как у нас официально зовут этих служащих, назову ее просто регистраторшей.

Сначала регистраторша произнесла вступительную речь. Видимо, так положено. Об ответственности, которую налагает брачный союз, или что-то в этом духе. Прослушать речь не удалось, Тереса не позволила. Уже после первых фраз моя тетка нетерпеливо и во весь голос поинтересовалась:

— Она что-то говорит?

— Тихо! — громко зашипела я на нее. — Говорит.

Через минуту опять толчок в бок:

— Она все еще говорит?

— Сиди тихо! Говорит!

Торжественную церемонию сопровождали громкие Тересиные выкрики:

— Они что-то говорят?

— Они уже расписались?

— Закончили уже?

Последний вопрос повторялся престарелой родственницей несколько раз. Потом началось по новой:

— А теперь она снова что-то говорит?

В этот момент регистраторша поздравляла новобрачных. Церемония подошла к концу, и Малгося, с трудом сохраняя

приличествующие моменту серьезность и торжественность, смогла наконец расслабиться и улыбнуться. Все поднялись и не торопясь направились к выходу.

Из присутствующих Тереса единственная пришла в пальто, и мы с ней потопали к гардеробу, где теткино пальто висело в обществе еще чьей-то верхней одежды.

— Где же Малгося? — возмущенно прогремела тетка.

— А зачем тебе Малгося? — тоже возмущенно и еще более громко заорала я, слишком уж она меня достала.

— Как это зачем? Она же должна помочь мне одеться.

От ярости у меня помутилось в глазах так, что я почти перестала видеть белый свет. В конце концов, я — достойная продолжательница представительниц нашего рода, из поколения в поколение славившихся своим темпераментом.

— Не должна! Малгося занята, а тебе пусть поможет мужик. Помогать дамам надевать пальто всегда было уделом мужчин. Вон какой-то стоит, он и поможет.

Я и не предполагала, что указываю ей на отца новобрачной. Глаза застилал кровавый туман, сквозь который я еле разглядела расплывчатую фигуру. Стоит некто в брюках и подходящего роста. Значит, мужчина.

Тересе очень понравилась эта идея, а отец новобрачной спокойно выполнил исконную мужскую обязанность и ловко помог даме одеться.

Свадебное торжество планировалось продолжить в ресторане. По традиции нашей семьи это всегда происходило в ресторане на Бельведерской, но Ежи слишком поздно спохватился, там зал был уже занят, так что стол для нас накрыли в филиале этого ресторана на Новом Свете. Это одна из самых популярных варшавских улиц, для частных авто она закрыта, а наш семейный таксист Витек, как назло, специально снял с крыши своей машины эмблему такси. Пришлось всем нам и прочим приглашенным гостям пробираться на Новый Свет с тыла.

Вот уж никогда не думала, что этот тыл так плотно заставлен — стражники, полиция, барьеры и прочие ограждения. Возглавляла нашу процессию Тереса, которой удалось-таки заловить Малгосю. Они шли под руку, по их примеру и остальные разбились на пары. Первую пару у входа в ресторан приветствовала официантка, она же стала нашей провожатой. За ней следовали Тереса с Малгосей, за ними я и все гости. Шли долго, по длинным коридорам и каким-то полутемным переходам, по дороге в открытой двери зала я заметила промелькнувший пышно накрытый стол. Уж не наш ли? Однако, поскольку первая пара продолжала двигаться дальше, я послушно

потопала за ними, ну и все гости тоже. Путь наш закончился в ресторанном туалете.

Разумеется, тот мелькнувший стол был как раз наш, но Тереса пожелала сначала посетить туалет, нас не предупредили, и все приглашенные послушно следовали за официанткой. Хорошо еще, туалет в этом ресторане был просторным, так что все мы поместились. И утешали себя тем, что оно и к лучшему — на всякий случай не мешает знать, где в этом ресторане находится уборная.

И все же хотела бы я знать, почему на всех свадьбах моих сыновей обязательно приключается что-нибудь странное...

Ладно, пора уже вернуться к начатой мною теме. Правда, я позабыла — какой, ну да не все ли равно?

Стремление любыми способами удешевить строительство дома самым кровавым образом сказалось и на мне, и на пане Ришарде. А началось все с кондиционеров.

Я уперлась — дом должен быть полностью оснащен климатическими установками, отдельными кондиционерами я не ограничусь. Правда, я много наслышалась о вредном воздействии кондиционеров на здоровье человека, при них, дескать, неизбежны воспаление легких и многие другие простудные заболевания. Все эти глупые рассказы я пропускала мимо ушей. Мне часто приходилось лично пользоваться услугами кондиционеров — в машине, в магазинах, в отелях и всевозможных учреждениях, — и ни разу кондиционеры не сделали мне ничего плохого. А вот от жары я пару раз чуть не померла. Даешь кондиционеры, и basta!

Семнадцать раз (я не преувеличиваю) мой доверенный главный строитель спрашивал и переспрашивал меня, не передумала ли я насчет кондиционеров, и предупреждал, что климатические установки обойдутся очень и очень дорого. В ответ я не уставала повторять: могу обойтись без стен, полов, потолков, тарелок и вообще всего прочего, а вот свежим воздухом дышать желаю! Кажется, восемнадцатого подтверждения не потребовалось, мне наконец-то поверили. По крайней мере, так мне казалось.

Я никогда не рассматривала проекты моего будущего дома, не желала вникать во все подробности, для того ведь и наняла специалистов, пусть они вникают и ломают головы. В конце концов снаружи дома был установлен какой-то чудовищный агрегат, в гараже появились какие-то непонятные трубы, а весь дом запестрел вентиляционными решетками. Это еще не все. К сожалению, по каким-то загадочным причинам все установленное

оказалось негодным, оборудование демонтировали и потом установили новое.

Вот не скажу, когда именно я решила устроить испытания. Наверняка летом или в конце весны, когда стояла продолжительная жара. Вряд ли мне пришло в голову охлаждать дом зимой. И случилось это в среду, поскольку у меня оставалась на ночь пани Хеня, а она всегда ночует со среды на четверг.

Если не ошибаюсь, что-то в сложной системе охлаждения было установлено на определенное время, дабы система автоматически включилась в этот час сама по себе. Точно помню, никакого специалиста по части кондиционеров рядом не было, в доме остались мы с пани Хеней одни.

В урочный час от страшного рева снаружи вздрогнуло все здание. Отправленная на разведку пани Хеня донесла, что наверху, в комнате для гостей ревет так, что выдержать нет никакой возможности. Тут к реву присоединилось равномерное и звонкое бряцанье, — видно, какая-то железяка не выдержала.

Позвонила пану Ришарду. Он напомнил: ведь предупреждал меня, что от агрегата будет шум. Кто же спорит, шум так шум, но не такой же! Сколько раз приходилось мне проживать по несколько дней в отелях с климатическими установками, но никогда и нигде они так не голосили. Даже на Кубе! Возможно, потому, что там они были скрыты в разных подвалах и котельных, а моя присоседилась прямо под боком.

Памятуя о своем упрямстве, я уже готова была, стиснув зубы, пострадать ради прогресса, но меня смутило выражение лица пани Хени. Она явно решала, за какую работу взяться, ведь уснуть все равно невозможно. К тому же немногочисленные соседи (наш микрорайон тогда только начинал застраиваться) выдержали лишь полчаса, а потом пришли ко мне и вежливо поинтересовались — так будет всю ночь? Один робко упомянул о своих малых детях.

Я сдалась и решила отключить достижения цивилизации, для чего снова позвонила пану Ришарду. Тот даже по телефону слышал страшные завывания, так что мне не пришлось ничего объяснять, и принялся давать указания. Надо войти в гараж, там в дальнем конце я увижу щиток, а на нем кнопку... В гараже стояла машина, перекрывая доступ к щитку. Делать нечего, полезла через машину, по капоту, чуть не сломала ногу, зацепившись за бампер, но к щитку пробралась. Хорошо, что захватила сотовый, на щитке была не одна кнопка. С трудом поняла, какую именно надо нажать, и дрожащей рукой нажала.

Жуткий рев смолк.

Ну ладно, а как же теперь с охлаждением в жаркие дни и

ночи? Правда, по причине акустической катастрофы я напрочь забыла о желанной прохладе, так что не заметила, веяло ли прохладой во время рева.

Все-таки что-то здесь не так.

Скажите, я когда-нибудь хвасталась, что у меня легкий характер? Правда же, никогда? И не собираюсь такое утверждать. Понятное дело, наутро я устроила скандал, по сравнению с которым рев агрегата мог показаться просто тихим мурлыканьем.

И выяснилось, что тут все действительно не просто... Во-первых, пан Ришард первый раз в жизни занимался кондиционированием воздуха в частном доме и твердо придерживался указаний, фигурировавших в проекте, во-вторых, если и монтировал дважды одну установку, так это не его вина, а в-третьих... не стану же я его упрекать за то, что он хотел сделать подешевле, экономя денежки заказчика. Так, давайте по порядку. Проект климатизации на деле оказался проектом вентиляции, то есть механической системой, потому и пришлось все переделывать. А полная климатическая установка — жутко дорогая вещь, ее, почитай, никто в частных домах и не устанавливает. А в-четвертых, с агрегатом не все было в порядке, должно быть, подсунули устаревшую модель... Но зато недорогой, уж за это он ручается! Остальных «в-пятых» и «в-шестых» я уже не слышала, от бешенства разум у меня помутился, а в глазах потемнело.

Возможно, я бы вела себя более сдержанно, если бы не поездка в Лонцк с Витеком и его дочкой Мартой. Марта — отчаянная лошадица, мы поехали полюбоваться на стадо чистокровных жеребцов. На обратном пути остановились перекусить в забегаловке на трассе. Ну и в той забегаловке, которая называла себя рестораном, работала климатическая установка.

Работала она себе тихонько, почти бесшумно, но очень эффективно. И, как в моем доме, агрегат находился снаружи. Потеряв всякий стыд, мы не только не спускали с него глаз, но подошли вплотную и даже приложились ухом — нет, не шумит. Сообща сравнили размеры охлаждаемых помещений — ресторана и моего дома. Боюсь, мы произвели странное впечатление на хозяина заведения и его немногочисленных клиентов, хотя от громких высказываний я тогда воздержалась. Поговорили потом, уже в машине. Возможно, эта замечательная установка и обошлась ресторанчику недешево, но разве я требовала экономить?!

Окончательно проблема разрешилась лишь после приезда моих канадских детей на Рождество. В конце концов, Роберт

несколько лет вплотную занимался холодильными установками, ему ли не знать сути дела. Оказалось, и у нас есть специалисты в этой области, они быстро и качественно установили необходимое оборудование, в результате чего я лишилась доступа к двум электрическим розеткам, зато прибавилось еще три пульта. Но не будем мелочными, устройство действует отлично, издавая лишь едва слышное урчание, не громче компьютерного, да и стоило не таких уж бешеных денег.

Агрегат и трубы исчезли с глаз долой, осталась лишь оргия вентиляционных решеток, сквозь которые зимой ужасно дует.

К сожалению, нечто подобное пришлось пережить мне и с освещением. Боюсь, не сумею толково объяснить, ведь все, что касается электричества, всегда являлось для меня абсолютно чуждой областью, и я не намерена вникать в эти дебри на старости лет. При подключении дома к электросети можно каким-то образом регулировать потребление электроэнергии, заложив мощность заранее. Мне и заложили слишком маленькую, чтобы вышло подешевле. А я инстинктивно тянусь к свету, при сороковках в голову почему-то приходят мысли о самоубийстве и черной оспе, требую вернуть более яркие лампочки, а они летят одна за другой, не успеваю вкручивать. Вру, конечно, вкручиваю не я, а пан Ришард. Потеряв терпение, клятвенно пообещала ему, что вот так будет вкручивать мне лампочки до конца дней своих, если не приведет хорошего электрика, ибо душа — заметьте, не разум, а душа — говорит мне, что дело можно исправить. Нутром чую.

И как этот человек еще меня терпит?..

Я все больше теряю надежду придерживаться хронологии, ничего у меня не получается. Ладно, попытаюсь хотя бы тематически как-то организовать свои мемуары. То есть если уж затронула какую-то тему, то хотя бы за нее держаться. Раз не получается хронологически, попробую излагать тематически.

Вот мелькнуло замечание о том, что ни грипп, ни простуды меня особенно не донимают, зато от жары я как-то чуть не померла.

Это чистая правда. Мои безответственные прогулки в тропиках уже не раз выходили мне боком, но это мелочь по сравнению с тем, что пришлось пережить в памятном двухтысячном году. Однако, прежде чем я приступлю к подробному описанию пережитого, вынуждена данную тему слегка расширить. Хочешь не хочешь, а придется сказать несколько слов о моих заграничных путешествиях вообще. Пыталась воздержаться от этого, но вижу — не получится.

Мои поездки за границу делятся на служебные и личные. Личных больше, зато некоторые служебные оставляют совершенно незабываемые впечатления. Про свою первую поездку в Москву я уже рассказывала, теперь настала очередь Франкфурта.

Перед этой поездкой я отправилась отдохнуть на Балтику, на свою любимую косу. Здоровье того требовало. Отдыхалось неплохо, хотя спокойствием и не пахло. Помешали кретинские запреты, отравлявшие жизнь всем местным рыбакам, не только Ягоде с Вальдемаром. Мне тоже. Ну и пришлось вмешаться, похлопотать. Речь идет о местных законах, регламентирующих проезд по дорогам, ведущим к порту. Домой я вернулась после Пасхи.

Летом приехали канадские дети, и мы отправились в вояж, запланированный еще в прошлом году. Тогда уже мы присмотрели отель «Флобер» в Трувиле. По дороге, разумеется, заехали к Гражине в Штутгарт, к Михалу с Иолой в Париж, к...

Постойте, опять запуталась.

Пропустила самый ветреный отпуск, который мне пришлось пережить за год до этого в Кабурге. Возвращаюсь к нему. Наверняка это было в июле, и Роберт с раздражением допытывался у меня, бывает ли лето в этой части Франции. Почти все время лили бесконечные дожди, то слабые, то настоящие ливни, и сопровождалась дождевые потоки жуткими ветрами, шквал следовал за шквалом, так что и речи не было о морских купаниях. Пришлось заняться экскурсионной программой. Мы отправились поглядеть на гору Сан-Мишель и тамошний монастырь.

Поехали. Уже недалеко от горы и монастыря движение по шоссе застопорилось, потом остановилось совсем. Откуда-то сбоку на проезжую часть неторопливо вышло небольшое стадо коз. Одной из них захотелось именно посередине шоссе остановиться и покормить козленка. Машины терпеливо ждали, водители схватились за фотоаппараты.

Разумеется, Роберт тоже выскочил из машины, Моника за ним. Я сидела за рулем, не сводя глаз с умильной сцены на шоссе, но тут у меня за спиной раздался страшный крик:

— Открой дверцу! Открой дверцу! Дверцу!!!

Вздвогнув, я поспешила открыть свою дверцу, причем налетевший вихрь чудом не сорвал ее с петель. Возможно, до того я с перепугу заблокировала все остальное, поскольку крики усилились. Теперь каждый из них кричал свое, нагнетая панику. Оказалось, Роберту понадобилось что-то достать из машины, а Моника захлопнула переднюю дверцу, когда рука ее отца была

внутри машины. Просто чудом не раздробила ему пальцы! Зося орала на заднем сиденье. Роберт вопил от боли, я пыталась, тоже криком, довести до их сознания, что уже открыла, но меня не слышали. Захлопнуть же свою дверцу я не могла из-за ветра. Обернувшись, увидела сына в глупейшем положении — одна рука заблокирована в машине, в другой он что-то держит, понятно, сам дверцу открыть не может. И такой у него был комический вид, что я не удержалась от смеха. Ну не чудовище ли? Боюсь, именно это подумали мои родные.

Зато козы на снимке вышли отлично.

Видать, никогда мне не научиться уму-разуму. Я сдуру предложила внучке отправиться на берег — пособирать ракушки. Внучка охотно согласилась, должно быть, в бабку пошла, никакого здравого смысла. С пляжа пришлось спасаться бегством, наше семейство в полном составе приютилось в прибрежной забегаловке, с ужасом и восхищением наблюдая, как шквалистый ветер гонит огромные волны, поднимая тучи пенистых брызг. Служащие быстро гонялись за летающими стульями, столиками, зонтиками и прочим барахлом.

После отлива ветер немного унялся, вода отступила метров на восемьсот от берега, а по мокрому утрамбованному песку легко ходить. Вот мы с внучкой и пошли, одни-единственные на совершенно безлюдном пляже. Больше никто до такой глупости не додумался.

На мне была непромокаемая куртка с капюшоном, который я плотно натянула на голову. Мы повернули к берегу, внимательно глядя под ноги, стараясь рассмотреть в черных водорослях запутавшиеся ракушки. Скорей, скорей к берегу, пока не налетел... Очередной шквал ударил нас в спину, второй почему-то сбоку. Чуть голову не оторвал. Пощупала — голова на месте, даже капюшон на месте, но вот под капюшоном что-то не так. Не пойму.

— Моника, глянь-ка на меня, что у меня с головой? На месте? Внучка с трудом обернулась, преодолевая ветер и дождь.

— Вроде бы. И капюшон, и голова. А что?

— А парик?

— Парика не видно! — прокричала Моника.

— А не заметила, он не пролетал мимо тебя? К тебе ветер дует. Погляди хорошенько.

Внучка послушно заозиралась, но безрезультатно. Я ускорила шаг, продолжая ощупывать голову. Сдвинула капюшон, но так и не смогла понять, на голове ли парик.

Мы ворвались в бистро.

— Дети, — жалобно прокричала я, — поглядите, есть ли у

меня на голове парик?

Вот когда я расплатилась за свой неуместный смех на шоссе. Первой расхохоталась Зося. Это был такой приступ смеха, что не устоял ни один столик в небольшом зале. И хотя за ними сидели туристы, по-польски наверняка не понимавшие, они так и покатались со смеху. Все быстро ржало, выло, визжало и утирало слезы. Возможно, я еще подлила масла в огонь, перетряхивая куртку и выворачивая ее рукава, а также выражая опасение, что нашедший парик примется искать прочие части утопленника. Парик же мой пропал самым непонятным образом, хорошо, что имелся запасной.

Во время той поездки во Францию — оказывается, она была такой занимательной! — мы умудрились надеть французам немало хлопот в самом центре Парижа. Вообще-то не в центре, немного с краю, на авеню Карно у площади Звезды.

Бывая в Париже, мы останавливались в разных гостиницах, тогда выбрали «Regence Etoile», рядом с площадью Звезды, как я уже сказала, на авеню Карно, где-то посередине улицы.

Как известно, все отходящие от Триумфальной арки улицы идут вниз, арка, можно сказать, возвышается на холме. Вечером мы возвращались в свой отель со стороны авеню Де Терн, шли медленно, поскольку двигались в гору. Видимо, ужинали где-то рядом, иначе не шли бы пешком. Уже стемнело. Недалеко от входа в наш отель я почувствовала резкий неприятный запах.

Дети тоже отметили — чем-то воняет. Поглядели под ноги. Машины были припаркованы в длинный ряд у тротуара, из-под одной что-то натекало. Весело журча, ручеек бежал вниз по улице.

Остановившись, мы пытались определить, что за дрянь течет. Бензин? Тормозная жидкость? Вода из радиатора? Автомобильное масло? Скорее всего, бензин или масло. Струйка увеличивалась и набирала скорость.

— Что без толку стоять? — разозлился Роберт. — Течет из чьей-то машины, я тут при чем, какое мне дело до чужой тачки?

— Какое дело? — фыркнула я. — Да ты погляди, куда течет! Через четыре машины стоит наша.

Все тут же признали мою правоту. Достаточно какому-нибудь сопливному крестину бросить окурочек... Отголоски взрыва долетят аж до Марселя.

В отеле дежурил молодой человек, который поначалу не оценил всей важности нашего сообщения и не выразил ни малейшего желания что-либо предпринять. Ну что ж, он и нас не оценил. Мы уперлись всеми четырьмя лапами и не думали отступать. Двое из нас говорили по-французски, а молодой

француз владел английским. Он не выдержал массивной двужычной атаки, пошел посмотреть и понюхать.

Ручеек струился по-прежнему, и не думая уменьшаться.

Все дальнейшее мы наблюдали уже из окон нашего номера на втором этаже, как раз с видом на дырявый автомобиль. Сидели удобно, ну прямо как в королевской или президентской ложе. Приехали пожарники, полиция, дорожная служба и мусорщики. Причем первой прибыла полиция. Собралась толпа, будничное событие превращалось в сенсацию. Дорожники стали примериваться, как бы вытащить прохудившуюся тачку из ряда плотно стоящих машин. Пожарники подключились к уличному гидранту, и на мостовую обрушился мощный поток воды, смывая жалкую струйку подозрительной жидкости. Полиция отгоняла припозднившихся зевак, а те упорно не желали расходиться. Струйка затерялась в мощном потоке воды, добравшемся до конца улицы, где мусорщики споро насыпали перегородивший улицу песчаный вал. А из машины все текло и текло.

Последним, уже около двух часов ночи, прибыл владелец дырявого авто. Настал кульминационный момент.

Полиция разыскала его по номеру на машине. И представляете, этот пройдоха вовсе не проживал в отеле, он вообще обитал в другом районе, а здесь пристроился втихую парковаться. Его вырвали из объятий Морфея, вытащили из дому, силой приволокли и ткнули носом в незаконно припаркованную машину, наделавшую столько переполоха. Хитрец, ничего не скажешь. Как во всякой метрополии, в Париже проблемы с парковкой, так он нашел выход. И это в разгар туристического сезона, когда каждое место у отеля на вес золота. Многим постояльцам просто некуда поставить машину, приходилось бросать ее где получится и издалека волочь свой багаж.

Кончилось тем, что машину проходимца забрала дорожная полиция, ему не разрешили включить двигатель.

Нет-нет, я не забыла про Франкфурт, к нему-то мы и продвигаемся.

Поскольку уже всем очевидно, что я запуталась в двух турпоездках, то скажу просто: вернувшись после какой-то из них довольно поздно, то ли в конце августа, то ли в начале сентября, я вдруг узнаю, что удостоена чести стать почетным гостем Франкфуртской книжной ярмарки. Не такая уж неожиданная для меня новость, но я надеялась как-то отбояриться. Увы, не удалось.

Разумеется, я поехала через Штутгарт, чтобы забрать с собой Гражину: для переговоров по изданию моих книг на немецком языке был совершенно необходим личный переводчик. Из

Штутгарта мы выехали накануне открытия ярмарки — времени более чем достаточно. И не страшно, что весь этот путь мы провели в нескончаемой пробке, двигаясь со средней скоростью пять километров в час. Гражина только радовалась. Она не любит быстрой езды и призналась мне, что наконец-то едет со скоростью, которая представляется ей безопасной.

А нужна я была там, в этом Франкфурте, ну прямо как собаке пятая нога или дыра в мосту.

Оказалось, это был польский год на ярмарке, Польша выступала там в качестве почетного гостя. Ага, не я, а Польша. Какое счастье, что я не знаю, кто был организатором этого гостеприимства, и не запомнила ни одной фамилии, иначе меня бы таскали по судам до конца дней моих. А так могу без опасений сказать, что сделали это какие-то безмозглые и бестактные кретины.

Начать с того, что нас никто не встретил, номер в гостинице нам не заказали и спросить было не у кого. Если бы речь шла только обо мне, я, возможно, стерпела бы и промолчала, но душа болит за наших нобелевских лауреатов, Виславу Шимборскую и Чеслава Милоша, к тому же, не в обиду им будет сказано, постарше меня.

Всемирно признанных польских поэтов с почетом поселили в гостинице где-то на окраине Франкfurта, вручив каждому бумажку с инструкцией, как добраться до книжной ярмарки. Они совершенно спокойно доедут туда, если из гостиницы выйдут в восемь утра. Городской автобус доставит их до железнодорожного вокзала, откуда на скоростной городской электричке следует доехать до такой-то станции, там пересестъ на другую электричку, а затем на автобус, который и довезет до ярмарки. И уже в половине одиннадцатого можно приступить там к своим почетным литературным обязанностям.

Так и вижу, как пани Шимборская и пан Милош мечутся по поездам, остановкам и автобусам. Впрочем, вижу и других литераторов, в том числе себя. Похоже, не одна я это видела, поскольку утренние развлечения нам скоро отменили, выделив каждому такси. И опять идиотское решение, ведь два человека, которых требуется доставить из одной и той же гостиницы в определенное место, вполне поместились бы в одной машине. Да и три персоны запросто можно впихнуть, среди нас не было лиц, страдавших слишком уж избыточным весом. А если встречи на ярмарке и начинались с получасовой разницы, ничего страшного. Столько времени пропадало зря, что даже час казался сущей чепухой.

Может быть, организаторы подозревали, что польские

писатели ненавидят друг друга и, воспользовавшись оказией, перегрызут друг другу глотки, оказавшись в одной машине? Мне о таком слышать не приходилось.

У самого входа на ярмарку, по другую сторону улицы, находился очень приличный отель, который не создал бы никаких транспортных проблем ни для организаторов, ни для нас. Да и вообще поблизости не было недостатка в гостиницах. В этом отношении Франкфурт не какая-нибудь Пипидувка. На мой вежливый вопрос, почему, черт возьми, своих почетных гостей хозяева не могли разместить в каком-нибудь отеле в центре города, я услышала ответ — не было мест. Не поняла. Отели всегда строятся с местами. Тогда мне с некоторым смущением пояснили, что слишком поздно взялись бронировать места для участников ярмарки.

И опять я не поняла. Организаторы не знали, когда открывается ярмарка? Не знали об участии польской делегации? Не поинтересовались, кто там, в составе этой группы, — люди старше среднего возраста или молодые спортсмены? Приезжая во Франкфурт ежегодно, эти деятели не имели понятия о том, что о приглашенных гостях надо позаботиться? Или отель в три-четыре звезды показался им слишком дорогим? И что, наезженные на такси километры оказались дешевле? Инсинуации восхищенного пана Левандовского по поводу того, что в кругу лиц, преимущественно не знающих польского языка, я проявила потрясающий темперамент, видимо, в какой-то мере оправданы. Я не помнила себя от ярости, какой-то темперамент из меня наверняка выплескивался. Только сомневаюсь, что это кому-нибудь пошло на пользу.

Я уж не заостряю ваше внимание на таком маловажном факте. Рядом со стендом, где я неизвестно зачем сидела, оказался представитель крупнейшего немецкого издательства, к тому же прекрасно владеющий польским языком. И нас даже не представили друг другу! А если бы такой Версаль соблюли, глядишь, мое мотанье по трети Европы и приобрело бы какой-нибудь смысл. Хотя... кто знает? Может, наоборот, оно и к лучшему, что личное знакомство не состоялось. А вдруг бы ему моя физиономия не понравилась?

Прошу обратить внимание: в данном отрывке промелькнула первая ласточка моего отношения к творческим встречам, и обещаю, что ласточка скоро превратится в огромную стаю летающих страусов. Да знаю я, страусы не летают. Не имеет значения, уж у меня-то они еще как полетят!

Воспользовавшись случаем, в первый и последний раз, хочу

сообщить, что я больше не летаю самолетами. Не знаю, может, где-нибудь об этом я уже и писала, ничего, охотно повторю.

Так вот, теперь авиаалинии не вызывают у меня ни симпатии, ни доверия. Поскольку причин много и они взаимосвязаны, неважно, в какой очередности я их перечислю. Во-первых, авиаалинии отбирают у тебя абсолютно все, к чему ты так привыкла: зажигалки, маникюрные принадлежности, пилочки для ногтей, пинцеты, множество самых нужных и просто необходимых вещей. И никогда не возвращают. Во-вторых, тем самым они сразу настраивают нас на то, что в нашем самолете бомба или террористы, а это не поднимает настроения, тем более что террористы и в самом деле пролезают во все щели. В-третьих, они запрещают курить на борту, а в мои планы, может, вовсе не входило отвыкать от курения именно во время этого рейса. В-четвертых, они не желают предоставлять мне место в первом классе, и я вынуждена лететь в жуткой тесноте. Уже не один раз совершенно посторонние мне мужики и в ночное, и в дневное время храпели у меня на коленях. В-пятых, они не дают никакой гарантии, что у меня в самолете не упадет вдруг давление и я не окачурюсь на месте. В-шестых, аэропорты находятся на таком расстоянии, что маршруты, чуть короче, чем от Варшавы до Австралии, быстрее одолеешь на автомашине. В-седьмых, постоянно теряют багаж. В-восьмых, черт возьми, кто кому, наконец, платит — я им или они мне? Не позволю запрещать мне делать, что я хочу, или заставлять меня делать то, чего я не хочу, за мои собственные деньги!

Во Франкфурт, естественно, я ехала на машине, обратно тоже. Прямо на трассе находился Вурцбург, и сколько труда стоило мне его объехать — трудно описать. А обогнуть его я должна была любой ценой. И другим советую. На двадцать три километра там уходит два с половиной часа, да и то если очень повезет и не случится автопроисшествий. Дело в том, что именно на этом кусочке трассы сходятся в одну пять автострад, хоть ты лопни!

Половину Германии пришлось проехать, чтобы избежать этого удовольствия, и уже после Байрета стало темнеть. Разумеется, и дождь не заставил себя ждать. От усталости, раздражения и нервозности мне с каждой минутой становилось хуже. Я просто ощущала, как разбушевалась моя проклятая аритмия. Впрочем, может, что и посерьезнее аритмии. Я уже была в таком состоянии, что попадись мне на дороге мотель, отель, даже самая паршивая придорожная забегаловка, я бы остановилась и попросилась отлежаться.

Для отдыха я заранее забронировала отель в Болеславце, но не тот, что обычно, его сняли целиком под какое-то собрание, то ли съезд, то ли прием, неважно. Оно даже к лучшему, новая гостиница находилась на окраине города — с той стороны, с какой я ехала. Мне, однако, становилось все хуже, такое ощущение — вот сейчас помру, машина едет сама, из жалости, спасибо, я старалась лишь не мешать ей. В отчаянии я высматривала впереди огонек какого-нибудь пристанища, но на территории бывшей ГДР по обе стороны дороги тянулись лишь живописные леса. И никаких указателей, даже заправочных станций не видно.

Вынужденная дотащить до границы, я переползла ее и двинулась дальше, ведь не попросишься на ночлег у погранцов с таможенниками. Да и куда бы они меня поместили? В склад с контрабандой, изъятой у путников? Нашла свою гостиницу и порадовалась, что перед ее входом нет ступенек, зато стоянка оказалась далеко от входа. Уж не помню, кто доволлок мой чемодан до номера. Мужчина небось. И тут, порывшись в сумке, я не обнаружила в ней сотового.

И опять не помню, какого черта он мне так до зарезу понадобился. Вот просто помру, если не позвоню. Значит, я оставила мобильник в машине, на кресле рядом с водительским. Ни минуты не сомневаясь — мне не жить без мобильного, я заставила себя подняться и медленно, величественно протащилась до стоянки. Ох, как же страшно далеко она была!

В машине сотового не оказалось.

Видимо, надо мной тяготело какое-то проклятие, придется помирать. А раз придется — какая разница, где это произойдет. Да пусть даже тут, в машине.

И все же я доползла обратно до гостиницы, взяла себя в руки и как следует перетрясла сумку. Сотовый лежал на дне.

Я схватила его, сразу поверив в свое спасение, и тут выяснилось, что он не работает.

Трудно описать, что я почувствовала. Стало совсем худо, а я и без того уже настроилась свести счеты с жизнью. Выходит, нет спасения. Надежда меня покинула, отчаяние захлестнуло душу, слабость одолела тело. И вдруг все это смела дикая, вулканическая ярость. Ведь я же специально оплатила роуминг и автоматическое переключение моего сотового после всякого пересечения границы, специально оговорила эту услугу, а сейчас и вовсе нахожусь в Польше, холера ясна и черт их всех подери!

Хозяевами небольшой гостиницы, где я остановилась, были молодые супруги в возрасте моих сыновей. Значит, электронное поколение. Остаток вечера молодой супруг, бросив все дела и

передав бизнес жене, провел над моим сотовым, пытаюсь заставить работать вредное устройство. Кажется, дело было в том, что я находилась слишком близко от границы, идиот мобильник просто не заметил, что я ее пересекла, и не перенастроился. Наконец молодой человек достиг цели и с триумфом вручил мне усмиренный сотовый, готовый выполнять все мои желания. Да благословит Господь этого парня, пошлет ему здоровья и всяческих успехов в его многотрудном хозяйстве.

Из всех этих передрыг я вышла живой, но больше во Франкфурт не поеду.

И все-таки, если посмотреть с другой стороны, я извлекла из ярмарки кое-какую пользу лично для себя.

На одной из встреч или приемов, не помню, в огромном холле я вдруг увидела пани Шимборскую в окружении читателей, почитателей, фанов и журналистов. Толпа вокруг нее клокотала и галдела, у бедняги не было ни секунды покоя, ее буквально закидали вопросами. И я, зная, как это тягостно, наблюдала за происходившим с искренним сочувствием и удивлялась, как бедная нобелевская лауреатка такое выдерживает.

И тут у меня раз и навсегда пропала охота получить Нобелевскую премию. Нет, спасибо, не надо. Вот уж никогда не предполагала, что отсутствие оной окажет мне такую грандиозную услугу, избавив от этой адской муки.

Раз уж я погрязла в описаниях своих деловых поездок, сразу уж опишу и путешествие в Познань. Правильно, речь пойдет о майской книжной ярмарке, «Маевке с книгой». Тут я знала, зачем еду, кто меня там ждет. Люди. Читатели. Жаждают получить мой автограф. А если жаждут получить автограф и задать вопросы, я, конечно же, поеду. Они имеют право ожидать от меня ответной реакции, если уж читают мои книжки, и мне приятен их интерес к моей особе, это вдохновляет, подстегивает к дальнейшей работе, знаешь, что работаешь для тех, кто ждет твою новую книгу. И я всегда терпеливо сижу, подписываю книги и просто подsunутые открытки, пока рука не онемее. И до полного изнеможения отвечаю на вопросы.

Только вот просьба к вам, мои симпатичные читатели, — не подсовывайте мне на подпись листочков в клеточку. Не знаю почему, но расписаться на бумаге в клеточку для меня неимоверно трудно, теряется ритм, клеточки сбивают меня с панталыку. Умоляю! ТОЛЬКО НЕ В КЛЕТКУ!

Ну так вот, стоял май, в Познани была прекрасная погода, тепло, солнечно, встречу с читателями организовали на свежем

воздухе. Но стоял май! Тогда еще никто не знал, что у нас в Польше появилась одна из казней египетских — мошка. Майскую мошку, страшное бедствие, хорошо знают в Канаде, где-нибудь в сибирской тайге, может, еще в каких-то регионах земного шара, а вот на этот раз мошка решила в массовом порядке посетить Польшу, налетев тучей.

Первая волна накрыла нас в тот момент, когда я как раз уселась за столик подписывать книжки и общаться с читателями. Поскольку жителям Познани случалось встречаться с единичными экземплярами зловредных насекомых, то некоторые из присутствующих тут же закурили, надеясь, что дым отгонит эту гадость. Но в полной мере никто не оценил опасности.

В густом дыму приступила я к раздаче автографов.

И скоро выяснилось, что мошка — не дура, она нашла выход из положения. Сигаретный дым вьется высоко, над головами, а не стелется по земле. Вот она и кусала мне ноги под столом, там ей ничто не мешало. Надо заметить, что укусы мошки чувствуются не сразу, тот же комар ведет себя куда благороднее. Летит, пищит, предупреждает. Я и понятия не имела, какая опасность мне грозит. О том, какое несчастье обрушилось на меня, я узнала только по возвращении в Варшаву.

Дома я вдруг обнаружила — с ногами у меня что-то неладно. Гангрена? Обе ноги ниже колен воспалились, жутко чесались и болели. Зуд разрастался, принимал гигантские размеры. Тут я вспомнила, что в пятидесятых годах, в Варшаве, меня укусила такая мошка. Один укус порой заставлял человека ложиться в больницу. Тогда мне повезло. Попался знающий врач, посоветовал делать примочки из раствора очищенной соды и часами пребывать в неподвижности. Ясное дело, в примочках не попрыгаешь. Я и просидела несколько часов над чашкой с целительной субстанцией, читала и радовалась вынужденному отдыху. Через двое суток была здорова.

На сей раз дела обстояли намного хуже, сода не помогала. Я поехала к дерматологу, и меня удивила его тревога, которой он не сумел скрыть. Лечение оказалось сложным, мне прописали несколько лекарств, в том числе и антибиотик. К тому же лекарства непременно следовало применять строго по расписанию, с часами в руках. Одно каждые двадцать минут, другое каждые два часа и так далее. К счастью, все наружное, никакой отравы не пришлось глотать.

Через неделю врач с удовлетворением констатировал первые успехи — болезнь приостановилась в своем развитии. И это замечательный результат, хотя чувствовала я себя совсем не замечательно. Болезнь испортила для меня чудесную свадьбу

старшего сына пана Ришарда.

Свадьбу играли в начале июля, и тут я впервые встретила с интересным явлением, которое позже стало принимать все более широкие масштабы, — благотворительность, приуроченная к бракосочетанию. На свадебных приглашениях молодые вежливо просили гостей вместо цветов и подарков приносить игрушки для бедных детей. Приглашенные приняли близко к сердцу благородные пожелания молодоженов, и потом я собственными глазами видела шесть мешков, содержимое которых могло осчастливить любого ребенка, не только из бедной семьи. Мне сказали, что я видела не все мешки.

Стояла страшная жара, я была еще не совсем здорова и решила ехать на такси. Глупее ничего не придумала, ведь в моей машине имелся кондиционер. Свадьбу играли на широкую ногу, организовано все было прекрасно — за исключением температуры. И во всех помещениях, и на воздухе свирепствовала такая жара, что я еле держалась на своих еще не окрепших ногах. Ругая себя на чем свет стоит, я с трудом дождалась такси, вынужденная покинуть торжество, которое только-только набирало обороты.

Приехали дети, и мы отправились отдыхать в Трувиль, опять в отель «Флобер». У него два огромных достоинства: он недорогой и расположен в прекрасном месте. Отель, стоящий на самом берегу моря, уже по одной этой причине должен быть безумно дорогим, но «Флобер» — гостиница старая. Мебель столетняя, какие-то комодики допотопные с застревающими ящиками. Лифт такого размера, что вещи приходится возить по частям. Нет ресторана и даже кафе, разумеется, никаких кондиционеров, а стоянка теоретически рассчитана на четыре машины, практически же забита десятком.

И при всем при том ни с чем не сравнимое очарование старины. Впрочем, комнаты просторные, ванны со всем необходимым. Правда, не знаю, как выглядят номера на противоположной от моря стороне.

Старина вышла нам боком. Зося была очень чувствительна к домашнему грибку и, едва войдя в отель, стала подозрительно принюхиваться. Отель недавно отремонтировали и, по мнению Зоси, при этом использовали и чрезвычайно вредные для человека антигрибковые средства. Она их нутром чует. Мы тоже ощущали какой-то чуть заметный запах, но не обратили бы на него внимания, если бы не мания Зоси. У всех, кроме меня, немного побаливала голова, я же вообще последнее время плохо себя чувствовала, о чем и писала выше.

Вскоре после приезда я отправилась купаться в море. Хорошо, со мной пошла Моника, без нее я бы как пить дать утонула. Войдя в воду по колено, я пошатнулась и села. Ну и что в этом особенного? Тысячу раз я вот так садилась в мелком теплом море просто для удовольствия. Однако тут оказалось — не могу встать. Мешали легкие ласковые волны, заливавшие лицо, они как-то ненавязчиво пытались меня и вовсе уложить. Моника сообразила, что плохо дело, схватила меня за руку, помогла подняться. Я с трудом стояла на ногах и ничего не понимала. Мне стало плохо в море, которое я всю жизнь так любила? Добро бы в нашем суровом Балтийском, но в этом теплом супе?!

Мы повернули к берегу, и тут меня поразила головная боль. Но какая! Голову как обручем стянуло, от боли я едва не потеряла сознание.

Уже более сорока лет, со времен мигреней моей молодости, я не знала, что такое головная боль. Теперешняя боль была несравненно сильнее тех мигреней. Полуживая, еле дотащилась я до шезлонга. Перепуганные родные предлагали таблетку от головной боли, а я, закоренелая противница всякой химии, отказывалась. К тому же боль чуточку отступила. Меня успокаивали, объясняли внезапную мигрень спазмом после погружения в прохладную воду. Ага, при температуре в двадцать с лишним градусов!

История повторилась, когда я встала под теплый душ. Теперь уже ни о каком спазме не могло быть речи. Если бы я полезла под кипяток или ледяную воду — другое дело, но тепленький душ... Глупости. На сей раз боль держалась дольше.

В третий раз я не выдержала. После получаса невыносимых мук сожрала канадскую таблетку. Ладно, помирать, так с музыкой! Хуже быть не может, а если, скажем, разболится живот, то наверняка полегчает голове. Ничего не разболелось, а головная боль прошла.

Мы не могли понять, откуда такое берется, с чего вдруг. Зося упорно винила грибок, точнее, средство против него. К тому же и у остальных головы побаливают, хотя и не так сильно, как у меня. Отравимся мы тут до смерти, загнемся как миленькие. Надо сматываться.

Сократив наше пребывание в милом старинном отеле, мы уехали в Париж. Следы от укусов мошки почти исчезли, и к концу августа я потихоньку стала приходить в норму.

И тут оказалось — ничего не поделаешь, в сентябре я должна ехать в Москву.

Ясно понимаю, что тут буду вынуждена сделать прыжок

назад, ибо Москва — это вам не хухры-мухры, а серьезное дело.

В тот период, когда я переезжала в новый дом, сгибаясь под множеством навалившихся на меня тягот, вдруг узнаю о приезде ко мне моей московской издательницы, Аллы Штейнман, главы «Фантом Пресс». На конференцию. Набралась куча проблем, связанных с выходом моих книг в России. Состоятся не просто переговоры, а именно конференция, я твердо придерживаюсь этого термина. Надо обсудить какие-то условия, подписать какие-то соглашения, короче — много чего сделать. Но в суть проблем я всегда отказывалась вникать, предоставив всем заниматься моему литературному агенту, и оставалась глухой ко всем попыткам добиться от меня каких-то решений, а если что и доходило до моего сознания, я тут же об этом забывала. Понимала я только одно: приедет несколько человек, мы все обсудим, а я распишусь на каких-то бумагах. Это я могу.

В принципе, я уже переехала в новый дом, но еще не до конца устроилась, однако гостиная была уже обставлена — диван, кресла, стол. Висели занавески и шторы. Насчет обеденного стола — не уверена, был ли он, но я и не собиралась устраивать званый обед, ведь встреча официальная, можно ограничиться кофейком, чайком. К этому легкие закуски, сэндвичи, а в качестве основного блюда — бобы, которые, к счастью, я сварила еще накануне.

И вот как раз в тот момент, когда пятеро гостей выросли на пороге моего дома, погас свет. А уже наступил вечер. Стемнело рано, ведь зима на носу. В дверь гости как-то просочились, тут ими занялся пан Тадеуш, а я принялась искать свечи.

Звонить насчет электричества не было смысла, наши дома были подключены еще ко временной подстанции.

Пока рылась в поисках свечей, сообразила, что гикнулись мои планы насчет чайку-кофейку, ведь чайник у меня электрический, вода в нем холодная. Готовить на дровах в камине? Свечами в достаточном количестве я тоже не успела обзавестись, было их у меня всего шесть штук, и, к моему величайшему удивлению, все эти штуки я разыскала.

Таким вот образом чрезвычайно важная конференция и подписание огромной важности документов происходили при шести свечах в сопровождении холодных бобов и бутылки красного вина. Вино оказалось единственным напитком, который я могла предложить высоким гостям. Была, конечно, еще вода из-под крана, но подавать ее к бобам я не решилась. Конференция шла своим чередом, ведь все вопросы были уже заранее согласованы, однако темнота внесла некоторый беспорядок в плавный ход переговоров. Кто-то, шаря в полутьме по столу, опрокинул свой бокал с вином (не поручусь, что при этом не

опрокинулась и бутылка), содержимое сосудов вылилось на мой новый бежевый диван, на пол и частично мне на ноги, но последнее уже пустяки.

Торжественно заверяю, что истинной причиной инцидента явилась именно темнота, когда многие предметы приходилось отыскивать на ощупь. Никакой драки между участниками встречи не было. Напротив, царила дружеская атмосфера, ведь все возможные противоречия были заранее улажены, как я уже сказала, где-то там, без меня. Так что единственным диссонансом оказалось пролитое красное вино. Виновник инцидента и пан Тадеуш кинулись вытирать его (наверное, своими носовыми платками, в темноте я все равно не разыскала бы никаких тряпок) и с большим усердием размазали по всему, что попадалось под руку, в том числе и по моим ногам, хотя я и умоляла их оставить ноги в покое.

А стоило московской гостье уйти, как вспыхнул свет. Если бы еще существовала фирма, у которой я приобрела мебель для гостиной, я бы охотно и задаром стала рекламировать ее везде и всюду. Они сказали правду, обивка оказалась выше всяких похвал — диван запросто отмылся водой с мылом так, что не осталось ни малейшего следа.

Весьма вероятно, что именно в тех потемках я и подписалась под решением о второй поездке в Москву...

На сей раз пан Тадеуш оказался в преисподней вместе со мной, хотя и в несколько ином департаменте.

Наученная горьким опытом, я заранее потребовала программу моего визита. Пожалуйста, ее нам предоставили. Программа оказалась чрезвычайно плотной, мы впахивались в нее с трудом, но впахивались. И тем не менее меня тут же охватили дурные предчувствия.

Оказалось — правильно.

Сразу же, с самого начала, нам сообщили, что вокруг Москвы горят торфяники. Горят уже давно, и никто не может их потушить. В правильности информации сомневаться не приходилось, поскольку все вокруг заволакивал густой серый дым, а субстанция, называемая воздухом, совсем на него не походила. Впрочем, может, та пыль, которой мы дышали, и была воздухом, только вот кислород в ней отсутствовал. Люди, привыкшие к чистому воздуху, очень страдали, — например, норвежский писатель угодил в больницу с инфарктом. У меня хватило силы утешаться мыслью: то, что висит над Варшавой и чем мы там дышим, позволило мне закалиться, а с норвежца что

возьмешь? Избаловался у себя на фиордах. Да, радости мало, но постараемся выдержать.

Нас отвезли в гостиницу, и там снова пришлось пережить неприятные минуты, вызвавшие скрежет зубовой. На этот раз по вине пана Тадеуша. Я его честно предупредила, что не собираюсь миндальничать и в своей книге выложу все как есть.

Вечер, ночь и утро, проведенные в поезде (помните, самолетами я не летаю!), мягко говоря, утомительны, а в нашей программе не было ни минуты на отдых после приезда. Я же сбила все планы, заявив, что должна умыться с дороги, переодеться и немного освежиться. Как же, разбежалась! Журналисты, фоторепортеры и телевизионщики, словно стая оголодавших волков, уже переминались с ноги на ногу, с трудом сдерживая нетерпение. И не сдержали, набросились-таки. Четыре раза извлекали меня из ванной для решения вопросов, о которых я не имела ни малейшего понятия. Когда такое произошло в пятый раз, я не выдержала, взбунтовалась и заявила, что этим занимается пан Тадеуш, мой литературный агент, специально для этого приехавший со мной в Москву. Он знает ваш язык, так обращайтесь к нему и оставьте меня в покое!

Это невозможно, возразили мне. В данный момент пан Тадеуш предаётся своей страсти — моется, плещется и освежается у себя в ванной.

Не знаю, вышел он добровольно или его вытащили силой, но на него сразу разъяренной гарпией набросилась я, тем более что нам уже успели подsunуть новую программу нашего пребывания в Москве, где к нашим обязанностям добавилось еще несколько. То есть к моим...

— Пан Тадеуш, кто тут спятил? — со злостью прошипела я. — Вы, они или, может, я?

Пан Тадеуш был несколько озадачен, да и в самом деле, не могла же я разделиться на несколько частей или силой воли за секунду переноситься из одного места Москвы в другое, а расстояния в Москве сами знаете какие. Он энергично воспротивился, но я уже знала — его протесты ни к чему не приведут. Большого труда стоило мне через пятнадцать минут сделать приятное выражение лица и выйти к журналистам, рвущимся на штурм.

И началось! И пошло!

Ну как передать словами чувства, которые бушевали во мне, попеременно сменяя друг друга! Раздражение, отчаяние, бешенство, опять полное отчаяние вплоть до уверенности, что я этого не выдержу — помру, и все! Апатия сменялась гневным протестом, причем протестом самого общего плана — против

всего и всех. К тому же я постоянно испытывала голод и жажду. Пить было нечего. Кока-кола отпадала, а только в ней не было недостатка, сухого вина вообще не было, чай не всегда доступен и не самый лучший в мире, минеральная вода какая-то странная (да и была ли она?). Оставалось пиво, но сколько, в конце концов, можно выхлестать пива? Да, я люблю его, но не до такой же степени. Впрочем, очень подходящий напиток для человека, пребывающего в отчаянии.

В Москве я в новом свете увидела пана Тадеуша, и с каждым днем, проведенным в российской столице, его акции повышались. А началось все так.

Кто-то из наших знакомых осведомился на стойке регистрации в отеле, здесь ли проживает пан Тадеуш Левандовский. Девицы-администраторши тут же оживились, переглянулись и возбужденно захихикали.

— А, это тот польский Казанова! — вскричали они, не скрывая своего восхищения.

Знакомый удивился и попросил объяснить. Девицы не заставили себя просить дважды, защебетали, перебивая друг друга. Вскоре вокруг собрался остальной обслуживающий персонал гостиницы и присоединился к восторженному гомону.

А было все так. В первый же день пан Тадеуш спускается на лифте, а там его уже поджидает прекрасная дама с цветами. Пан Тадеуш сопровождает даму наверх, через полчаса они спускаются обратно, а в холле его уже ждет следующая прекрасная дама — тоже с цветами и тоже сияющая. История повторяется, через полчаса они спускаются, а в холле — новая прекрасная дама... Иногда ротация происходит быстрее, пан Тадеуш укладывается в четверть часа, а дамы чуть ли не в очередь выстраиваются. И как только этот человек с ними справляется, удивлялись работники отеля. Да еще в таком темпе! Кто бы мог подумать, что в поляках бушуют этикие вулканические страсти!

Не исключено, что благодаря пану Тадеушу мнение о нашем национальном темпераменте в России повысилось, и если пан Путин иногда вставляет нам палки в колеса, так это просто из зависти.

Что ж, признаю, все русские журналистки отличались исключительной красотой, и каждая считала своим долгом вручить мне цветы, так что в гостинице скоро стала ощущаться нехватка вазочек. В нашем отеле имелось довольно странное правило — посетителю не разрешалось подниматься в номер одному, лишь в сопровождении постояльца отеля. Таким сопровождающим и выступал пан Тадеуш, в лифте он наездился на всю жизнь, однако не думаю, чтобы пережитые минуты

вспоминал потом как самые неприятные.

Куда-то запропастилась программа московской поездки, так что подробностей я не помню, но в памяти остался один сплошной ад. Вот разве что люди... Да, люди, читатели, которым так хотелось увидеть меня и получить на память автограф. Не имею понятия, кому я подписывала книги. Так же, как и в прошлый раз, у меня не было времени даже голову поднять, чтобы взглянуть на человека, отстоявшего длинную очередь. Сгорбившись над столом, я безостановочно подписывала то, что мне подсовывали, — чаще всего мои книги, но иногда открытки и даже просто чистые листы бумаги.

Телевидение. Если телезрителям охота пялиться на любимого автора, что ж, это их право, хотя зрелище то еще. Впрочем, о вкусах не спорят. Бесконечные фотосъемки я тоже могу понять. Но вот радио...

Радио — это уже верх идиотизма. Во-первых, я терпеть не могу свой голос, и никто не убедит меня, что он может кому-то нравиться. Во-вторых, к слушателям я обращалась через переводчика, а даже самый лучший переводчик ни за что не передаст с ходу все нюансы. Так что понятия не имею, какого лешего меня решили заставить вещать на всю Россию по-польски?

Словом, когда меня в очередной раз пригласили на радио, я и рта не открыла. Кстати, приглашение поступило в разгар телесъемок, когда оператор издевался надо мной как мог — заставлял ходить туда-сюда, крутиться вокруг собственной оси и беспрестанно улыбаться. Будто имел дело с юной и полной сил моделью, а не старой перечницей, замученной сотней интервью.

Я выдержала все и еще немного. Больше всего я страдала от двух обстоятельств.

Во-первых, меня угнетала необходимость переодеваться по несколько раз в день. Одно дело — раздавать автографы в крупном книжном магазине, и совсем другое — банкет в посольстве. А что уж говорить о телевидении! От этих показов мод у меня темнело в глазах и подкашивались ноги. С детства не любила наряжаться, а тут такое...

А во-вторых, есть одна вещь, о которой я, кажется, еще не писала. Теперь, на старости лет, могу признаться в очень неприятной особенности своего организма. Мне тяжело стоять. Это у нас семейное, моя мама тоже не могла подолгу стоять. Для меня настоящая мука — неподвижно пребывать в вертикальном положении. Сразу начинает ломить позвоночник, а все внутренние органы словно узлом скручиваются. Постояв минут пять, я чувствую себя так, будто полдня дрова колола. А уж в Москве мне пришлось настояться вдоволь.

Кроме того, меня выводил из себя излишек молодых и красивых женщин. Зачем их столько в России?! Нет-нет, не подумайте, будто я завидую! Будь пан Тадеуш гомосексуалистом, меня наверняка раздражал бы излишек молодых и красивых мужчин. Ну вы представьте, интервью идут одно за другим, одна встреча сменяет другую, мы носимся по всей Москве, меня постоянно хватают и куда-то тащат, голова крутом, я уже ничего не соображаю... А тут еще красотки мелькают перед глазами в немислимых количествах. Но словно этого мало, мне вечно приходится ждать, пока пан Тадеуш познакомится с очередной красавицей, поворкует с ней всласть, нацелуется вдосталь. Есть от чего прийти в раздражение, согласитесь. У меня создалось представление, что в России средства массовой информации состоят сплошь из писанных красавиц. Однажды, истомившись в ожидании, пока пан Тадеуш попрощается с журналисткой, я не выдержала и закатила ему грандиозный скандал. И надо сказать, мне стало гораздо легче.

В Москве я собиралась воспользоваться оказией и провернуть одно сугубо личное дело. Много лет назад я потеряла рубин из кольца, доставшегося мне от тетки. Так вот, я надеялась в Москве купить подходящий рубин. Много лет я искала камень и в Польше, и в других странах, но все без толку. К моему удивлению, задача оказалась невыполнимой. Все попадавшиеся мне рубины были либо с вкраплениями, либо в трещинках, а я не замахивалась на драгоценности из Алмазного фонда, мне требовался рубин скромных размеров, но идеально чистый. И настоящий, не искусственный. Вот я и подумала — куплю камушек в России. В конце концов, лучшие рубины в мире добываются на Урале. Потребовалось совершить настоящий подвиг, чтобы при молчаливом неодобрении сопровождающих вырвать четверть часа из обеденного времени. Я потребовала отвести меня туда, где такие драгоценные камни продаются.

В ювелирном магазине были лишь готовые изделия. Мне показали кольца с крупными рубинами, и не требовалось даже лупы, чтобы определить — все то же. Трещинки. А цены такие, что я несколько раз переспрашивала, не прибавила ли я по слепоте своей лишний нолик. Цены и решили дело, я отказалась от покупок и даже слышать не пожелала о какой-то шлифовальной мастерской, куда можно было попасть только по особому разрешению. Плевать мне и на мастерскую, и на все драгоценные камни в мире. Единственное, о чем я мечтала в тот момент, — поскорее бы отдохнуть.

Но сначала перекусить. Ресторанчик оказался рядом, очень миленький и пустой. Я пожелала блинов с икрой. Пожалуйста,

нет проблем, но блины подаются только на втором этаже, туда надо подниматься по лестнице. Голодная тигрица с маленькими тигрятами в тот момент выглядела бы по сравнению со мной самым кротким в мире созданием. Ладно, обойдусь без блинов, могу поесть одну икру. И тут пан Тадеуш окончательно меня добил, предложив выбрать столик.

Как известно, в ресторане, если там свободных столов больше, чем один, ни одна женщина не сумеет выбрать правильное место, отсюда и стародавний обычай — место всегда выбирает мужчина. Здесь, увы, свободны были все столы! Я окончательно разъярилась и самым гнусным образом накинулась на несчастного пана Тадеуша в присутствии нескольких человек, из которых как минимум двое понимали по-польски.

Тадеуш отомстил мне через два дня, на заключительном мероприятии. В его силах было прервать затянувшуюся пресс-конференцию, но он этого не стал делать, заставив меня страдать лишних полтора часа. Самой заявить, что с меня хватит, я не могла и уже всерьез подумывала, а не грохнуться ли в обморок? Или, еще лучше, пасть холодным трупом, но сие не всегда зависит от моего желания...

Что касается банкета в польском посольстве, то пан Тадеуш в своей книге все сильно преувеличил. Ни Беата Тышкевич, ни я не носились по залу, накидываясь с объятиями на людей, нет, мы вели себя вполне пристойно и великосветски. Из напитков предлагалось сладкое вино, сладкие коктейли и какие-то лимонады, от самого вида которых делалось нехорошо.

В общем, та поездка в Москву далась мне немалой кровью, так что лучше о ней и вовсе не вспоминать, а то можно впасть в умопомешательство.

Читатели в Москве бесконечно задавали вопросы, о которых я поминала в начале этой книги. И у меня к ним те же претензии, что и к полякам, ведь я же знаю, что предыдущие части моей «Автобиографии» выходили на русском в московском издательстве. К счастью, после нескольких моих встреч с журналистами и читателями переводчик из сострадания предложил, что сам будет отвечать на повторяющиеся вопросы, поскольку все ответы уже знал назубок. Думаю, только благодаря ему я и смогла выдержать этот ад. Уезжая из Москвы, я посулила Алле Штейнман, что непременно отомщу ей за те испытания, которые она мне уготовила. Например, выведу ее в одном из своих новых детективов серийной убийцей. Правда, руки до этого пока так и не дошли. Но я ничего не забыла!

Но вот московская программа подошла к концу, и мы

отправились в обратный путь. Тут-то и выяснилось, что все это были сущие цветочки! И горящие торфяники, и вечная моя жажда, и орды журналистов, и телевизионные мучения, и судорожная спешка, и амурные закидоны пана Тадеуша, и бессонница — все это были мелочи. Главное случилось на обратном пути.

Даже в день отъезда меня отловили журналисты — за завтраком в ресторане отеля, причем, удивительное дело, задавали вполне толковые вопросы, а не интересовались глупостями. А поскольку то были особи мужеского пола, пан Тадеуш простился с ними без особых нежностей и быстро. Еще путался под ногами фоторепортер, мы утрясали какие-то оставшиеся нерешенными вопросы с издателями. Словом, обычная круговерть, но нам удалось, вопреки московским пробкам на улицах, не опоздать на поезд.

И вот мы сидим в купе.

Где-то на полпути к Польше пана Тадеуша посетила здравая мысль.

— А не заполнить ли нам, пока есть время, необходимые на границе бумаги?

Никогда не любила заполнять официальные бумаги, но куда денешься. Согласилась. Еще когда мы ехали в Москву, совсем позабыли об этих проклятых бланках, за что к нам прицепились на белорусской границе. Я тогда еще было понадеялась — может, не пропустят? Как бы не так, пропустили. Поэтому теперь, чтобы избежать неприятностей и спокойствия ради, мы могли загодя оформить все бумажки.

Тадеуш засучил рукава и взглянул на меня:

— Номер вашего паспорта, пожалуйста.

Я принялась рыться в сумочке в поисках загранпаспорта и вскоре беззаботно заявила:

— Нет.

— Чего нет? — не понял мой агент.

— Загранпаспорта нет.

— Невозможно! Поищите еще.

— Поискала. И если говорю, что нет, значит, нет.

И тут вдруг кое-что припомнилось, и я ехидно посоветовала:

— А теперь вы поищите свой.

А вспомнилось, что, когда мы приехали в Москву, пан Тадеуш собственноручно вручил девушке за стойкой регистрации наши паспорта. Не мое дело заниматься паспортами, я и не занималась, они меня не интересовали, но в одном я не сомневалась: больше их не видела. Вокруг нас царил суматоха, толпились люди, и переводчик, желая нам помочь, когда мы с концами покидали гостиницу, вызвался сдать наши ключи на стойку. Паспортами гостей ему и в голову не пришло поинтересоваться — да и с чего бы!

Не скажу, что случившееся меня очень расстроило. Нет, я ничуть не встревожилась и даже не огорчилась. Ехать из России в Польшу через упрямо коммунистическую Белоруссию... подумаешь, большое дело! Моя совесть чиста. Все свои обязанности я выполнила честно, включая холерное радио. Возможно, несколько разочаровала русское телевидение, не отколов в прямом эфире никакого запоминающегося номера, — а ведь могла, например, сломать зуб, пытаясь откусить от муляжного яблока. Так что с меня взятки гладки, пусть теперь покрутится пан Тадеуш. Даже интересно, что он предпримет.

Пан Тадеуш начал с того, что страшно побледнел. Похоже, ему вовсе не улыбалось загреметь в белорусскую кутузку. Ну просто ни малейшего энтузиазма на лице! Я спокойно ожидала развития событий, но они как-то не развивались. Хотя нет, не совсем. В один прекрасный момент мне показалось, что мой спутник раздумывает, уж не броситься ли ему под колеса поезда. Такой поворот меня не устраивал. В моей христианской душе пробудилось милосердие, я тяжело вздохнула, помолчала немного, подумала и принялась действовать.

В нашем распоряжении имелись два сотовых телефона, к счастью, оба заряженные. Зеленого блокнота с номерами телефонов при мне не было. Из имеющихся в мобильнике номеров самым подходящим мне показался телефон комиссара полиции по моему прежнему месту жительства. Того, чьи сотрудники сторожили мои проклятые «Авенсисы» и которых я вознаградила шариковыми ручками.

И вот именно этот номер телефона оказался бесценным!

Я позвонила. Мне дали номер телефона главного полицейского управления Варшавы. Там дежурный офицер дал номер телефона дежурного в варшавском МИДе. А надо сказать, что было воскресенье, а если точнее — ночь с воскресенья на понедельник.

В МИДе дежурила особа женского пола, к тому же читавшая мои книги, к тому же очень их любившая. Она до глубины души прониклась случившейся со мной неприятностью.

Исполнив свой долг христианки, я передала сотовый пану Тадеушу.

Я постаралась, чтобы подробности двусторонних переговоров до меня не дошли, знаю лишь, что отчаянные призывы о помощи понеслись в обе стороны — и к русским, и к нашим. Мое дальнейшее участие в операции ограничилось тем, что я поднимала зазвонивший второй сотовый и вежливо отвечала, что пан Тадеуш сейчас возьмет трубку. Бедняге явно не хватало третьего уха и третьей руки.

Результат наших усилий превзошел все ожидания, а польский консул в Бресте оказался дипломатом наивысшего класса, ему бы в Брюсселе сидеть, а не на белорусской границе. В четыре пятнадцать утра (в безукоризненном костюме, белоснежной рубашке и при галстукe) он встречал нас на перроне брестского вокзала так, словно о лучшем начале наступившей недели и не мечтал.

Дальнейшее плохо помню, все-таки я устала всерьез, даже говорить уже не могла.

Уж не знаю, как сумела подняться на перрон — опять по ступенькам! Едва переставляя ноги, я вяло размышляла, какие меры предпримет пан Тадеуш. Бросит ли меня в белорусской больнице или все же перетащит мой труп на польскую сторону, где оставит под родимым кустом. Впрочем, какая разница? Мне уже все равно. Помню, в консульстве я пожирала в огромном количестве лекарства, а пан Тадеуш с консулом продолжали хлопотать.

Всем нам пришлось наврать с три короба — а что делать? Признайся мы, что паспорта остались лежать в гостинице, нас бы задержали до их получения. Неизвестно, кто и когда привез бы их из Москвы в Брест. А так мы не моргнув глазом свалили все на русских воров-злодеев — дескать, были паспорта, да вот только что их свистнули. Да-да, мы готовы были присягнуть — украдены в последний момент. Полагаю, что русским вора́м это без разницы, а мы только таким способом и смогли уехать из России — по временным документам.

До Варшавы нас довез фургончик польского консульства. Подъезжая к столице, я настолько оклемалась, что смогла даже связно сформулировать свое сожаление по поводу того, что никакой контрабанды не везу — такая оказия! Пан Тадеуш тоже не вез. Раз в жизни выпала возможность, а мы не воспользовались...

Ну а о мелочах вроде той, что наши паспорта в Польшу доставили, да только не в Варшаву, а почему-то во Вроцлав, уже и не стоит упоминать.

Разнос за пренебрежение своими обязанностями я устроила своему помощнику дома, когда немного пришла в себя. Прежде всего я потребовала объяснить, как такое могло случиться. И только тогда узнала, что пан Тадеуш в день нашего приезда должен был спуститься за паспортами через полчаса после того, как мы их сдали, но напрочь забыл. Вместо этого мое доверенное лицо самозабвенно плескалось под душем. Сама не знаю, и чего я так прицепилась к этим его водным процедурам? Ведь и сама люблю вволю поплескаться под душем. От зависти, наверное. Я бы тоже хотела забыть обо всем на свете, предаваясь омовению.

Во всяком случае, он из-за омовения не помчался в администрацию, а потом такая мелочь, как наши загранпаспорта, и вовсе вылетела у него из головы. Отдавая ключи от нашего номера переводчику, о паспортах он и не вспомнил.

С пылом-жаром пан Тадеуш поклялся, что ни за какие сокровища никогда больше не будет уговаривать меня съездить в Москву.

А в ноябре я узнала, что во всем виновата проклятая познаньская мошка. Ладно, допустим, не она составляла программу моего посещения Москвы и не она была причиной моей невероятной загруженности, она лишь виновна в моем дурном самочувствии.

Все это растолковали мне мои канадские дети. У них в Канаде мошка свирепствует ежегодно, уже давно известно, что это крайне опасная тварь и с ней нужно держать ухо востро. Укусив человека, эта бестия впрыскивает яд, препятствующий свертыванию крови — дабы полакомиться спокойно и без помех. Этот яд очень вреден для здоровья. Его избыток приводит к заболеванию, все симптомы которого я не могу перечислить, помню лишь, что одним из них является отек мозга со страшными мигренями. Половина заболевших от этого умирает, а вторая половина нет. Я оказалась во второй половине, из чего следует, что здоровье у меня железное (кто бы мог подумать?) и мошка не совладала с ним. Только теперь я поняла, почему так озабочен был мой дерматолог.

И все равно нет охоты у меня еще раз подвергать испытанию свое здоровье, пусть оно и железное.

Я упрямо продираюсь к обещанной жаре и никак не могу до нее добраться. Впрочем, нечему удивляться, ведь эта тема тесно увязана с моими выездами за границу, а они встречаются на каждом шагу...

Вот, по дороге еще и Краков был. Не везет нам как-то друг с другом, мне и Кракову. Я Краков люблю, но толку от этого чуть. В прошлый раз за мое пребывание в городе поплатился его мэр. И Мартуся, которую из-за меня лишили премии на ее телевидении. На сей раз пострадала я сама.

И опять, хоть убейте, понятия не имею, зачем меня туда выдернули. И на кой черт я туда потащилась. А с жарой это никак не связано, не было жары, скорее наоборот.

Происходило все зимой или поздней осенью, и в Кракове проводились какие-то культурные мероприятия. Вот только какие?

А, вспомнила. Даже договор нашла. Из него следует, что в Краков я отправилась с целью выступить с докладом на детективном фестивале. Кажется, никакого доклада я не делала, но все равно меня осчастливили премией «Крупный калибр».

Да нет же, серьезно, лопнуть мне на этом месте, если я когда-нибудь где-нибудь выступала с таким докладом. Я уже не говорю о том, что данный литературный жанр вообще ни в какой доклад не укладывается. Ну что о нем можно сказать? Разве лишь то, что, во-первых, произведение детективного жанра должно иметь какой-то смысл, а во-вторых, непременно быть нравственным, то есть преступника обязательно должны поймать и наказать. На этом кончаются мои познания о детективе как о литературном жанре. И какой доклад я могла сделать?

Помню, неофициальные встречи были очень милые, помню, этих встреч было две, однако уверена, они таковыми оказались бы и без моего участия. Поэтому мне совершенно не ясно, с какой целью меня сначала волокли по длиннющей улице пешком (для транспорта она закрыта) навстречу страшнейшему ледяному ветру, способному прикончить любого сердечника, а потом загнали в средневековые подземелья, причем спускаться приходилось по выщербленным каменным ступеням почти в полной темноте. Да понимаю я, это романтично, создает настроение, но учтите, на Кинаст я уже взбиралась пятьдесят лет назад, и с меня этого вполне достаточно. Решительно заявляю и настаиваю на том, что старых, заморенных кляч категорически не следует таскать по подземельям!!!

К теме этой я наверняка еще вернусь, уж слишком она тяготит меня.

Хотя, впрочем, не более, чем жара.

По сути дела, страдания мои были связаны с приездом Роберта и его семейства. До сих пор они приезжали в начале лета, июнь на французских курортах жарой не балует, напоминая

скорее северные страны. Мне же хотелось порадовать своих детей солнечной погодой. Вот почему через год после перипетий с мошкой, в кошмарном 2003 году, мы запланировали отдых на конец июля и на август. Ясное дело, в Трувиле, в отеле «Флобер».

Ну и опять судьба показала, на что она способна. Отчебучила такое, что и не снилось Канаде. О Канаде я уже неоднократно высказывала свое мнение. Страна, казавшаяся некогда раем, теперь настолько мне опротивела, что с большой охотой и мстительным удовлетворением еще раз напомним о канадских прелестях.

- Летом температура тридцать восемь по Цельсию и жуткая влажность.

- Миллион абсолютно идиотских запретов, которые приходилось записывать, поскольку мозг отказывался их запоминать.

- Кошмарные ограничения в отношении отпусков у всех работников как умственного, так и физического труда.

- Тысячи бессмысленных препятствий, чинимых студентам во время каникул.

Думаете, преувеличиваю? Хотите конкретные факты? Пожалуйста. По окончании второго курса моя внучка, как только начались каникулы, висела двое суток на телефоне, чтобы получить программу на следующий год. Ее обязали выбрать предметы, которые она желает изучать на третьем курсе, явившись к началу учебного года ровно первого сентября (как ученики средних школ) уже с заявленным расписанием. А расписания этого студентам не дали ни сразу после окончания второго курса, ни через неделю, но без него на третий курс их бы не приняли.

Конечно, Моника пожелала продолжить учение в очень сложной области, по-польски это звучит примерно так: компьютерное программирование. Что это за зверь такой, я не знаю и знать не хочу, а то еще приснится ночью. Но ведь это не повод портить каникулы одной из лучших студенток. На всякий случай замечу, что обучение этому странному предмету в Канаде уголовно не преследуется. А теперь продолжу перечень канадских прелестей.

- Тьма всевозможных мерзких насекомых — во главе со знаменитой мошкой.

- Почти равное им количество ненормально жирных граждан обоего пола. А все потому, что бедняжек заставляют питаться отвратительной, якобы экологически чистой и здоровой пищей. Она такая же здоровая, как я епископ Кентерберийский.

- Один негр, который загнал меня в иммигрантскую службу.

- Чай с сахаром и луком.
- Абсолютно кретинские правила дорожного движения.
- Бешеное поголовье тараканов в местах проживания людей, вдобавок к тараканам — не выветриваемый чесночный дух и еще какая-то гниlostная вонь неизвестного мне происхождения.

И учтите, никакой политики здесь нет, одни лишь голые канадские реалии. Я всего лишь хочу постичь непостижимое — с какого перепугу сократили отпуск моему сыну? Он так ждал августа, чудесного солнечного месяца на берегу моря, и в результате вынужден был бросить в этом раю меня с Моникой и вернуться в проклятую Канаду.

Минутку, пока мы еще не доехали до рая...

Мы тщательно продумали программу нашей летней поездки во Францию, причем немало времени отвели для осмотра замков на Луаре. Дети вдруг заинтересовались историей, я же ее любила всегда, так что всецело одобрила их планы. Правда, многие исторические сведения из головы моей выветрились, но основные персонажи там подзадержались — и Франциск I, и Диана де Пуатье, и Катерина Медичи, и Ричард Львиное Сердце. Опять же, в одном из замков с незапамятных времен хорошо сохранился королевский санузел, в другом — впечатляют акустические эффекты. В общем, было на что поглядеть и чем полюбоваться.

Поглядеть-то мы поглядели, а вот насчет того, чтобы полюбоваться... С этим возникли проблемы.

Вот интересно, в Блуа всегда идет дождь? Этим летом дождей вообще не было, вся Европа изнывала от жары и засухи, так что, возможно, дождь в Блуа был вообще единственным в сезоне. Но раз я там оказалась, как же без дождя? Не имею понятия, как нас занесло к замку герцога де Шевреза, но все решили — его непременно нужно сфотографировать. А как же! Взаимоотношения между герцогом, герцогиней, Анной Австрийской и кардиналом Ришелье были до того увлекательны, что не запечатлеть замка, чьи стены помнили его знаменитых обитателей, просто непозволительно. Сфотографировать его можно было лишь издалека, подъехать ближе не удалось, а топтать пешком под ливнем никому не хотелось. Я остановила машину на какой-то улочке, прошу читателей меня извинить, что не называю ее, просто не помню, а рыться в дорожных картах не хочется. Позже выяснилось, что встали мы у ворот местной пожарной команды. Роберт с Моникой выскочили из машины. Роберт щелкал своим новым замечательным фотоаппаратом, Моника держала над отцом раскрытый зонт. А потом я вдруг увидела, что мой сын мечется с аппаратом в руках по одной стороне улицы, а внучка с раскрытым зонтом — по другой... От увиденного я

потеряла дар речи и, боюсь, выглядела так, что Зося в панике решила — свекровь спятила.

Наконец оба оставили герцога с его замком в покое и сели в машину, а я еще долго не могла успокоиться.

В случаях, подобных описанному, я ничего не могу с собой поделать. Ситуация не просто смешная, чистой воды гротеск, да еще с какой-то сумасшедшинкой, и это вижу только я, остальные же не осознают комизма. И вот так со мной всю жизнь. Вижу комическое, где оно другим незаметно, и предаюсь ему всей душой, без оглядки на приличия.

А может, только благодаря этому я еще держусь? Может, тут проявился один из тех антистрессов, которые, в противоположность стрессам, сводящим нас в могилу, напротив, продлевают жизнь?

Ладно, черт с ними, со стрессами. Дождь закончился, от него осталось лишь воспоминание. И навалилась жара! Теперь все замки мы осматривали по-американски, издали, с того места, куда можно было подъехать. Роберт с Моникой изредка покидали машину, чтобы хоть немного приблизиться к снимаемому объекту, я же вышла лишь раз, взять из багажника бутылку минеральной, поняла, что снаружи температура за сорок, и поскорей нырнула в прохладу машины.

Единственный объект, который мы сумели как следует осмотреть, был музей Леонардо да Винчи в Амбуа, в замке du Clos Lucé. Туда легко было подъехать, и туристов оказалось немного. Да и то большую часть времени мы провели в этом замке, не осматривая достопримечательности, а бессильно сидя в огромном, неряшливом, мрачном, но вполне цивилизованном туалете. И не потому, что там было прохладно, просто не так уж свирепо жарко. Роберт сфотографировал все, чего касалась рука Мастера, и снял мокрую рубашку. Да и не он один. Никто не выражал протеста против неглиже в таком месте, жалели только, что больше уже решительно ничего нельзя было с себя снять.

Очухались мы в машине, слегка оживились и, петляя по прекрасной французской земле, добрались до отеля.

Конец июля в Трувиле уморил нас страшной жарой, август же прикончил совсем уж невыносимой.

Остались мы вдвоем с Моникой, и неожиданно выяснилось — угодили в самое жаркое место Европы. Даже в Испании и на Лазурном Берегу было прохладнее. Газеты с садистской дотошностью не упускали случая ежедневно подсчитывать и доводить до нашего сведения число умерших от жары. Ее жертвами во Франции стали около шести тысяч человек, в основном люди пожилые. Я по благу получила точную

информацию — не шесть, а десять тысяч. Как я не угодила в их число — до сих пор не понимаю.

У меня под носом плескался океан, зонт на пляже я арендовала на все время нашего пребывания в отеле, но и в тени на пляже можно было выдержать лишь до одиннадцати утра. К тому же море совсем не считалось с ситуацией, сложившейся на суше, и иногда было близко от берега, а иногда очень далеко. Если счастливцу повезло и он угодил в прилив, мог посидеть в воде. Но тут начинался отлив — счастью конец, три четверти километра под тропическим солнцем обратно до берега редко кто способен преодолеть.

Мне, в отличие от Роберта, с погодой всегда везло. Вот и я один раз рискнула пойти к морю в час отлива. Сначала успела посидеть в прохладной воде довольно далеко от берега. Но ведь надо было возвращаться! Обратный путь мне показался сущей Сахарой. И я предупредила внучку, хоть она и моложе меня на два поколения. Пусть знает, чем ей грозит купание в час отлива.

У молодежи своя голова на плечах. Предупрежденная Моника помчалась-таки искупаться в море в неположенное время. Великолепно охладилась, насладились прохладой и вернулась. Правда, последние метры по мокрому песку дались ей с трудом. И она призналась:

— Ты была права, бабуля. Возвращаться трудно...

Около двух ночи жара немного спадала, а в четыре утра становилось и вовсе хорошо. Два прохладных места были в зоне досягаемости: машина и казино. Все остальные помещения не имели кондиционеров.

До казино от моего отеля оказалось ровно сто пятьдесят метров, это я лично проверила. Чтобы добраться туда под безжалостным солнцем — почему-то на улицах нигде ни клочка тени, — я предварительно минут двадцать сидела в своей машине на стоянке, набиралась впрок холода. Очень хотелось замерзнуть, но такого со мной не случилось. И все же набранного холода хватало на то, чтобы живой добраться до входа в казино.

Вряд ли стоит удивляться, что остаток отпуска мы провели в казино, и даже не очень-то дорого это нам обошлось. Где-то ближе к концу каникул мне повезло в игре. Выигрыш практически покрыл наши счета...

А, вот еще что! Я собиралась об этом написать и, кажется, даже где-то пообещала, да опять позабыла. Теперь у меня получится лирическое отступление вспять.

Роберт собирался купить машину. Зоя в приливе легкомысленной щедрости предложила купить новую тачку. Когда же спохватилась, то напрасно кусала локти, было поздно, и

бедняга ломала голову, что бы придумать. Денег на новое авто решительно не хватало. Отпуск они свой начали с приезда в Польшу, и мы всем семейством отправились в казино. Зося терпеть не могла все эти злачные места, никогда не играла, но на этот раз решила притвориться, будто ею завладел азарт. Неудобно как-то стоять столбом и пялиться на других. Вот она и села за первый подвернувшийся игровой автомат и принялась неторопливо совать в него монетки по пятьдесят грошей. Рассуждала так: даже если и проиграет, то не больше пятнадцати злотых. Ну ладно, пусть двадцать, тоже не разорится и не умрет от разрыва сердца.

Через какое-то время невестка подошла ко мне и тронула за плечо.

— Иоанна, я сломала автомат, — сконфуженно призналась она. — Не знаю, что делать.

Я обернулась, поскольку невестка играла у меня за спиной. Испортила, как же! Сорвала джекпот, те самые знаменитые три яйца. Агрегат тут же застопорился, и на нем мерцала сумма: семьдесят четыре тысячи злотых.

Таким образом, на новую машину для мужа ей не хватило лишь две тысячи с грошами, которые я свободно могла добавить в Трувиле. Но даже и с учетом этого, свои отпускные расходы я покрыла...

Жары одной было вполне достаточно, чтобы прикончить человека, так что дополнительные неприятности — это уже совсем через край. Догадались, наверное? Да-да, речь пойдет о всевозможных шумах. Никогда прежде, за всю мою жизнь, мне не приходилось жить при таком уровне децибел. Громыхание было самого разного пошиба, но, увы, не смолкало ни на минуту. Трудно было даже определить, когда кончается один шум и начинается другой. Я просто жила... нет, существовала в этом постоянном шуме.

Начнем с утра. С восходом солнца поднимали хай чайки. Человек еще вроде бы спит, но сон его уже нарушен. В половине седьмого на пляж с грохотом и бряканьем, фырча и стуча, выезжал колоссальных размеров мусоровоз. Он подбирал весь вчерашний мусор и разравнивал песок. А еще урчал, шипел, гремел, грохотал так, что человеку казалось — у него под окном то ли строем трактора проезжают, то ли перемещается танковая дивизия. С прицепами. Не придирайтесь, знаю, что прицепы — это у тракторов. И тут же к механическим и металлическим звукам подключались людские крики. Это по пляжу расставляли зонты, лежаки, столики, шезлонги. Учтите, все это время чайки не

унимались, казалось, цель каждой из них — перекричать товарок. Чайки и оставались на пляже дольше всех — дожидались детей, которые после завтрака с энергичными воплями начинали свой день.

На пляже... ну, на пляже все как обычно — люди, музыка, дети, чайки, поезд. Да, я не оговорила, маленький туристический поезд, каждый час проезжающий по пляжу, при этом он старательно изображает из себя большой состав — так же грохочет. Впрочем, на пляже это обычные звуки, всегда так было, с незапамятных времен, с тех пор как я стала бывать на пляжах. И везде одно и то же, независимо от страны. Правда, в последние годы на некоторых пляжах свою лепту в шум вносят аттракционы, но я от таких держусь подальше.

Вечерами — казино. Мощный, постоянный шум — характерная черта всех казино. Его усиливает музыка, которую включают специально для того, чтобы вконец оглупить клиента-игрока. Надо отдать должное владельцам казино — это им удастся. Впрочем, шум в казино довольно монотонный, если очень постараться, к нему можно привыкнуть, ну вот как в заводском цехе к шуму станков. Но дудки! Не успеет клиент немного освоиться с шумовым фоном, как в десять часов вечера его вышибают из седла какие-то уже совсем дикие выкрики и грохот. Это под музыку на эстраду с пронзительными воплями выскакивают молодые девушки и начинают отчебучивать канкан.

Мы с Моникой, намереваясь поужинать, заранее подыскивали место подальше от динамиков. Сидеть рядом с ними крайне опасно для здоровья: или оглохнешь, или спятишь, или и то и другое вместе. Девуцы вопили, надсаживая глотки, а музыкальное сопровождение честно отрабатывало свой гонорар. Но уж коли вам удавалось такое вынести, наступавший после культурной программы обычный шум казино казался уже ласковым шепотом.

Около часа ночи закрывались забегаловки вокруг отеля. Сопровождалось это такими звуками, что однажды я даже в ужасе выскочила на балкон — в полной уверенности, что кто-то надо мной проламывает крышу. Я отчетливо слышала, как тяжелыми кувалдами крушат и корежат металлическую кровлю, а потом листы железа с ужасающим лязгом и грохотом валятся на землю. И все это сопровождалось подбадривающими выкриками бесчинствующих молодчиков, сопеньем, криканьем и диким хохотом.

Да, я еще позабыла сказать: ужиная в казино, гость имел возможность насладиться и нормальной музыкой, хозяева приглашали иногда даже хороших музыкантов, да что толку, все равно не услышишь.

И вот вроде бы наступала ночь, но шум не умолкал, только принимал другой характер. По бульвару прогуливались орды туристов, главным образом молодежи. Разумеется, их распирала радость жизни, они свистели, хохотали, горланили песни. А иногда ссорились, но и это делали так, чтобы окружающим жизнь медом не казалась. Раньше трех эта публика не расходилась.

А в полседьмого на пляж с лязгом и грохотом вкатывалось мусороуборочное чудище...

Как-то в одну из ночей мы услышали африканские тамтамы. Пан Тадеуш описал их в своей книге, но вышло у него слабо и неубедительно. В конце концов, сам он их не слышал, узнал от меня и не смог передать того кошмара, что пришлось мне вынести. Вот если бы он сам все пережил, тогда другое дело!

Нет-нет, я не желаю своему агенту ничего плохого, но вообще-то не мешало бы ему хоть раз испытать на своей шкуре нечто подобное, а так в его небрежном, сокращенном пересказе получилось нечто невыразительное.

Люди наконец-то разошлись, наступила редкая минута тишины, и вот в этой тиши я отчетливо расслышала то, что до сих пор скрывалось за другими шумами: бум-бум, бум-бум, бум-бум. И эти бум-бум крепили, набирали силу, вдирались не только в уши, но, казалось, и под ребра. Звуки доносились со стороны пляжа. Выглянула. Темно, как у пресловутого негра в... в общем, мрак, пляжа не видно, моря не видно, ничего не видно. И где-то во тьме притаились уроды, сволочи, свиньи холерные! Как бы поэлегантнее выразиться?

Так вот, притаились в темноте эти свиные рыла и колотят по своим барабанам. Вообразили, будто у себя в Камеруне!

Разные мысли посетили меня в тот момент, среди них особо привлекательной показалась одна. Есть у меня перочинный нож, большой такой, вот достану его сейчас, выйду из отеля, разыщу паршивцев на пляже и покрошу на мелкие куски проклятые барабаны! А если кто-нибудь из негодяев воспротивится, то могу и малость промахнуться... Мимо барабана.

И все же не достала я ножичек свой. А утром на пляже, в обычной пляжной какофонии, я вдруг разобрала до боли знакомый «бум-бум». В глазах у меня потемнело, я вскочила и двинулась на звук, пожалев лишь, что не прихватила на пляж холодное оружие. Вот, где-то здесь, совсем уже близко грохочет. Поозиралась я и обнаружила источник звука. Нет, это были не уроды с барабанами, это были уроды без барабанов. Три молодых, но вполне взрослых парня сидели на лежаках и чем-то там занимались (не видела чем, говорю же, от ярости в глазах потемнело), а рядом с ними на весь пляж упоенно грохотал

магнитофон.

Я вернулась к нашим шезлонгам, тронула внучку за плечо. Молодое поколение, должна разбираться в электронике.

— Моника, послушай, если в их шарманку воды плеснуть, это ей повредит?

— Повредит! — заинтересовалась Моника и села в шезлонге.

Я осмотрелась. Может, у какого-нибудь малыша попросить ведерко? Наберу морской воды и, проходя рядом с этими «камерунцами», неловко споткнусь и залью их чертову бухтелку.

Увы, как назло, ни одного ребенка с ведром поблизости не оказалось.

— Моника, а если насыпать песка?

— Тоже повредит.

Лопатка! Дети вечно возятся с песком, у них должны быть лопатки! Как бы не так! У этих современных засранцев имелись только дурацкие уточки, лебеди, крокодилы, мячики... И ни одной лопатки!

Пришлось идти по воду без посуды. Проходя мимо «камерунцев» — а все они были белые, пусть и очень загорелые, — я остановилась и посмотрела на их агрегат. Всего лишь долю секунды!

Уж не знаю, что там излучали мои глаза, но все трое вдруг замолчали, подняли головы, взглянули на меня и моментально приглушили шарманку.

Я же направилась в море, окунулась и вернулась на свое место. Моника, наблюдавшая за мной, не смогла скрыть восторга.

— Бабуль, как ты это сделала?

— Не знаю. Я просто посмотрела на них.

— Умоляю, покажи, каким взглядом ты на них посмотрела!

— По заказу не получится. Я малость охладилась в воде.

До конца нашего пребывания мы больше ни разу не слышали африканские тамтамы.

Неожиданно выпало нам счастье — прохладный день, всего тридцать четыре градуса. Я поспешила использовать его для давно запланированного похода по магазинам. И в первую очередь — за кальвадосом, ведь мы находились в самом центре производства этого прославленного напитка. Отправились в винный магазин. Как и положено, продавец устроил нам дегустацию. По малюсеньким рюмочкам он разлил яблочную водку двадцатилетней, двадцатипятилетней и сорокалетней выдержки. Пробуйте, выбирайте.

Выбирать предстояло нам с Моникой. Внучка, не привыкшая к крепким напиткам, пришла в ужас, но я не знала жалости.

— Пей, дитя, пей! — наставляла я. — Сегодня холодно, может, выдержим.

Как видите, выдержали, а кальвадос я выбрала удачный.

Итак, мы страдали от жары, и при мысли о том, что у меня в Польше пустует прохладный и удобный дом, здешний зной становился совсем уж невыносимым. Я бы уже давно сбежала из благословенной Франции, но из-за Моники не могла. У нее еще не закончились каникулы, а билет на самолет был заказан на конец месяца. И с собой забрать внучку я не могла, лететь она может только из Франции. Ладно, хорошо, что здесь хоть море плескалось под боком.

Не знаю почему, но такая уж выпала мне доля — вечно приходится иметь дело с экстремально высокими температурами, хотя, клянусь, никогда я не мечтала о лаврах победителя на соревнованиях по выживанию.

На следующий год черти занесли нас в Вену.

На этот раз у Моники вообще не было каникул. Я уже высказала свое мнение относительно странных порядков в ее учебном заведении. Впрочем, не буду упорствовать, возможно, она сама решила отказаться от развлечений и каникул, столь милых сердцу студента.

Зато приехала весной, кажется в мае, вместе со своим бойфрендом (у нас таких принято называть женихами), неким Т. J., то есть Тиджеем. К этому имени мы удивительно быстро привыкли. Парень учится с Моникой на одном курсе и изучает то, о чем я решительно ничего не знаю и знать не желаю. Нечто компьютерное.

Вот из-за этой молодежи я снова поехала в Познань, поклявшись себе не выходить из машины на свежий воздух. А вдруг меня уже поджидает там проклятая мошка? Ко вступлению в Европу я отнеслась сдержанно и непосредственного участия в этом не принимала. Зато заблудилась на автострате. Я ведь почему поехала в Познань? Хотела показать детям Гнезно, Гоплю, Стшельно, Тшемешно и вообще наши так называемые польские корни. И ничего не показала, кроме собора в древнем Гнезне, да и то без знаменитых Врат Гнезненских. Их как раз сняли для реставрации. А потом пришлось срочно возвращаться в Варшаву. Выяснилось, что там мне собираются вручить высокую награду. Вот такой сюрприз! Приятно, ничего не скажешь. Приятности стали такими редкими...

Знай я об этом раньше, наплевала бы и на молодежь, и на корни и не потащила бы в проклятую Познань. Раньше мне не раз приходилось насквозь проскакивать всю Польшу туда и

обратно, но так это раньше, когда я была моложе на тридцать пять лет. А кроме того, в те времена шоссе не были так забиты, к тому же о рытвинах и ухабах не приходилось слышать. А теперь! А теперь Познань, «Маевка с книгой», автографы, интервью, Объединенная Европа, телевидение и прочие пакости. Да к тому же из Гнезно я выехала на автостраду в противоположную сторону. Я и не то еще умею!

Итак, в спешке возвратилась в Варшаву, и там сразу торжество...

Не могу же я, черт побери, получая высокую награду из рук самого президента — мне вручили орден Офицерский крест, — выглядеть патлатой ведьмой, к тому же едва передвигающей ноги. Это ведь могут и неправильно понять. Будто меня этот самый Крест придавил...

Почему-то с годами все, ну абсолютно все требует от человека больше усилий, чем прежде.

А вторую радость, тоже неожиданно-негаданно, устроило мне канадское семейство Тиджея. Парню не поверили, когда он рассказывал, что стоило ему впервые в жизни приехать в Польшу, как — бац! — тут же его повели на торжественный прием в президентском дворце, причем в качестве гостя. Пришлось в качестве доказательств предъявлять фотоснимки. Канадцы были потрясены. Словом, сделала я парню приятное — и ему радость, и мне.

Моника же, отхватив в мае свободную неделю, от прочих каникул была избавлена, и в летнее путешествие мы отправились втроем — Роберт, Зося и я. Через Вену, ибо Вроцлавское шоссе у меня уже в печенках сидела.

Политикой я никогда не занималась, бежала от этого болота как черт от ладана, даже говорила о ней неохотно. Но посудите, как утерпеть и не сказать двух слов о Вроцлавском шоссе? Вот интересно, каким чудом почти полвека, начиная с сорок пятого года, она держится до сих пор, не оскверненная ни одним ремонтом? Не секрет, ее построили немцы, она связывала два крупных центра — Вроцлав (бывший Бреслау) с Берлином и, наверное, в те времена была отличной трассой. Но прошло столько лет, и теперь дорога напоминает стиральную доску на последнем издыхании. И все молчат, ну ни одного слова никто не скажет, причем как молчали деятели нашей любимой ПНР, так и нынешние правители. Что тогда, что теперь властям наплевать на главную транспортную артерию силезского региона. Ведь по ней страшно ехать, у человека мясо отстает от ребер и поневоле вспоминается фильм «Плата за страх».

К каким только фортелям я не прибегала, пытаюсь отделаться малой кровью! Экспериментировала, старалась подобрать оптимальную скорость, начиная с десяти километров в час и кончая двумя сотнями, последовательно проходя все цифры между ними. Все без толку — трясешься как эпилептик.

Интригует меня Вроцлавское шоссе. Ведь все эти годы должен же кто-то за него отвечать! И в социалистической Польше, и в нашей интегрированно-европейской всегда хватало всевозможных премьеров, директоров, министров, да и учреждений было навалом — начиная с Дорожного управления. И что, никто из этих чиновников никогда по Вроцлавскому шоссе не ездил?

И что самое смешное, Вроцлавское шоссе каким-то загадочным образом повторяется потом в главнейших городских артериях Вроцлава. Дорожное покрытие автострады и улиц славного города Вроцлава до смешного похожи. Аж плакать хочется. Городские власти тоже не выделили на ремонт улиц ни гроша?

А если выделили, то что же стало с этими деньгами?

Ладно, что бы с ними ни стало, именно из-за Вроцлавского шоссе мы двинулись через Чешин и Вену.

И разумеется, опять стояла жуткая жара.

Видите, как я придерживаюсь темы? Обещала о жаре — и продолжаю. Никак не могу покончить с полуденным зноем (хотя это некорректное определение, в те летние дни зной стоял весь день, спадал лишь глубокой ночью). Но что ж поделать, пунктик у меня по поводу жары. Одни не выносят пауков, другие боятся мышей, мне же к старости стала невыносима жара. Боюсь, именно она меня и прикончит.

Из-за жары мы и поехали к морю, там все же немного легче, на сухих плоскогорьях мне совсем неважно.

Увы, Австрия — это не голландские приморские низменности.

Итак, для начала мы оказались в Вене.

В Вене мне довелось бывать всего два раза, и все дни были заняты интенсивным трудом. Особенно много сил отнимала дорога. И все же многое запомнилось, разумеется, все достопримечательности, и сверх того целая череда мелких казусов. Главное же, я научилась ездить по городу, уже узнавала Дунай, Пратер и даже могла добраться до Кернтнерштрассе.

А тут вдруг неприятность. Гостиницу я заказала случайную, главное — нужное число звездочек и чтобы недалеко от казино. Вроде бы знала, как до нее добраться, а когда мы попытались к ней подъехать, она оказалась недоступной. Как думаете —

почему? Правильно, из-за дорожных работ. И вдобавок ее окружала пешеходная зона. Вот и оставалось биться головой о стену. А головой, как известно, стену не прошибешь.

Я вот чего не понимаю — почему в тот момент, когда выяснились все эти сложности, я пожирала шницелек, обернутый в бумажную салфетку?

Этот шницелек запомнился моим детям на всю жизнь. Я же не могу вспомнить, откуда он взялся. Скорее всего, дело было так. Уже в конце пути нам захотелось есть, и мы остановились по дороге перекусить. Смутно припоминаю на тарелке два огромных шницеля. Один я съела, оставлять другой было жалко, я и обернула его в бумажную салфетку и незаметно сунула в сумочку.

Когда обнаружилось, что до гостиницы добраться невозможно, я объявила:

— Поймаем такси, пусть оно как штурман доставит нас до самого входа в гостиницу. Быть не может, чтобы к четырехзвездному отелю нельзя было подъехать. По улицам Вены никто не таскается со своими чемоданами и сумками.

Все согласились. Ни один из нас немецкого толком не знает, зато все нахваталось всяких международных словечек из разных языков, с помощью которых можно объяснить с аборигенами на любую тему. Такси же легко опознать. Ага, вон стоянка. В странном, правда, месте, узкий тупичок, одна сторона заставлена машинами, развернуться негде. Но мы исхитрились и, даже не нарушая правил уличного движения, протиснулись к первому такси на стоянке.

Водителем оказалась толстая блондинка. Она как-то совсем не заинтересовалась нами. Зато остальные водители, толпившиеся возле первой машины, приняли самое оживленное участие в нашей судьбе. Все они что-то нам толковали, перебивая один другого. Тем временем толстая блондинка села в свою машину и стала разворачиваться. Значит, поняла, что нам требуется? Значит, приняла наш заказ? Мы поспешили развернуться и пристроились за ней, чтобы не потерять такси из виду. На поднявшийся вокруг нас хай — все остальные шоферы кричали и размахивали руками — мы уже не обращали внимания.

Правильно я боялась, толстуха сразу же оторвалась от нас, пришлось ее догонять, Роберт даже рискнул проскочить на красный свет. Она мчалась во всю прыть, вовсе не обращая внимания на нас, а ведь могла сообразить, что таким макаром нас легко потерять. Уже через пару минут мы преисполнились сомнений. Похоже, что она не дорогу нам показывает, а пытается от нас сбежать.

Минутку, а кто это рядом с ней? Уж не пассажир ли? Ведь когда мы с ней торговались, никакого пассажира в ее машине не было. В голову закрались сомнения.

— Может, это не она?

— А кто? — проворчал Роберт. — Ее сестра-близнец? Тоже водитель и тоже за рулем. Машина ее.

— Тогда откуда же взялся пассажир?

— Уверена? Нам не почудилось? Нет никакого пассажира.

Когда же по бокам замелькали явно пригородные строения, мы поняли, что стремительно приближаемся к выезду из Вены. Еще через две минуты сомнения превратились в уверенность. Не бывает такого, чтобы в одну из центральных гостиниц можно было попасть лишь кружным путем.

— Да она вовсе не ведет нас, а убегает. Решила, должно быть, что мы ненормальные. А пассажира могла посадить еще на стоянке, там один крутился, я видел. А если и сказала нам об этом, так мы не поняли.

Роберт был абсолютно прав. Я согласилась с ним и дала команду возвращаться и отлавливать другое такси. Оно подвернулось молниеносно, и, представьте, за рулем тоже сидела толстая блондинка. Но другая. Не было времени задуматься над вопросом, все ли венские таксисты — толстые блондинки, надо было хватать подвернувшуюся машину. На светофоре я стремительно выскочила из машины и бросилась к блондинке, полная решимости сесть к ней и лично довести нашу машину до цели. Дети уверяют, что я свирепо размахивала шницелем, и со стороны это выглядело так, будто я преисполнена решимости запихнуть его блондинке в рот. Ну и ладно, может, я и выглядела полной кретинкой, зато такси поймала. А шницель потом доела сама.

Уж не знаю, на каком языке я растолковала таксистке нашу ситуацию, но она меня поняла! Очень развеселилась, смеялась всю дорогу и доставила нас куда требовалось. К нашей гостинице не только можно было нормально подъехать, но там еще оказалась и отличная стоянка, только что с другой стороны отеля.

Обосновавшись в гостинице, мы стали знакомиться с городом. А жара становилась все сильнее. От осмотра Шенбрунна отказались еще раньше, понимая, что два дня — слишком мало на такой город. Пратер обязательно, как же без Пратера, а к нему еще парочка достопримечательностей Вены, в том числе и Музей бабочек, чтоб ему провалиться!

Бабочки меня доконали.

Сдуру мы с самого начала решили ездить не на своей машине, а только на такси. Каждый таксист знает свой город,

знает все достопримечательности, знает, как к ним подъехать, и может остановиться там, где обычной машине парковаться запрещено. Словом, сплошные выгоды. К тому же я помнила, где у Пратера стоянка такси.

Правда, я малость перепутала и мы оказались с противоположной стороны от стоянки, так что пришлось переть пехом тысячу километров до нее. А по дороге черт еще дернул меня за язык, и я выдала идиотское предсказание:

— А бабочки окажутся живыми и будут летать над нами!

Я воображала, что классно пошутила. Только в недобрый час. А он только и ждет, чтоб свалиться мне на голову.

Бабочки и в самом деле оказались живыми. К их павильону мы топали по знойной аллее, задыхаясь от жары и обливаясь потом. После чего очутились в самых настоящих тропиках. Бабочки были тропическими, и в большом стеклянном павильоне для них создали соответствующий климат. Короче, мы оказались в тропических джунглях. Неимоверных расцветок роскошные бабочки порхали над нашими головами, садились на нас, складывали и распускали невероятной красоты крылышки. Зрелище было великолепное! Да и само пребывание в адской жаре, как выяснилось, имело свою положительную сторону. Выйдя из павильона, мы даже порадовались прохладе. Правда, недолго.

Вот не знаю, то ли действительно климат меняется, то ли тридцать лет назад я легче переносила капризы погоды.

Не иначе как себе назло придумала я эту турпоездку. В моих планах значились Сен-Мало, Карнак и даже менгиры с дольменами^[1] — памятники, овеянные тайнами друидов. Надо же, в конце концов, увидеть их собственными глазами, вдруг какая тайна перед нами и раскроется?

И так получилось, что за весь отпуск моря я так и не увидела. Нет, оно не находилось за тридевять земель, плескалось рядом, но высокий берег защищал массивный частокол из высоких бревен, что-то вроде волнореза. Приливные волны и вправду разбивались об эти бревна, зато в часы отлива я лишь с тоской глядела на мокрый мягкий песок и далекую воду. Конечно же, можно было спуститься и к морю, для этого даже сделали специальные ступени, но потом же ведь по ним придется карабкаться вверх! А я при одной мысли о таком восхождении сразу начинала чувствовать себя неизлечимой инвалидкой.

Поскольку мы часто посещали различные тамошние забегаловки, очень скоро нашли место, откуда на пляж имелся легкий выход — несколько шагов по ровной поверхности. Но мы им не воспользовались. Рассудите сами. Море в часы прилива

подходит прямо к улице, мы собирались ходить на пляж в часы отлива, но не учли одной мелочи: на берегу не было никаких удобств. Ни зонтов, ни лежаков, ни даже скамеек. Ничего, один голый песок — дно отступившего моря. Черт побери, это не для меня. С завистью взидала я на молодежь, вот кто радовался! Еще бы, такая красота — и безбрежный песчаный пляж, и море вдаль, и живописная таверна, в самый раз для пиратской базы. И какое дело этим смеющимся молодым людям со всего света до странной, порядком увядшей особы, жаждущей отдыха, тишины и спокойствия. Таким перечницам надо ездить в другие места, Сен-Мало не для них.

Хотя, как честный человек, должна оговориться — мы не смогли осмотреть весь берег, я, к примеру, понятия не имею, как выглядит пляж перед Гранд-Отелем или водолечебницей. Только вряд ли бы я не заметила промежутка между огромными бревнами частокола, если бы там промелькнул кусок нормального пляжа.

Чтобы уж совсем покончить с жарой, забегу вперед и отделаюсь от Праги, которая у меня неразрывно связана с адским зноем. Всего лишь раз, один-единственный раз я не окунулась в Праге в тропическую атмосферу, но это было поздней осенью, да и пробыла я в Праге только один день, жара могла просто не поспеть за мной. Во всех же остальных случаях город этот был буквально раскален.

Случай, который я описываю, произошел в то лето, когда дети решили провести отпуск в Польше, дабы сделать все, на что обычно у них не хватало времени. Сразу доношу — всего сделать не удалось, и, возможно, именно потому, что я решила показать им Прагу, которая вечно была нам не по пути. А как иначе? В Вену едут через Братиславу, в Штутгарт и Копенгаген — через Познань или Щецин, я уже не говорю о Вроцлаве. Прагу придется посещать специально, а не по пути куда-нибудь.

Лично я хотела там прогуляться по Золотой Улочке и заранее объявила о своем желании. В Градчаны и Старо Място пусть идут сами, я уже все это не раз видела, так что могу на сей раз и пропустить, а вот Золотую Улочку увидеть желаю!

И опять мы попались в уже знакомую ловушку. Такси. Хотелось подъехать к желанному объекту как можно ближе, чтобы ножками я преодолела строго ограниченную трассу, и ни сантиметра больше. Таксист попался очень ответственный, он сам огорчился, но не мог не предупредить: если близко, то придется взбираться на гору, можно шагать по ровному и вниз, но там дальше. Я выбрала второе, промчалась по всем этим дворикам

бесчисленных замков, которых так хотелось избежать, и, чтобы отвлечься, по дороге силилась понять, каким чудом врагам удавалось преодолеть столько препятствий. И вот наконец долгожданная цель.

Золотая Улочка меня разочаровала. Снаружи все в порядке, снаружи она наверняка выглядела, как в стародавние времена, но вот интерьеры всех домов устроены, уж вы меня извините, самым идиотским образом. Ведь это должны были быть лаборатории и мастерские средневековых алхимиков, золотых дел мастеров, варщиков зелья, чернокнижников, ювелиров высочайшего класса, а что из них сделали? Похожие друг на друга как две капли воды киоски с открытками! Я-то надеялась, что удалось разыскать аутентичные или правдиво воссоздать все эти печи, топки, тигли, реквизиты той поры, здесь засушенный нетопырь, там заспиртованный трупик младенца... Успокойтесь, такой старый трупик, да еще в банке, это уже не труп, а памятник старины. Ну ладно, я не настаиваю, можно и искусственный трупик. Да мало ли что человек надеется здесь увидеть, особенно если он интересуется Средневековьем? Не только чучела сов и черных воронов, не только старинные драгоценные камни, предтечу «Яблонэкса», лидера современной чешской бижутерии, но и рукописные или первопечатные книги, а то и листы с загадочными письменами. Воссоздать аромат эпохи! Держите карман шире. Ничегошеньки!

Золотая Улочка очаровательна, нельзя не поддаться ее прелести, но все очарование лопается, как только войдешь в любой из домиков. Впрочем, оно и к лучшему, иначе я бы могла застрять там надолго, а ведь зной-то не слабел. Погода стояла солнечная до отвращения! И все наши пражские знакомые, радостно улыбаясь, спешили поблагодарить нас. Ведь это мы привезли такую погоду, не далее как позавчера стояли холода и моросил противный дождик. Они очень, очень нам благодарны.

Улицу я прошла до конца, выдержала и осталась вполне довольна, ведь так давно мечтала побывать здесь. А дальше меня ждала лестница, правда ведущая вниз. Я начала спуск. Спускалась и спускалась, все вниз и вниз, и казалось, что этому не будет конца. Останавливалась, переводила дух, прислонившись к невысокой стене и любуясь прекрасным городом с высоты птичьего полета. На каждом перекуре ждала, что панорама будет уже не такой безграничной, съежится, но она все не съезживалась и по-прежнему оставалась прекрасной и неохватной. И я снова спускалась, спускалась...

Роберт с Моникой шли впереди меня, и время от времени я их окликала:

— Дети, ну как там? Видно землю? Скоро ли конец?

Меня утешали:

— Конец близок. Осталось только девять площадок... Нет, извини, вот еще две. Всего, значит, одиннадцать.

И негде присесть! А такого понятия, как тень, здесь, видимо, и вовсе не существует. Ни клочка тени, негде передохнуть от зноя. Я уже прощалась с жизнью, как дети вдруг углядели внизу что-то вроде улицы.

И тут новая проблема — поймать такси. Должно быть, неподалеку висел знак, запрещающий машинам останавливаться. Но я-то могла остановиться и даже присесть на столбик в тени какого-то здания, пока дети ловили такси, а я переживала за них — столько времени на солнце! И прямо под машины лезут! Разве что Зося вела себя интеллигентно, по мостовой не металась.

Все-таки соображала я в те минуты плохо, иначе не переживала бы так за сына. Знаю ведь, что жару он буквально обожает. А внучка Моника как-никак моложе меня на полвека, да и выросла в Алжире, это уже потом в Канаде поселилась. В этой стране у Моники зимой однажды волосы примерзли к спинке скамьи, а летом там — просто влажная баня, до сорока градусов дело доходит.

Позже я удивлялась, и какого черта так шустро спускалась по этой лестнице? Могла бы ведь почаще останавливаться и отдыхать. Должно быть, гнало меня вперед желание поскорее очутиться в тени.

Нет уж, такой туризм не по мне!

Все же надеюсь, что Прага когда-нибудь окажется ко мне помиловстей и учтет мои пожелания, возраст и состояние здоровья.

Полагаю, что из-за жары я не смогла осуществить свое давнишнее желание — разыскать могилу моей прабабки в местечке Старая Весь, где чуть ли не половину кладбища заняли Войтыры, несомненно мои предки. Нам очень хотелось заглянуть в церковные книги небольшого костела при кладбище. Главным образом, из-за Моника. Ведь редкий поляк может похвастать, что знает семь поколений своих прямых предков, если поляк этот не аристократ по происхождению, не прямой потомок, скажем, Барбары Радзивилл и Яна Замойского. Могла бы Моника у себя в Канаде задрать нос, да не удалось. Пришлось ограничиться прямыми потомками лишь в шести поколениях. Правда, Роберт предлагал забраться в ризницу через приоткрытое окошко, да я отговорила. Ну заберется он внутрь костела, а где искать старинные фолианты? Наверняка не лежат на виду, если даже сохранились. Возможно, спрятаны в архиве, а где этот архив —

мы не имеем представления. Мои же познания в собственной генеалогии заканчиваются на прапрабабках — Шпиталевской и ее сестре Хмелевской.

Кошмарная жара отбила всякую охоту к дальнейшим генеалогическим изысканиям. Но вот что интересно — я больше интересуюсь предками по женской линии, прадеды мне до лампочки, вот прапрабабки — это да.

Наверняка все жуткие бабы.

Все, отцеплюсь от жары окончательно, хватит уже! От жары, но не от других атмосферных явлений. Теперь поговорю про ветер.

О господи, я что, пишу метеорологический реферат? Мне казалось — продолжаю автобиографию, на радость читателям и для собственного удобства. Или наоборот, без разницы.

В последние годы я начала понемногу сдавать. Допускаю, что причиной тому стал приключившийся пару лет назад инфарктик, после которого я вдруг почувствовала — мне решительно не хватает сил на то, чтобы, как раньше, справляться со всеми своими обязанностями. И в первую очередь, не хватает сил на Советский Союз...

Ну вот, видите, опять в голове путаница, какие-то несусветные обязанности выскочили. Откуда вам знать, что у меня запланировано написать обширное исследование, которое абсолютно никому не нравится, но мне сразу принесет облегчение. Нет, я уж не откажу себе, любимой, в таком удовольствии: хоть раз выскажу все, о чем думаю. Ну не совсем все, конечно, иначе потом обиженные по судам затаскают...

Лучше обратимся к ветру.

Итак, здоровье мое стало слабеть, я то задыхалась, то пыхтела и отдувалась, и это не могло не вызвать беспокойства моих близких. Еще бы! Ведь выгляжу чудесно, свежа, как молодая весенняя травка, собою красавица писаная, чего же меня тянет пыхтеть и отдуваться? Жить стало тяжелее, на многое не хватает сил, вечные недомогания. Нет, со мной определенно надо что-то делать.

И вот родилась идея. Опять же, не помню, кого первого она посетила, возможно, даже меня. Одно знаю точно: разговоры о том, как восстановить мое здоровье, начались года три назад.

И одним из первых на эту тему заговорил Петр. Мой давний приятель, некогда коллега по работе, потом мужчина моей жизни, тактично запечатленный в нескольких моих книгах. Его знали все

мои родные и знакомые. И как некогда, много лет назад, он снова вытащил меня из пропасти. Растолковал доступно и заботливо, что напрасно я мучаюсь и страдаю, мне еще жить и жить, словом — не надо печалиться, вся жизнь впереди. Вот только необходимо подлечиться и как следует отдохнуть. Да и ему ли, Петру, не знать, что требуется мне и вообще женщине моего возраста? Все последние годы он занимался проектированием именно таких центров по оздоровлению и реабилитации пожилых людей, даже сам ими пользовался.

— Кончай валять дурака! — напрямик заявил он. — В конце концов, это тебе по средствам, не экономь на собственном здоровье. Человек сбросит десять килограммов веса, а приобретет десять лет здоровья. Пришлю тебе факсом все адреса с описаниями и ценами.

Сказал — сделал, но я тогда все равно не последовала его совету. И не спрашивайте почему, сама не знаю. Должно быть, не созрела еще.

Следующими за меня взялись канадские дети. Тоже предлагали всевозможные оздоровительные центры. Назывались они по-разному. То талассотерапию (от греческого слова «море») сватали, то бальнеологические санатории, где в качестве лечебных средств используются климат и море, то грязелечение... Еще были всевозможные центры, где помимо роскошного климата и моря пичкают всякой морской всячиной, вплоть до водорослей. В таких заведениях больным (или клиентам, если хотите) предлагают индивидуальное лечение. Одно — для двадцатилетней наркоманки, другое — сорокалетнему астматику или шестидесятилетнему сердечнику, и совсем уж третье — старой бабе с больной печенкой. Если клиент приезжает лечиться с пустыми руками, без всяких медицинских бумаг, ему на месте сделают все обследования, были бы деньги.

И у нас в Польше имеются такие заведения, и меня горячо уговаривали полечиться там. На мой взгляд, польские реабилитационные центры отличаются двумя недостатками: не могут предоставить клиенту океанической воды с атлантической бактериальной флорой, и у них нет устриц. Что же касается морских водорослей, то их с успехом заменяют лечебные грязи.

Вот насчет грязей. Боюсь, не окажу ли я кому медвежью услугу, а не хотелось бы доставлять неприятности. Вспоминается мне озеро, сплошь состоящее из такой целебной грязи, — в Зеленке, под Варшавой. Не счесть, сколько раз я в нем купалась. И совсем даром! Добраться в те годы туда было сложно, никакого общественного транспорта, разве что на своей машине или, еще лучше, на велосипеде. Не знаю, как сейчас. Никаких удобств,

вылезает из озера как есть, с ног до головы в грязи, и кондыбает к себе домой, под душ. Но чувствовала я себя после такого купания великолепно и не слышала, чтобы кто-то жаловался, напротив.

Нет, нет, не считайте это рекламой озера в Зеленке, вовсе нет, просто это мои личные воспоминания. Ветер — вот о чем я собралась поговорить.

Итак, ветер...

Вспомнила! Ведь уже в Трувиле мы видели вывеску с огромными буквами «МОРСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ» и даже кинулись разузнавать, но, увы, там как раз был ремонт.

Чтобы не было недоразумений, сразу поясню — в лечебных заведениях, проектируемых Петром, казино не предусмотрены, поэтому я ими не воспользовалась.

И что, нельзя мне любить казино? Между прочим, на свои играю!

А, вот еще вспомнила. Ездили мы по Бретани, свернули в сторону и меня буквально заставили забронировать для себя место в одном из таких лечебных центров. На осень того же года. Делать было нечего. Порядком напуганная, я поехала лечиться в Ла-Боль. Но прежде пришлось все толком оформить. Заплатить задаток, это первое. И самое легкое. Проблема решилась благодаря кредитной карточке. Я платила, а дети стояли над душой и следили за мной, чтобы я не отвертелась. Не от оплаты, а вообще от лечения. А вот потом начались трудности.

Уже в Варшаве я получила факс, подтверждающий забронированное место в санатории и его оплату, а к подтверждению — три страницы мелким шрифтом медицинского текста, нечто вроде анкеты. С просьбой заполнить и отправить им тоже факсом, ибо это намного облегчит врачам задачу по выбору необходимых мне процедур и вообще лечения.

Разумное пожелание, я ничего не имела против, но вот беда — в словаре не нашлось многих названий болезней и недугов из этого списка. Вроде бы и есть у меня эта хворь, а сомневаюсь. Не сомневалась я лишь в одном: твердо знала, что дети у меня есть, и возраст их тоже могла назвать.

Выход нашелся.

В Париже уже многие годы работал мой племянник Михал, сын Марыси, второй сестры моего бывшего мужа. Его жена Йоля, выходит, тоже моя племянница, ну вот как Витек, хотя Витек не племянница, а племянник, но вы понимаете — я только определяю степень родства. Так вот, эта Йоля — медик по образованию и одинаково хорошо знает оба языка, польский и французский. Кто лучше нее мог заполнить мою анкету?

Я уже не говорю о том, что характер у Йоли ангельский, редко встречала я людей такой душевной доброты. Готова помогать всему свету. Как-то на лето согласилась взять у малознакомых людей на весь их отпуск собачку, микроскопическую, совершенно безмозглую, но чрезвычайно требовательную к пище, а в дополнение к шавке — кролика в клетке. И вернула их владельцам в отличном состоянии. Больше всего хлопот бедной Иоле доставила клетка, которую никто из нас не мог ни открыть, ни закрыть, ни правильно поставить, а для кролика это было делом жизни и смерти. Как-то справилась. К счастью, собачка и кролик не обращали друг на друга никакого внимания.

Вот на эту Йолю я и возлагала все мои надежды.

Позвонила ей, лихорадочно выложила суть дела и передала по факсу проклятую анкету, умоляя перевести и заполнить. Правда, все же не поленилась переписать на компьютере малочитабельный текст, боюсь, с ошибками, ведь даже через лупу порой не могла разглядеть некоторые буквы в неведомых мне словах. На всякий случай отправила ей обе версии — малочитабельную и свою переписанную.

В тот же вечер Михал позвонил и вдоволь поиздевался надо мной.

— Да будь у тебя лишь четвертая часть всех перечисленных хворей, тебя уже давно не было бы на этом свете. Йоля говорит, в этом санатории действительно отлично лечат. Высылаем анкету.

Я получила готовый вопросник и опять впала в панику. Ну скажите, откуда мне знать, проявляли себя когда-нибудь мои надпочечники или нет? Я ведь понятия не имею, как они проявляются.

Затем я отловила своего доктора. Он был нашим семейным врачом, лечил еще мою мать и теперь лечит Тересу. Изумительный человек! Ко мне доктор приехал со своей дочерью, пояснив, что призвал ее на подмогу. Он хотя и знает немного французский, но дочка — профессиональный переводчик, так что разъяснит непонятные места в анкете.

Вот так, с помощью добрых людей, заполнила я анкету, но отсылать ее не стала, а припрятала до лучших времен. И поехала поправлять здоровье.

Уже с самого начала поездки не задалась. Гаражная дверь заклинила и не пожелала меня выпустить. То есть я-то как раз могла бы пройти из гаража в дом, но вот машина в прихожей ни за что не поместится. Много сил потратила, пока наконец дверь поднялась и я смогла выехать.

А через минуту, уже в воротах, пульт от них провалился в щель между креслами, и большого труда стоило его оттуда выковырять.

Поскольку я уже вздрючилась, не успев и за ворота выехать, то решила покурить, чтобы успокоиться. Сигарету я зажгла не с того конца, в сердцах выплюнула и закурила другую. После чего потянулась за очками для дали...

Ладно, и насчет очков все расскажу. Господи боже, о чем только не спрашивают меня драгоценные читатели! Хотя немного уменьшу лавину их вопросов.

Хорошее зрение у меня сохранялось долго, этим объясняется и мое умение прекрасно чертить, чем я очень горжусь и, как видите, не упускаю случая этим похвалиться. Правда, возраст взял свое. Для чтения мне понадобились очки, развилась дальновзоркость. Началось с половины диоптрии, а на полтора закончилось, так что никакой трагедии. Но вот как-то раз я потеряла очки и отправилась к врачу за рецептом. Тот объявил, что очков мне нужны две пары — для близи и для дали. Я, конечно, поерепенилась, не без этого, не люблю я всяких перемен в своей жизни, но волей-неволей соглашаться все же пришлось. Взяла я рецепт и заказала очки.

Пришла к окулисту на Пулавской, получила очки для дали и с раздражением поинтересовалась, зачем мне они. Я и без них прекрасно вижу, хотите, доктор, прочту вам вон ту надпись мелким шрифтом по другую сторону улицы?

И прочла.

— А теперь все же наденьте очки, — мягко предложил окулист. — Ну что вам стоит?

Надела. И в самом деле, что мне стоило?

И опять поглядела на другую сторону улицы.

О, холера! Я видела то же, что и в прошлый раз, но видела свободно, не напрягаясь!

Тогда-то я и заткнулась, ведь теперь я буду видеть все дорожные указатели аж метров за двести.

Так вот, без очков для дали я могу, в принципе, обойтись, но лучше, когда они при мне.

Итак, выехав за ворота, сунулась я за очками, а их нет. Хватило ума не сразу возвращаться домой, а сначала подумать, пошевелить мозгами. Куда они могли подеваться? Ведь всегда лежали возле ручки переключения скоростей. Может, просто упали?

Свернула в тихий переулок. Это он обычно тихий, а в тот момент движение там было ого-го. И что там всем понадобилось?

Переждала, вышла из машины и нашарила очки под креслом.

Вот в тот-то момент я окончательно поняла: поездка легкой не будет.

Шоссе на Краков проскочила без проблем, но на перекрестке при выезде на катовицкую автостраду был испорчен светофор. Немного подождала, вижу — безнадега, и я рванулась вперед, заставив притормозить могучую фуру. Признаюсь, мурашки пробежали по спине, ведь неизвестно, как у него с тормозами.

После чего проскочила съезд на Згожеlec и получила возможность «насладиться» ездой по Вроцлавскому шоссе.

И тут со мной приключилось такое, что я даже засомневалась — не чудится ли мне это. Что-то со зрением? Или, того хуже, с психикой?

Обогнала нечто кошмарно грандиозное, с надписью огромными буквами — «Бартусь». Нелегко было обогнуть махину, но я сумела, оставила ее позади и мчусь дальше. И вдруг вижу — опять передо мной проклятый «Бартусь», и шофер вроде ухмыляется. Что такое, ведь ни в какой пробке я не стояла. Ах, ты так? Собрав все силы, оторвалась от неприятеля, и у ближайшего светофора обнаружила рядом с собой все того же «Бартуся».

Вроцлав не на краю света, от Варшавы до него всего ничего, не могла я так устать, чтобы уж совсем спянуть. Невозможно ведь такое, чтобы я обгоняла этого «Бартуся», а потом он меня. Не могла я проглядеть сорокаторную громадину!

Спокойствие, только спокойствие. Без паники. Надо взять себя в руки. Единственный разумный вывод: этих «Бартусей» тут едет не меньше дюжины, ведь такое возможно. Не знаю, что за фирма, но нервы они мне потрепали, так что пусть пришлют столько роз, сколько машин ехало в тот час по Вроцлавскому шоссе.

А дальше все о'кей, хотя было всякое — и дорожные работы, и нахальные грузовики, и пробки. До пограничного Болеславца я добралась в целостности и сохранности. Багаж мой внесли, есть там у них один такой замечательный человек мужского пола, за которого я бы с удовольствием вышла замуж, не будь он в возрасте моих сыновей. Он так талантливо притворяется, что мои тяжеленные чемоданы ничего не весят! Нет, не стала бы я обречать хорошего человека на такую муку, жизнь со мной — каторга...

Ну вот я и в Ла-Боле. Отель приличный, стоянка прямо у входа, обслуживающий персонал извлекает из машины мои вещи и резвой трусцой переносит их в отель, добры молодцы самого цветущего возраста, не какие-то там хлипкие паненки, так что все

в порядке.

Как же!

Никто себе и представить не может, какую черную зависть испытываю я ко всяким знаменитостям и героям и героиням фильмов из жизни высших сфер. Все равно к кому, будь то Джеймс Бонд или избалованная дочурка какого-нибудь правящего князя. Выходит такая фря из машины и отправляется куда хочет, ей плевать на вещи. Она не сомневается — весь ее багаж, состоит ли он из одной сумки или двадцати четырех баулов, будет обязательно доставлен в ее номер, возможно, даже распакован и вещи разложены и развешаны по местам, а официант, постучав в дверь, тут же вкатит столик с прохладительными напитками.

Со мной такого никогда не происходит.

Еду я почти на самый край Европы. Знаю, знаю, край Европы — это Лиссабон, но и я направляюсь далеко. По дороге приходится останавливаться: дела, встречи, да и отдохнуть надо. По ночам к тому же я не езжу — ненавижу тьму. Ну и что с того, что у меня хорошие дальние фары (которых я, кстати сказать, никогда не включаю, чтобы не ослеплять встречных, зато встречные то и дело меня ослепляют), зато по бокам темно. В общем, отели в пути неизбежны...

О чем это я?.. Ах да, багаж! Ясное дело, вещи, которые мне понадобятся в дороге, уложены в отдельный чемодан, остальное лежит себе спокойно в машине. Но вот этот единственный чемодан вдруг начинает разрастаться и пухнуть. В мои номера официанты почему-то не спешат вкатывать столики с напитками, а я не могу обойтись без чая. Значит, необходимо иметь все причиндалы для чаепития. Хотя бы термос или электрический чайник, а к нему обычно требуется удлинитель; затем сам чай — заваривать же я должна сама, потому что нигде мне не подадут такой, какой я люблю. К счастью, чай я пью без сахара, но вот без капельки молочка обойтись не могу. Попробуйте все перечисленное запаковать в один нормальный чемодан вместе с косметикой, ночным бельем, лекарствами. Часть столь необходимых мне предметов имеет нехорошую тенденцию разливаться, а глупо ведь потом надевать мокрый халат или тапочки, залитые чаем.

Но это еще не все. Книги. Небольшой запас чтения на дорожку. В этом же чемодане ноутбук, а бывает, что и принтер, если я собираюсь немного задержаться в пути, кроме того, купленные по дороге вещи, которые мне понадобятся лишь дома, в Варшаве, затем и покупаю, но сую все в тот же чемодан...

Понятно теперь, почему я так завидую высокопоставленным особам или беззаботным героям? Не могу я оставить свой

багажник на произвол обслуживающего персонала. Нет, я бегу следом за парнем, который уже цапнул один из чемоданов, тащу обратно к распаханному багажнику и пальцем тычу — это брать, этого не брать, вот часть пакетов взять из салона, а другую часть не трогать... А в салоне машины... Чего только там нет! Прорва всевозможных дорожных карт, больших и маленьких, атласов, путеводителей, рекламных проспектов и прочей чепухи, без которой мне не обойтись. Так что легкомысленно выскочить из машины и удалиться налегке, с сумочкой, — такого я не могу себе позволить.

Пытаюсь как-то облегчить свое положение, без конца покупая все новые чемоданы и чемоданчики, все на колесиках, в тщетной надежде, что хоть стандартный набор уложу как полагается, элегантно. Правда, в дорогих отелях плюют на элегантность, они и глазом не моргнут, обнаружив в багажнике нового постояльца свежий скелет в драном мешке из-под картошки, — просто отнесут его в номер вместе с остальными вещами... Но мне-то стыдно тыкать пальцем в целлофановые пакеты, из которых торчит то термос, то удлинитель, то еще какое позорище. Наша восточная дикость и отсталость, холера!

В Ла-Боль я приехала смертельно уставшая, главным образом из-за глупой ошибки, которую совершила, уже будучи недалеко от цели. А все из-за гостиницы «Кампанелла». Вспомнила я о ней поздно, лихорадочно принялась искать, когда уже стемнело, пришлось переночевать в городке, куда вовсе не собиралась заезжать. Утром же опять потеряла полтора часа, тщетно пытаюсь выбраться из этого несчастного городишки. Успокоилась, лишь увидев указатель на Орлеан. И почти сразу наткнулась на проклятую «Кампанеллу», которую накануне напрасно искала. Стоит себе, проклятая, у самого шоссе, и искать не надо.

После всех этих злоключений, настрадавшись и намучившись, едва живая, я бросила наконец якорь в своем номере здравницы, которому суждено было стать моим домом на пару недель. Номер хороший, в большой комнате есть и письменный стол, и обеденный. Разумеется, номер с видом на море и со всеми новейшими достижениями цивилизации вроде магнитной карточки вместо ключа. Наутро у меня была назначена встреча с врачом — на девять пятнадцать. Следовательно, к этому времени я должна уже быть в форме — выспавшаяся, позавтракавшая и, желательно, соображающая, что к чему.

В номере я первым делом распахнула балконную дверь и как следует подышала морским духом. После чего принялась заполнять карточку меню для завтрака. Она висела на ручке

моего номера, и из нее я узнала, что могу заполнить карточку, а могу не заполнять. В последнем случае мне придется утром позвонить и попросить завтрак в номер. Не хотелось этим заниматься спросто, к тому же говорить придется на иностранном языке.

Покончив с меню на завтрак, распаковала часть самых необходимых вещей, спустилась в столовую перекусить, вернулась к себе, опять распахнула балконную дверь, подивившись, почему она закрыта.

Перед тем как лечь в постель, вспомнила, что карточка с заказом на завтрак так и осталась лежать на столе. Открыла дверь, повесила карточку на ручку, но тут дунул сильный ветер и сорвал картонку. Я шагнула в коридор, чтобы подобрать карточку, и в следующий миг сквозняк захлопнул дверь, предварительно двинув меня по оттопыренному заду.

Естественно, магнитный ключ остался в номере.

Пришлось спуститься к стойке и объяснять, что за неприятность со мной случилась. Дежурная вызвала горничную, та поднялась со мной на этаж, с милой улыбкой открыла своей карточкой зловедную дверь и объяснила, что у них тут жуткие сквозняки, поэтому балконную дверь лучше держать закрытой.

Я приняла меры. Балконную дверь подперла креслом и только тогда осмелилась открыть входную дверь, горничная повесила на ее ручку проклятое меню на завтрак, и я поспешила захлопнуть дверь в номер. Такой сквозняк мог не то что меня, слона выпихнуть за дверь. Надо будет учесть на будущее.

Вроде бы учла, что не помешало сквозняку следующим утром, как только официант вкатил столик с заказанным завтраком, смести на пол сигареты, книжку, пластиковые пяточки со сливками к утреннему чаю и содержимое пепельницы. Сама пепельница уцелела.

А теперь со стыдом и презрением к собственной особе вынуждена признаться, что, подходя к лечебному корпусу, где меня ждал доктор, с трудом поднялась по пандусу. Наклонная дорожка была не особо крутой, но я преодолела ее лишь в два приема, остановившись, чтобы передохнуть. На прием к господину доктору я опоздала на целых шесть минут, за что он позволил себе укорить меня взглядом. А потом вручил мне программу занятий.

Изучила я ее и, не стану скрывать, пришла в ужас от пункта 13: *parcours aqua minceur*. Понятно, для похудения очень полезные упражнения, охотно бы похудела, но ведь по-нашему «паркур» — это пробежка лошадей перед бегами на глазах зрителей. Это что же, мне придется скакать диким галопом туда-

сюда? Еще бы не похудеть, но вот вопрос — успею ли я похудеть до того, как свалюсь трупом, точно загнанная лошадь?

Ну уж нет, лучше потерять уже уплаченные деньги, чем жизнь.

Но, как вскоре выяснилось, зря я запаниковала, а процедура под номером тринадцать стала самой моей любимой. Представьте себе небольшой, поделенный на части бассейн с морской водой, ласково бурлящий небольшими волнами. Разрешено делать все, что захочешь — плескаться, плавать, крутиться, лишь бы проделывалось все это против течения. А вода бежит и бежит не переставая, даже если ты стоишь на месте. Восхитительно! А главное — полная свобода. В других бассейнах тебе велят двигать руками или ногами или еще что, а тут — что душа пожелает. Понятно, что не одна я полюбила такой паркур.

Мне очень хотелось сфотографироваться в любимом бассейне, но не вышло. В нем фотографироваться запрещено, потому что всегда полно людей. Поверхность воды буквально утыкана человеческими головами и бюстами. Одни пациенты торчат под водопадами, другие качаются на волнах, третьи, как дети, бьют руками по воде, четвертые отфыркиваются... Вот если бы я заранее попросила у всех разрешения, чтобы в определенный момент меня щелкнули в бассейне, а они, скажем, коли не пожелают увековечиться, отвернулись... Но это нереально. В решающий момент непременно в кадр влезет опоздавший и потом станет судиться со мной. Или просто устроит скандал, а ни мне, ни администрации санатория это ни к чему. Вот и пришлось ограничиться фото пустого бассейна, которое можете увидеть в этой книге.

Только-только с поезда — приехала в Москву на Книжную Ярмарку.

Через два часа, уже во всеоружии, готовая встретить нападение журналистов.

Журналисты уже напали. Я еще веселюсь — даю интервью.

К вечеру мне уже не так весело — не помню, какое по счету интервью.

На Московской книжной ярмарке. У нас с Аллой прекрасное

настроение, а вот переводчик, судя по всему, скоро на стенку полезет.

Раздаю в книжном магазине «Москва» на Тверской автографы. Моя издательница явно притомилась, а я полна энтузиазма.

После вечера в книжном магазине «Москва» — я с моей постоянной переводчицей Верой Селивановой.

Там же вместе с Аллой Штейнман и директором книжного магазина «Москва» Мариной Каменевой (в центре).

Не солоно хлебавши покидаю московский ювелирный магазин. Рубинов полно, но цены! А я-то думала, что в Москве рубинов как грязи и по дешевке...

Что же касается моего самочувствия, то уже в начале второй недели лечения я почти избегала на упомянутый пандус. Значит, помогло?

А ветер все дул. Не ураган, но довольно сильный, очень неприятный для сердечников. Порой он нагонял тучи, изливавшиеся коротким, но сильным дождем. Из-за ветра и дождя я не смогла рассмотреть вблизи очень заинтересовавшее меня явление.

Дело в том, что при каждом отливе на берег спускалась целая толпа людей — кто босой, кто в резиновых сапогах, — всегда в одном и том же месте. Они выстраивались в длинную шеренгу и неторопливо двигались к горизонту, затылок в затылок. Я с любопытством наблюдала за длинной змеей из людей и гадала,

чем они занимаются. Могла бы расспросить их, пока еще не ушли в море, а толпились на берегу, но у меня всякий раз именно на это время были назначены процедуры. Пришлось расспрашивать туземцев. И выяснилось, что после отлива на песке остаются то ли ракушки, то ли улитки, то ли слизняки в голубых скорлупках — я в них не разбираюсь, никогда не видела и не знала, что они съедобные. Наверное, ценная добыча, раз ее вылавливают изо дня в день. Очень хотелось мне рассмотреть голубенькие ракушки, но как-то все не получалось, решила оставить до следующего раза, а следующий раз случился уже глубокой осенью, когда дикий ветер буквально срывал крыши с домов, поднимая высоченные волны. Понятно, в такую погоду никто в море не полез даже после отлива. Возможно, голубые слизняки тоже не любят штормы. Ничего страшного, раз я наметила — непременно дознаюсь, пусть это будет и немного запоздалая информация.

Возвращаясь из Ла-Боле, я решила сделать остановку в Париже, понадобилось кое-что купить. Теперь-то признаю: не самая удачная идея. Я могла бы сразу догадаться, интуиция подсказывала — а пора бы уже доверять своей интуиции, — так вот, интуиция подсказывала, что не повезет мне в Париже, потому как с самого начала не везло с бронированием места в отеле. Администрация нашего санатория измучилась, будучи не в состоянии заказать мне номер в одном из тех отелей, которые меня устраивали. А устраивали меня лишь отели в районе улицы Мак-Магон. Я этот район знала и не испытывала ни малейшего желания знакомиться с новыми для меня улицами и магазинами большого города. Так вот, в нужном районе невозможно было заказать отель! Не знаю почему, ведь сезон уже миновал, никакого фестиваля не предвиделось, праздников тоже, откуда же такая толкучка? Наконец девушке из регистрации удалось забронировать мне место в единственном доступном отеле, «Дуаси». Там я ни разу не останавливалась, но по крайней мере знала, как до него добраться.

И никакой это был не отель, а так, пансион, с одной-единственной мамзелью в холле. Я тут же запаниковала, поскольку с багажом у меня обстояло все как обычно: кроме чемодана еще туристическая сумка и громадная пластиковая торба. Отель располагался в древнем здании, строители явно намучились, втискивая в него современные удобства и лифт. Последний был мало того что лилипутский, так к нему еще и надо было подниматься по узкой и крутой лестнице. Но самое страшное заключалось в том, что лифт останавливался на площадке между этажами. Если вам надо на третий этаж, то

нажимайте кнопку второго и потом поднимайтесь еще на один лестничный пролет. Или можете ехать до третьего и спуститься на пол-этажа.

Я выбрала второй вариант. Девушка помогла мне втащить мои пожитки в лифт. Выходить из лифта тоже было непросто. Площадка между кабинкой и лестницей такая крошечная, что человек с трудом там помещался. А как быть с вещами? Можно было, конечно, не торопясь перетащить поклажу на первую ступеньку лестницы по одной единице, но лифт оказался чересчур прытким. Он торопился сразу же захлопнуть дверцу, как только пассажир выходил. Вот и пришлось мне задницей придерживать дверцу лифта, ибо обе руки были заняты выковыриванием из него багажа. Кое-как выколупала свое имущество, ничего не оставив мерзкой клетушке. А лифт-то небось уже радовался: станет возить мой чемоданчик вверх-вниз, и я намучаюсь, отлавливая его.

Оставив вещи в номере, я поспешила спуститься, ведь машину бросила у самого входа в отель, а это не такое место, где машинам можно долго стоять. Я подумывала о хорошо мне известном гараже на улице Мак-Магона, хотя не очень хотелось держать машину на полпути к Триумфальной арке, ведь тогда придется проходить порядочный кусок улицы то в гору, то под горку. А перед въездом в мой отель я не заметила ничего, напоминающего стоянку, никакого указателя, хотя в памяти зацепился какой-то подземный гараж. Они теперь всюду понастроены.

Я решила обсудить эту проблему с девушкой у стойки. Как вы, наверное, уже заметили, в ответственные моменты и в драматических ситуациях во мне вдруг не пойми откуда берутся познания в иностранных языках. Вот и на этот раз я без труда выяснила, что неподалеку и вправду есть подземный гараж, причем чуть ли не самый большой в Париже, многоэтажный, недавно модернизированный. И въезд в него совсем рядом с отелем.

А вход и выход? Есть, есть!

А лифт? Лифта, увы, нет.

Как это? Съезжаю я вниз, неизвестно на какой этаж, и что? Обратно вверх — по лестнице, что ли?

Да, да, именно по лестнице. Очень неприятно, но там лифта нет.

Не уверена, высказалась ли я по этому поводу, но, видимо, у меня все отразилось на лице. Милая девушка вызвалась сама припарковать мою машину. Вот только проблема... Она сейчас в отеле одна, нечем ее заменить, а бросить лавочку не может.

Придется мне посидеть за стойкой регистрации.

Почти двадцать минут я имела честь представлять администрацию отеля «Дуаси», отвечала на вопросы, давала какие-то справки — когда могла, в остальных случаях широко улыбалась и просила обождать чуток. Но вот мадемуазель вернулась с моими ключиками и извинилась, что заставила так долго ждать, но место нашлось лишь на четвертом уровне. Просто счастье, что она сообщила это, а то одной старой кретинке и в голову не пришло бы спросить, где обитает ее машина.

Пристроив автомобиль, я смогла подумать и о себе. Разобрала вещи, стала... ладно, сразу скажу, чем стала заниматься, столько уже глупостей обо мне понаписано, что я и сама еще одну подброшу. Дело в том, что я договорилась встретиться с Петром. Полвека знакомства — это вам не кот чихнул! Не хотелось бы предстать перед ним в паскудном виде, просто из жалости не хотелось и из уважения к человеку. Черт побери, где мой парик?! Миллион раз я уже донимала бедных читателей нытьем относительно своих жалких волос и полной неспособности придать им приличный вид. В последние годы решала эту проблему с помощью хороших париков. В конце концов, у каждой женщины, как говорят у нас в народе, есть своя мошь, которая ее грызет.

Давайте напомним: у меня был один очень любящий муж, два любовника и тетка. И были они совершенно разными во всем — и характеры, и вкусы, и образование, и отношение ко мне. Так вот, эти столь разные люди при виде меня всегда задавали один и тот же вопрос:

— Не могла бы ты хоть раз нормальную прическу сделать?

Причем тетка задала мне этот вопрос на следующий день после того, как я побывала в руках у весьма маститого парикмахера.

Понятно? Значит, остается парик. В нем я выглядела или как выглядят в парике, или так, словно у меня искусная прическа.

Парик, взятый в дорогу, я держала в коробке из-под туфель. А что? Очень удобная тара. Не думаете же вы, что я проехала половину Франции в парике? Мне вовсе не обязательно блистать красотой на бензоколонках. Ведь даже если я буду выглядеть как обезьяна, все равно заправлюсь.

Оставим на минуту парик в покое, хотя ему суждено сыграть большую роль. Я к нему сейчас вернусь, вот только два слова о дверях.

Просто понятия не имею, как такое могло случиться. Учтите, что после роскошного номера в реабилитационном центре я перенеслась в жалкую комнатку отеля «Дуаси», вполне

достойного метража на душу населения в Польше времен светлой памяти товарища Гомулки. Так что ничего удивительного — я почувствовала себя несколько стесненной в пространстве. Впрочем, распаковаться можно, да и нечего мне особенно роскошествовать, всего-то развесить пару предметов одежды — курточка, юбочка, жакетик. Проведу ведь здесь всего одну ночь и оставшуюся половину дня. Но даже жакет и юбку желательно повесить, малость измялись в дороге. Минутку, а где повесить? Ничего похожего на стенной шкаф я не нашла, не говоря уже о специальной гардеробной.

Ага, наверное, за дверь, в крохотной прихожей.

Честно признаю — я сама удивилась собственной глупости. Видно, к старости неладно у меня с серыми клеточками. Открыла дверь в прихожую, выглянула, ничего не заметила, шагнула, отпустив дверь, которая тут же наподдала мне по заднице и захлопнулась.

Да нет, я не повторяюсь, все так и было. Святая правда. Магнитная карточка осталась в комнате, все осталось в комнате, только я одна оказалась в коридоре.

Очень хорошо запомнила я этот момент. И какими словами кляла себя — тоже помню. Пришлось спускаться вниз, пережить нескольких посетителей и объяснять девушке глупейшее положение, в котором оказалась. Поскольку больше посетителей не было, служащая отеля поднялась вместе со мной и открыла дверь.

Вот когда, под давлением обстоятельств, я села и заставила-таки поработать свои серые клеточки.

Итак, у меня наверняка была с собой косметичка с лекарствами. Наверняка была также коробка из-под обуви с париком внутри. Вот, пожалуйста, в распахнутом чемодане даже осталось пустое место, где раньше стояли эта коробка и косметичка. Так куда же они, Езус-Мария, подевались?

Ничего не поделаешь, пришлось опять поднапрячься и действовать методом дедукции. Ладно, не помнишь, куда подевала эти вещи, так думай! Рассуждай логически, как в детективах. Чем ты занялась бы, войдя в номер? Я вскочила и отодвинула в сторону зеркальную плиту у входной двери, за которой и обнаружила искомый стенной шкаф, а в нем все свои пропавшие пожитки. Вот что значит дедукция! Я их сама туда определила, после чего меня поразила амнезия. Инцидент исчерпан, но как я могла забыть о существовании стенного шкафа?!

За покупками я съездила на такси — так проще, пообедала у старого знакомого. Наутро мне уезжать. К багажу прибавились

луковицы тюльпанов, чай, косметика и еще один чемодан на колесиках, так что я могла избавиться от непотребных пластиковых пакетов. Сложила все в новый чемодан и спустилась вниз, чтобы попросить милую паненку доставить мою машину из гаража; девушку я намеревалась вознаградить щедрыми чаевыми.

Вместо мадемуазель за стойкой сидел месье средних лет. Я поинтересовалась, а где же та молодая симпатичная дама, которая работала здесь вчера вечером?

Дамы нет. И сегодня не будет. Он вместо нее, его очередь дежурить.

Что ж... Тогда, возможно, он знает, где моя машина?

Мадам лучше знать, где ее машина.

Согласна, лучше, но я, увы, не знаю. Юная дама запарковала ее вчера вечером где-то под землей.

А, раз так, значит, там она и стоит. Мадам может ее оттуда забрать без проблем.

Могу, но я не знаю, где этот подземный гараж. Как туда спуститься?

Очень просто. Вход на улице перед отелем, прямо напротив.

Несколько раз переспросила я этого мужлана, действительно ли под землю надо спускаться прямо напротив отеля, что-то я не видела там никакой надписи. Автобусную остановку со скамейкой — да, видела. А больше там ничего нет.

Есть, говорит, надо только посмотреть как следует. Спуск там, куда ему деться.

Оставила я ему свой новый чемоданчик и выбежала на улицу в чем была — юбке и легкой кофточке, а ведь на дворе стоял ноябрь. С собой я прихватила лишь ключи от машины, магнитную карточку от номера и портмоне. Ох, кажется, в кошельке мало денег, мелькнула мысль, ведь мелкие суммы я оплачивала наличными, ну да ладно, может, за стоянку хватит. Я огляделась и уже решила было умолить водителя первого же попавшегося транспортного средства подбросить меня на подземную стоянку, как вдруг обнаружила узкую лестницу, ведущую вниз.

Рискнула и стала осторожно спускаться, хотя не была уверена, что ступеньки не приведут меня в общественный туалет. Ну что им стоило написать, куда ведет лестница? Толкнула дверь вниз и оказалась в необъятном помещении, тоже без единой надписи. Тут уж я совсем растерялась и остановила-таки первую же подъехавшую машину.

За рулем сидела очень милая женщина, она сообщила, что приблизительно через полкилометра действительно есть лестница, ведущая на нижний уровень. И она с удовольствием меня туда подбросит.

Вот когда я оценила значение того, что сказала вчера девушка из отеля. Четвертый уровень! И правда, через полкилометра появился вход на следующую узкую лестницу. Осторожно спустившись, я увидела перед собой дверь, а на двери — цифру «4». Значит, тут.

Озираясь в громадном помещении, я подумала, уж не тянется ли оно под всем Парижем. Это действительно был самый большой в Париже подземный гараж, построенный по последнему слову техники. Вот только почему там не сделали лифт — никто не знает. Стоянка расползлась на многие километры во все стороны, меня же угораздило оказаться в середине. В какую сторону идти — не знаю. Куда ни глянь — везде ряды машин, и ни одного человека.

Замерзнув, я наугад двинулась влево, дошла до конца автомобильного ряда и не нашла своей машины. Меня уже била дрожь, обратно я шагала быстрее, не знаю, сколько стометровок преодолела, но не напрасно. Моя «вольво» стояла последней в правом ряду. Я проворно запрыгнула внутрь и покатила к выходу.

На третьем этаже обнаружились шлагбаум, касса и при них худощавый негр. А вот откуда у меня взялась квитанция на парковку? Должно быть, нашла в машине и автоматически зажала в кулаке. Негр за кассой пощелкал клавишами и заявил — с меня причитается двадцать два евро. Я полезла в портмоне.

Ну так и знала! Денег не хватало. Вся моя наличность, с мелочью, составляла лишь двенадцать евро. Откуда взять еще десять?

Деньги у меня, разумеется, были. И кредитные карточки тоже. В сумке. А сумка осталась в отеле. У меня потемнело в глазах при одной мысли о том, что вот сейчас придется выходить из машины и карабкаться по всем этим проклятым ступенькам. В полном отчаянии я попросила негра подъехать со мной к выходу из гаража, там, на земной поверхности, я заплачу ему все до копейки и еще сверх того. А потом отвезу его обратно к этой его чертовой кассе. Он не пожелал, уж не знаю почему. Заплачу двойную цену! Опять не желает. Но у меня нет здесь столько денег, а я загораживаю дорогу другим машинам. Ну хотите, вот эти часы отдам за недостающие евро?

Часов он тоже не хотел. Кажется, больше всего ему хотелось избавиться от меня. Опять пощелкал кнопками своей кассы и выдал мне квитанцию, затем махнул рукой, прогоняя меня, и поднял шлагбаум. Благородный человек!

На следующем этаже опять шлагбаум, касса и негр, только немного потолще. Теперь в кошельке у меня не было уже ни гроша, и я в отчаянии призналась, что денег у меня нет. А он в

ответ — квитанции достаточно. Поднял шлагбаум, я от радости буквально сорвалась с места. Ох, как хотелось мне выбраться из этих холерных подземелий! Страж подземелий бросился чуть не под колеса моей машины, отчаянно размахивая руками. Кажется, я поспешила свернуть раньше, чем надо, он лихорадочными жестами пытался убедить меня выбрать верную дорогу наверх. Я хотела этого не меньше его, включила задний. Бедный негр пытался раздвоиться, ведь ему еще надо было махать на тех, кто норовил въехать на покинутое мною только что место. Водители ничего не понимали. На одностороннем въезде в гараж наткнуться на встречную машину, которая к тому же пятится задом, — радость маленькая. Просто необъяснимо, как мне удалось никого не зацепить, но я все же избавила подземелья и их обитателей от своего присутствия. Огромная надпись на стене SORTIE (выход) буквально бросалась в глаза. И как я ее не заметила?

До сих пор я так и не знаю, осталась ли я должна гаражному негру десять евро. Может, следовало тогда еще раз наведаться в гараж и отдать доброму человеку долг? Но знаю другое — ни за какие деньги, даже за десять тысяч евро, я не смогла бы проделать этот путь во второй раз. Вот если бы за сто тысяч... но все равно еще хорошенько бы подумала.

До сих пор не было удобного случая воткнуть в «Автобиографию» языковые перлы Моники. Страну, где она родилась и откуда ее увезли малышкой, внучка посетила уже шестнадцатилетней девушкой. Польский внучка, конечно же, знала, даже говорила на нем, но воспитывалась на английском языке, и он был для нее родным.

Так захотел Роберт. Пусть ребенок скорее адаптируется, пусть чувствует себя свободно в стране, ставшей его второй родиной, а то разовьются комплексы и т. д. Сам он с Моникой разговаривал исключительно по-английски, и счастье еще, что Зося говорила только по-польски.

Ведь дело в том, и пора открыто признать это, что наша колония, то есть поляки, постоянно живущие за рубежом, во всяком случае значительное их большинство, польский знают из рук вон плохо, зато болтать на нем обожают. И слушать их смешно и грустно. Родным языком они оперируют по принципу «твоя моя не понимай», запас слов мизерный. Общаюсь с канадскими поляками, мое бедное дитя выросло в полнейшем убеждении, что родилась она в стране пустоголовых олухов и недоразвитых кретинов.

И этой точки зрения Моника придерживалась до того

момента, пока не начала путешествовать по миру. Разумеется, в Канаде у них гостили и бабушка, и прабабушка, которые польский знали отлично и в умственном отношении на полных кретинов не тянули, но ведь это могли быть исключения — подумаешь, две изюминки в праздничном пироге. Но наконец Моника побывала во Франции, где проживает немало поляков, а затем и в Польше, — и польских олухов с крестинами в этих странах оказалось не так уж много. В чем Моника лично убедилась, к большому своему удовлетворению. А за олухов и крестин на всякий случай перед соотечественниками извиняюсь.

На мой взгляд, нам, полякам, ближе языки романской группы, чем германской, хотя в польском прорва заимствованных у немцев всяких шлафроков (халатов), спадерков (прогулок), хебелей (рубанков) и прочих вихайстеров (без понятия, что означает это немецкое слово, хотя миллион раз называла им всякие непонятные штуковины).

Вторая моя внучка, Каролина, тоже двуязычная, польско-французская. Если она говорит по-польски, полякам в голову не придет, что школу она закончила французскую, точно так же как французы ни в жизнь не догадаются, что она не француженка. С одного языка на другой Каролина переходит незаметно для себя, с легкостью необыкновенной, и говорит на обоих языках без всякого акцента. А вот еще одна моя внучка, если заговорит по-польски, любой догадается — выросла девочка в доме, где говорят по-английски, такой у нее ужасающий акцент... Да и не у нее одной. Ее двоюродная сестра, старше на целое поколение, лишь после трех месяцев пребывания на родине овладела, можно сказать, родным языком и произношением.

Из всех моих знакомых лишь один человек одинаково свободно владеет польским, немецким и датским. Это Алиция. Понятия не имею, как для датского уха звучит ее акцент, а вот что касается немецкого, немцы не сомневаются — их собеседница австриячка.

Но вернемся к Монике. Ей дарован природой счастливый языковой дар, я бы сказала — дух языка, и если она сама изобретает какие-то новые словечки, то непременно в соответствии с этим духом.

Лексикон Моника пополнился таким оборотом, как «не хохочи меня», а также всевозможными причастиями и деепричастиями, действительными и страдательными, настоящего и прошедшего времени, которые изобретались ею с легкостью необыкновенной. Как-то она ответила маме, заставлявшей ее что-то съесть:

— И я потолщею аки бык! Нет, аки баран... Нет, аки этот, ну,

что в лесу... ага, кабанка!

Как-то мы все сидели в парижском бистро. Весь день гоняли по Парижу, ноги гудели от усталости, а есть хотелось безбожно. К вечеру сумки наши напоминали баулы — накупили всего по мелочи: дешевые сувениры-химеры из собора Парижской Богоматери, шейные платки с парижскими мостами, пепельница с Триумфальной аркой, упаковка камамбера, три парика из «Самаритянки» и...

Отступление. Однажды мы с Зосей и Моникой решили проверить, вернувшись в гостиницу, чем же набиты наши сумки. Почему такие тяжелые?

С молодых лет я знала, что положено приличной женщине держать в сумочке: пудреницу с зеркальцем, губную помаду, расческу или щетку для волос, носовой платок... И ничего больше. Сигареты, в случае надобности, обязан предложить спутник дамы, он же за все расплачивался, документы даму не интересовали, она даже не знала, что это такое. Ключи? Какие ключи? Прислуга всегда откроет дверь. Познания я эти почерпнула из книг. Читиво то еще — должно быть, довоенное...

Так вот, вытряхнули мы содержимое своих сумок и принялись откладывать лишь необходимые вещи. Давайте по порядку. Паспорт, загранпаспорт, документы на машину, права и ключи от зажигания, страховки — уже целая куча. Портмоне и кошелек с мелочью, тоже порядочный вес, кредитные карточки, ключи от квартиры, пудреница с зеркальцем, пишущие орудия, носовые платки, вроде бы легкие, но все же... Пилка для ногтей, сигареты, зажигалка, походная пепельница — это у меня, зато у них больше косметики. Календарик, блокнотик. Пожалуйста, только самое необходимое!

Сложили в сумочки — получите вашу неподъемную тяжесть.

Конец отступлению.

Итак, рухнули мы на стулья в кафе. Хотелось бы избавиться и от балласта. Повесить сумку на спинку стула? Хорошо бы, но не всякий стул выдержит. А кроме того, несподручно каждый раз лезть к себе за спину, желая извлечь из сумки то или се. Удобнее положить сумку на свободный стул. Опять же, не всегда такой стул найдется. За нашим столиком не нашлось. Мы огляделись.

— Вон та расфуфыренная перечница заняла целых три стула! Может, отобрать у нее один?

Роберт говорил о даме приблизительно моего возраста, но сильно молодящейся. Выпендрилась, как на свадьбу. И макияж, и одежда... невооруженным глазом видно, что изо всех сил

пытается стряхнуть с себя возраст, да не очень-то это у нее получается.

На следующий день ситуация повторяется. Опять осматриваемся в поисках свободного стула.

— Есть! — радуется Моника. — Вон там, там! Видите? Та самая охмуренная горчицница!

Сначала мы не поняли, потом дошло.

Если бы у Моника была возможность хотя бы месяца три пожить на родине, она говорила бы, как и положено прирожденной польке.

Полагаю, хватит развлекаться, пора заняться и серьезным делом.

Все люди делятся на две категории: одни должны показываться миру, а другие нет. Ведь существуют профессии, представители которых просто обязаны заботиться о своем внешнем виде. А есть профессии, для представителей которых внешний вид не имеет значения.

Актер, телеведущий, манекенщица, певица, артисты эстрады... Люди, по долгу службы обязанные производить хорошее впечатление: продавщица, медсестра, стюардесса, официантка, да просто служащие, постоянно имеющие дело с людьми. Из элементарного уважения к ним они обязаны выглядеть прилично, и кое-кому это стоит немалых усилий. Что ж, *poblesse oblige*, как говорится, положение обязывает.

С другой стороны, абсолютно никакого значения не имеет внешность в таких профессиях, как дровосек, писатель, художник, швея-мотористка или кухарка. Переpletчик тоже может позволить себе не думать о том, как он выглядит, если работает дома. На качестве труда всех перечисленных выше специалистов никоим образом не сказывается ни лысина, ни роскошная шевелюра, ни прекрасные зубы, ни полное отсутствие таковых. Да-да, художник может создавать шедевры независимо от того, лыс он, беззуб или с бородой до пояса. Поэт создает прекрасную лирику, пребывая в самом расхристанном виде, и это не мешает его стихам быть гениальными. Опять же, скульптор имеет право ваять чудную статую хоть в драных подштанниках, это его личное дело. Предполагается, что на публичное обозрение будет выставлена его скульптура, а не он сам. Главное — результат труда, а не внешность трудяди.

Но в наши дни все изменилось. Новомодные веяния заставляют человека бросать любимое занятие и мчаться вставлять зубы, покупать новые подштанники взамен заношенных любимых, влезать в пошлый пиджачишко, краситься, бриться,

стричься. И все ради чего? А ради того, чтобы выставить себя на всеобщее обозрение. А именно — в телевизоре.

В наши времена телевидение превратилось в настоящую напасть. Кого только в телевизоре не увидишь. Одни лезут туда по собственной воле, других тащат силком. И никому нет никакого дела, хочешь ты в телевизор или нет.

А если у несчастного художника одна нога короче другой и он старательно скрывал свою колченогость? А у несчастной писательницы возраст, четыре подбородка и косоглазие и она вовсе не желает все это публично демонстрировать? Может, она пишет свои романы от первого лица и героиня — авторское «я» писателя — молодая прекрасная женщина, а тут вдруг взорам читателей предстает старая развалина? Поклонники в шоке.

У нас в стране есть певица с удивительно чарующим голосом. Так наше телевидение вдруг решило представить ее на голубом экране, причем предварительно ее попросили что-нибудь сказать телезрителям. Этим своим чарующим голосом. В результате вся общественность возопила в ужасе:

— Господи помилуй, пусть она только поет, не заставляйте ее говорить!

Как-то я своими ушами слышала признание нашей известной писательницы Магдалены Самозванец на вечере в Союзе литераторов: «Я не умею говорить, я умею только писать!» И это было все, что она сказала от себя, далее читала по бумажке заранее написанное.

Да, уметь все — удел далеко не каждого!

В журналистах чрезвычайно развит стадный инстинкт, куда один, туда сразу же устремляется вся отара. Все сразу же подхватывают мелькнувшую тему и упомянутого кем-то автора. Ну точь-в-точь как в дни моей молодости вели себя владельцы огородных участков вокруг Варшавы. Какая-то светлая голова занялась помидорами и неплохо на них заработала, тут же все последовали примеру первого счастливого, помидорами завалили город, он уже лопался от них, никто их больше не покупал. Тогда другая светлая голова вспомнила об огурцах, переключилась на огурцы, потом настал черед цветной капусты, и она дружными кудрявыми рядами двинулась в наступление на несчастного варшавянина... Так вот, журналисты действуют по такому же методу. Кто-то первым выискал автора, давай эксплуатировать его, вся свора кидается на беднягу и ну пичкать им телезрителя. Результат — автор раз и навсегда опротивел всем; увидев в очередной раз его физиономию на экране или в газете, человек лишь плюнет в сердцах.

Вот такое счастье выпало однажды и мне, и очень быстро я

опротивела сама себе.

И тут еще обратите внимание на такой парадокс. У нас все помешаны на правах человека, и с такой же страстью журналисты лезут в приватную жизнь этого самого человека. Начал наверняка кто-то первым, униженная жертва почему-то не подала в суд на обидчика, тот не заплатил ни копейки за «клубничку», и другие, глядя на первого негодяя, осмелели и галопом поскакали по проторенной дорожке. А читатель, слушатель, зритель — то есть потребитель — с бьющимся сердцем и горящими глазами поглощает сенсации одну за другой.

Естественно, среди сенсаций на первом месте проблема всех времен и народов: кто с кем спит? Дальше, ноздря в ноздю, следуют остальные животрепещущие темы: сколько у паршивца денег, как он их расходует, какие у него есть дурные привычки и, еще лучше, извращения, когда родился, какова его сексуальная ориентация, что у него со здоровьем, какие болезни скрывает, какие у него пристрастия... Не остаются без внимания и предки бедолаги. Хорошо бы у него мамаша оказалась психопаткой, а папаша — алкоголиком или наркоманом, а вот если в роду есть дедуля маньяк-убийца и бабуля, пожирившая всех своих младенцев... Стоп! С бабулей будут проблемы, ведь хотя бы один младенец у нее должен был выжить, без детей, увы, не бывает и внуков.

Вот еще чудесная тема — образ жизни. На всеобщее обозрение выволокли очередную знаменитость, неважно, нобелевского лауреата по физике или эстрадную певичку-попрыгунчика. Что он (она) ест на завтрак, каким образом работает (с попрыгуньей ясно — дрыгается на эстраде и притворяется певицей, с лауреатом сложнее), когда ходит на прогулки и ходит ли вообще, когда и как (поподробнее) моется, во сколько ложится спать. Немного о нижнем белье... И так до бесконечности. Зачем все это? Не верю я, что, не зная всех этих подробностей, потребитель не захочет прочитать книгу, ознакомиться с достижением физики, посмотреть картину или кинофильм, послушать песню...

Впрочем, что касается пожеланий потребителя, я могу и ошибаться, ведь каждый судит по себе. Я, например, люблю читать, вот, скажем, произведения... Нет, минутку, не скажу, чьи произведения, ведь кто знает, не привлекут ли меня к ответственности за оскорбление писательницы. Скажем лучше так: люблю читать произведения одной писательницы. И вдруг узнаю, что столь симпатичная мне авторша, творчество которой я высоко ценю, — жуткая баба, отвратительная, циничная, насквозь лживая и вообще на редкость вредная и мерзкая. Чего стоит хотя

бы ее любимое занятие — топить маленьких котят! А очень ценимый мною автор (с таким же успехом может быть любимый актер) — законченный хам, алкоголик, наркоман, да к тому же голубой.

В скобках замечу — я вовсе не толерантна по отношению к гомосексуалистам, более того, мы с ними по разные стороны баррикад. Для меня, как-никак женщины, пусть и бывшей, просто невозможно примириться с тем, что мужчина добровольно сам себя заранее списывает в расход. Я по природе своей не выношу расточительности, ну не люблю я, когда добро зазря пропадает.

Но вернемся к основной теме. Книги я буду все равно читать и фильмы смотреть, но вот все чаще замечаю, что повсюду, там и тут, начинает проступать второе дно. Несимпатичное такое. Сначала сомнение возникает, потом разочарование, и вдруг чувствую — не хочу дальше читать. А вдруг и автор этой книги...

Объясняется такая повальная мода на интервью тем, что якобы люди хотят знать... Да неправда это! В них попросту долбили, что они хотят все знать.

И в результате жертва модной эпидемии, вместо того чтобы сидеть и писать, вместо того чтобы создавать картины и ваять статуи, вместо того чтобы с наслаждением сочинять за любимым пианино очередной опус, вместо того чтобы готовить потрясающие блюда, начинает разъезжать по всевозможным выставкам и ярмаркам, направо и налево раздавать интервью, теряя на том силы и здоровье. Я так и вижу несчастного оглохшего Бетховена на встрече с фанатами, которые сами не знают, что им важнее — музыка гения или то, как он выглядит. А, ну конечно, интересно, как он станет отвечать на вопросы, которых не слышит. А ведь Бетховен любой ценой старался скрыть глухоту. Представляю, какой у него был бы бледный вид, попади он в лапы своры сегодняшних журналистов.

Недавно смотрела передачу с известным человеком, умной и симпатичной женщиной. Ей умудрились задать преидиотский вопрос:

— Как вы реагируете на комплименты?

Что отвечать несчастной? Предлагаю ряд вариантов. Можно агрессивно поинтересоваться — а как реагируете вы? И дальше: сразу бью в морду; плююсь и перехожу на другую сторону улицы; кокетливо хихикаю; начинаю рыдать. Полагаю, что после такого ответа интервью покатило бы по совсем не запланированным рельсам, но, во всяком случае, стало бы интересным. Тем более что дальше задали массу еще более тупых вопросов, и большинство начиналось с «А что вы чувствуете?..». На каждый

вопрос этой журналистки следовало дать один ответ: «Глубочайшее отвращение к вам».

Но самое странное, эта журналистка внешне производила очень приятное впечатление, казалась девушкой неглупой и воспитанной. Так какой же кретин выдумал все эти вопросы?

Увы, не в силах я понять этот феномен наших средств массовой информации. Ведь кто-то же обдумывает программу, кто-то работает над сценарием передачи. И все равно в семидесяти процентах случаев получается такая вот хреновина. Даже самому остроумному собеседнику не пробраться сквозь дебильную мертвятину запланированных вопросов и сюжетов. Пусть тема самая что ни на есть интересная, но автор передачи непременно умудрится сварганить пошлейшую безвкусную кашу без соли и сахара. Любая интересная мысль, любое свежее замечание или промелькнувший остроумный кадр будут безжалостно вырезаны при монтаже, а ежели живости и свежести окажется слишком много, то программу попросту не выпустят в эфир.

Потому что... Вот именно — почему? Потому что будет интересно? Узнаешь что-то новое? Да кто же, в конце концов, решает, что для нас интересно, а что нет? Непостижимо.

Журналист, как ни странно, тоже живой человек, и порой у него может получиться что-то путное; случается, что журналисты приходят вовремя и даже разговаривают вежливо. Не всегда, конечно, но все же и такое бывает, врать не стану. Но как бы ваша беседа ни складывалась, на бумаге потом выйдет полнейшая чушь и мерзотная гадость. Кого только из меня не делали! И какую-то блатную проныру, чуть ли не мафиози, курирующую все варшавские новостройки; конченную алкоголичку; антисемитку; эротоманку... Ну и что? Меня от этих глупостей не убыло и не прибыло, какая была, такая и осталась. А сколько раз переверали моих родственников, моих любимых теток, которых я охотно делала героинями своих книг, сколько раз путали моих сыновей... Их у меня всего-то двое, даже странно, как в них можно запутаться. Хорошо еще, в дочерей не превратили... А каких только высказываний мне не приписывали, я уже не говорю о мировоззрениях.

Интересно вышло с расизмом. Почему-то расисткой меня не объявляли, а ведь запросто могли бы. Уж сколько представителей самых всевозможных рас и национальностей побывало в моих книгах — и не перечсть! Негров, скажем, я раз восемь поминала, иногда положительно-уважительно, иногда, напротив, отрицательно, но всегда речь шла о конкретном человеке. В целом к чернокожим персонам я отношусь совершенно

нормально, ненавижу лишь одного, который в Канаде чуть не прикончил меня, а вот к семерым прониклась искренней симпатией... Впрочем, нет, вру, к восьмерым... Ох, грядет, похоже, очередное отступление...

Вот я все ругаю других, а о своей собственной компрометации как-то не удосужилась написать. Чего там, возьму и напишу.

Точно не помню... ну вот снова одно и то же. Ничего подобного, прекрасно я все помню, нечего преувеличивать размеры моего склероза, болезнь пока в легкой форме.

В тот раз возвращалась я домой после лечения, к сожалению крайне недолгого, в одной из приморских лечебниц Франции. В Париже для меня был заказан номер в хорошо знакомом мне отеле «Сесилия». Там, в Париже, мне предстояло встретиться с Витеком, который взял на себя все хлопоты по моему возвращению.

Казалось, все шло прекрасно, но настроение у меня было препоганое.

И вот почему. Мне часто дают понять, что мои интервью выходят какие-то слишком интимные, — так почему бы мне не поинтимничать и в своей собственной книге? Когда я разговариваю с журналистом, то обычно забываю, что даю интервью, вот и болтаю обо всем на свете, а поскольку болтовня моя сильно зависит от настроения, то иногда получается так, а иногда — эдак, но обязательно с какими-нибудь приватными подробностями из моей жизни. А журналисты-то и рады-радешеньки.

Будучи в лечебнице, я читала в местной прессе (которую покупала ежедневно из-за подробных прогнозов погоды и указания времени приливов и отливов) о беспорядках в Париже — погромах, пожарах, бесчинствующих молодчиках из национальных меньшинств, недовольных тем, как им живется во Франции. Да и родные и знакомые звонили из Польши, предупреждали об опасности и советовали возвращаться не через Париж, а другим путем. В Париже ужас что творится, весь город в огне и вообще революция. Я, разумеется, разозлилась, у меня в Париже были дела, а менять свои планы я не привыкла. А главное дело было таким: купить яд, каким травят улиток.

Ничуть не сомневаюсь, что улиточную отраву можно приобрести в любом французском городишке, ведь эта страна поголовно питается салатом, которым, в свою очередь, привыкли питаться улитки. Нет другой страны в мире, где так же интересуются улитками, как во Франции, без оружия против них

французы не могли бы существовать. Но я уже настроилась на Париж, знала, в каком магазине могу купить отраву, а главное, как до этого магазина добраться. Кроме того, в Париже меня ждал Витек. Французского он не знает, так что прошу не морочить мне голову всякими там иноверцами и революциями. В Париж я все равно поеду!

Уезжала я в воскресенье. По глупости. Дурное настроение мешало мыслить здраво, отсюда и решение приняла дурее некуда. А настроение мне испортило казино. Я так по-идиотски проигралась в этом казино, что и говорить стыдно! Главное, заранее знала, что останусь в проигрыше, разум подсказывал — надеяться не на что. Ведь это же был неудачный год...

А неудачным он был потому... О, вижу, мое отступление разрастается и принимает размеры огромного воздушного шара, а я все надуваю и надуваю его. Ничего не поделаешь, раз начала, надую до конца. Знаю, читателю особенно интересно узнать о глупостях, совершенных автором, так пожалуйста, наслаждайтесь, — выкладываю все как есть. Другие бы непременно кинулись рассуждать на общие темы или ударились в политику. Не бойтесь, уж я-то в политику не ударюсь, скорее меня ударят, если тут же не пристрелят или не посадят за решетку заодно с паном Рывиным^[2] — как лицо, опасное для властей.

Поэтому к черту политику, а неудачным год получился потому, что Витек в канун Нового года одним движением раскокал сразу четыре бокала. Мы по глупости сочли, что посуда бьется к счастью, и как-то не приняли во внимание мелочь — разбилось-то четное число бокалов, а наступивший год был нечетным — 2005-м. Никто из нас не знал, имеет ли значение четность или нечетность количества разбитой посуды. Знай заранее, я бы молниеносно подсунула Витеку для разбития пятый бокал. Но я этого не сделала. И вот вам результат.

Год оказался потрясающе и абсолютно неудачным, причем для всех, но сейчас не стану останавливаться на подробностях, иначе мне не выползти из этого отступления до конца моих дней. В казино я только и знала, что проигрывала... Ну вот, не выдержала, начала... Казино — моя застарелая страсть. Зная, что меня ждет, я к минимуму свела посещения казино, пальцев на одной руке хватит, чтобы их сосчитать, да и то один раз меня явно оберегала милосердная высшая сила, благодаря которой я по ошибке взяла с собой уже недействительную кредитную карточку вместо новой.

Было это, к сожалению, не на последнем курорте, там, увы, все карточки оказались действительны, и я только удивляюсь, что

мне хватило денег на обратный путь.

Это первая причина моего дурного настроения. Теперь два слова о второй.

В прошлый раз по окончании последнего тома своей «Автобиографии» я завершила несчастного «Пафнутия». Вот не везет медведю, сама не знаю почему, он же такой симпатичный... А в последнее время опять возобновились переговоры насчет новой книги о медведе, но, боюсь, ничего из этого не выйдет, уж очень невезучий мой мишка. Тем более что в курортном казино я нашла автомат, главным выигрышем которого был именно медведь. Это вовсе не означает, что в качестве приза выигравшему вручали плюшевого медвежонка, вовсе нет, просто изображение медведя фигурировало в сочетании, определявшем главный выигрыш.

Я обрадовалась, увидев медведя в такой значительной роли и, как безнадежная идиотка, загадала: если выиграю на медвежьем игорном аппарате, новый «Пафнутий» сдвинется с места.

Естественно, как и каждому идиоту, поначалу мне везло, я уже выиграла восемьсот евро, но ведь я мечтала о главном выигрыше! Тоже не бог весть какие золотые горы, всего-то три тысячи семьсот пятьдесят евро. На любом покерном автомате я могла бы и двадцать тысяч выиграть, но для меня важен был символ. Ведь я же ЗАГАДАЛА!

Всего один раз вынула я из медвежьего автомата денежки, те самые восемьсот евро, и сделала это лишь потому, что голод погнал меня в ресторан. Ну и разумеется, за время моего отсутствия к автомату подсел какой-то негодяй и выиграл на нем тысячу двести евро! Вернувшись, я поняла, что теперь автомат мне ни гроша не выдаст...

Вот и считайте — во-первых, я осталась в проигрыше, а во-вторых, потеряла надежды на возобновление книги о Пафнутии. Это вторая причина моего дурного настроения. Всякая мелочь, усугублявшая его, не в счет. Ну разве что отсветы парижских пожаров...

Пожары пылали на северных окраинах Парижа, в Клиши.

Туда я не собиралась, моя гостиница и вообще все дела были связаны скорее с юго-западными перифериями столицы. Нельзя, однако, не учитывать моего потрясающего умения заблудиться в трех соснах. Зная за собой таковую склонность, я по уши переполнилась дурными предчувствиями.

Это и в самом деле был неудачный год. Дурные предчувствия оправдались, но вовсе не там, где я думала. Основательно и радикально я заблудилась, покидая свой курорт. Утешалась тем,

что зато теперь отлично знаю, как прямо с автострады можно попасть в мой отель «Ройяль» и на отличные пляжи. Надо только все хорошенько запомнить, чтобы на будущий год выехать прямо туда, а не мучиться, как в этом году. Зато в Париже, с трудом стараясь удержать в памяти слова «восток» и «запад» на иностранных языках, причем мне очень помогал в этом достопамятный лозунг «Drang nach Osten», вся в нервах и напряженная как струна, выскочила я на западный участок Окружной и к своему отелю, как по линейке.

Свершив такой подвиг, я, наверное от облегчения, а скорее всего, просто от старости, чего уж тут притворяться, совсем обессилела. До моего измученного мозга почему-то именно тогда дошло, какие глупости он сотворил, заставив меня переться через Париж в столь смутное время, да еще в воскресенье. Все съезжаются к началу рабочей недели, одни уже приехали, другие еще едут, улицы плотно заставлены автомобилями, бампер в бампер, а мне надо приткнуть где-то машину, зарегистрироваться в отеле, перетащить багаж, основательно припарковаться...

Как поступила я? Как обычно. Машину бросила посередине мостовой с мигающей аварийкой, сама умчалась. Слава богу, это был Париж, а не Варшава, машину не тронули. Предъявив паспорт, я получила ключи от номера, вернулась к машине и поспешила к подземному гаражу на Рю-Мак-Магон. Я уже знала, где там въезд, где выезд и даже каким образом оплачивают парковку.

В подземелье творилось то же, что и на улице. Привыкшая парковаться на самом верхнем уровне, да еще сразу у въезда, я малость разозлилась, не найдя там ни одного свободного места. Злость, как известно, до добра не доводит. Сохрани я спокойствие, авось сообразила бы, увидев суетившихся возле одной машины людей с вещами и распахнутым багажником, что они вот-вот уедут. Казалось бы, очевидно, но до меня не дошло.

Может, я и в самом деле с годами поглупела?

Смертельно обиженная (вот только на кого?!), я спустилась на один этаж. И поняла — все, больше не могу. Не могу крутиться, хлопотать, вообще двигаться и заставлять себя соображать. Скорее, скорее покончить с этой парковкой и отдохнуть, умыться, вытянуться на мягком диване и закрыть глаза.

И тут я отмочила такое, что и описать-то не знаю как. Легче нарисовать, но как-то негоже ради одной-единственной сцены, правда, достойной комикса, приглашать художника. Стоп, какие еще комиксы? Из моей жизни? Через мой труп!

Попробую все же как-то попонятнее описать. Припарковалась

я так, что лучше бы сразу повеситься. Увидела свободную дырку и резко зарулила туда, не оставив никакого шанса проехать дальше ни одной машине. А самое главное — встала так, что начисто лишила себя возможности маневрировать, не задев соседних машин. Остановилась и замерла за рулем, как мышь под метлой, боясь пошевелиться. Ну не дура ли? Чего испугалась? Тысячу лет за рулем, прекрасно знаю, как в таких случаях действовать, — потихоньку-полегоньку, взад-вперед. Выбиралась и из более жутких положений. Если бы я могла с часок отдохнуть, легко справилась бы с проблемой, но в голову лезло — а вдруг вот этот, слева, захочет уехать через пять минут?

Так и сидела в машине одеревеневшим бараном, даже подумала — буду так сидеть до посинения, завтра придет Витек, он уж вытащит как-нибудь меня отсюда. И уже не имело значения, как Витек догадается, что я застряла в подземном гараже, как, не зная французского, разыщет меня? Находит на меня иногда такое, безумная, иррациональная надежда, помните, как тогда, в Байонне, я мечтала — вот сейчас прилетит транспортный военный вертолет... Тогда я выехала сама, может, и сейчас смогу, только вот еще немного посижу камнем, собираясь с силами. Совсем чуточку...

И тут вдруг ко мне подходит негр. Большой, элегантный и вообще такой весь из себя импозантный, и вежливо интересуется:

— Мадам желает выехать или припарковаться?

Уже сам вопрос яснее ясного говорит о том, как я выглядела, не правда ли?

Ему я выложила все! Призналась, что малость неудачно повернула, желая занять место, а теперь не знаю, хватит ли у меня в случае чего денег рассчитаться с этим, слева, за поцарапанное крыло и свернутое набок зеркало, потому как проигралась в казино в пух и прах, а проигралась из-за того, что год вообще неудачный, да еще и старая я стала... Тогда негр попросил меня разрешить ему припарковать мою машину. По его мнению, это удобнее сделать задним ходом.

Я позволила негру поступать по его разумению. Успела, правда, вырвать из багажника последнюю оставленную там торбу, а потом помогала, стоя рядом, — еще сантиметр, еще половинку. Да легче легкого, если бы мне кто так показывал, я бы тоже задом припарковалась.

Затем спросила, он тут трудится или как. Нет, обыкновенный автовладелец, пользуется всегда этим гаражом. Так что о чаевых и речи не могло быть, я бы его обидела. Мы еще немного поговорили, я поблагодарила от всего сердца и полюбила этого человека.

А кто-то еще осмеливался обозвать меня расисткой!

Чтобы закруглиться с темой. На следующий день на стоянке перед моим отелем было полно свободных мест, так что приехавший Витек удивлялся, что у меня возникли какие-то проблемы с парковкой.

Вот и конец отступлению. Первому.

Второе отступление неразрывно связано с третьим.

Когда я первый раз приехала в Трувиль и проживала в отеле «Меркурий», то однажды засиделась в казино допоздна и вышла голодная, как вампир на безлюдье. Где в это время можно поесть? В казино ресторан давно закрылся и работал только бар, где запросто можно упиться до бесчувствия, но еды никакой не получишь. Я двинулась по набережной и убедилась, что и все закусочные закрылись, кроме одной-единственной — рядом с моим отелем и с видом на море, но сейчас мне было не до видов.

Войдя в забегаловку, я села за столик у большого окна и заказала устрицы, ясное дело. Двенадцать штук, как всегда.

Официант, а возможно, и владелец заведения уговорил меня заказать восемнадцать штук. Потом я поняла почему, а тогда, вначале, лишь удивилась: ведь в прибрежных местечках Франции устрицы дешевы, так что на мне он бы не слишком нажился. Удивилась, но довольно легко дала себя уговорить.

В ожидании заказа смотрела в окно. На террасе за двумя сдвинутыми столиками сидела компания молодых людей, две девушки и два парня. А, вспомнила, из-за них я вошла внутрь, не люблю толкучку. Молодежь, похоже, уже давно развлекалась за хорошо накрытым столом с вином и яствами. Поскольку они оказались у меня под носом, я от нечего делать рассматривала их.

Но вот мне принесли заказ, те самые восемнадцать устриц, и оказалось, что это номер zero. То есть самые крупные из всех устриц, потому что в устрицах нумерация идет в обратном порядке, ну прямо совсем как мои отступления. Самые крупные устрицы получают нулевой номер, самые мелкие — третий, за ними идут лишь самые малюсенькие папильоны. Я обычно предпочитаю второй номер, средние по размеру, тройка тоже сойдет, хотя и маловаты, единица — слишком крупные, а вот zero... Спятить можно, до чего большие, к тому же восемнадцать штук!

Сознаюсь, что, доедая восемнадцатую, я в тоске подумала — завтра, пожалуй, уже не закажу устриц. Что угодно, только не устрицы. (В скобках сразу замечу, что назавтра я, конечно же, с аппетитом поглощала любимые устрицы.)

И хотя не в устрицах тут дело, но из-за них я засиделась в

кафе дольше обычного и стала свидетельницей интересного прецедента. Заглатывая устрицы, я пялилась в окно и заметила, что молодежь за столиком совсем уж оживилась. Заказали роскошный десерт, еще две бутылки вина, обе успели ополовинить, после чего между парнями вспыхнула ссора. Словесная перепалка скоро перешла в самую что ни на есть настоящую драку. Покончив с семнадцатой устрицей, я вынуждена была передохнуть, благодаря чему в подробностях разглядела финал ссоры. Парни поначалу лишь обменивались резкими словами, молодые дамы пытались их успокоить, но безуспешно. А затем один из парней дал затрещину другому. Тот в гневе вскочил и кинулся на обидчика, но зачинщик драки, явно испугавшись, не стал ждать возмездия и пустился наутек. Обиженный бросился за ним, оба скрылись за углом. Молодые дамы тоже вскочили, понервничали, помедлили, взволнованно глядя в ту сторону, куда убежали кавалеры, а затем и сами туда же устремились, размахивая руками и выкрикивая нечто, призывающее их кавалеров успокоиться.

И вот вся компания исчезла, терраса опустела, а я с тоской доела восемнадцатую устрицу. И тут выяснились две вещи.

Первую я отгадала самостоятельно, а именно — почему меня уговорили съесть восемнадцать устриц. Скорее всего, у хозяина быстро заканчивался начатый бочонок, не хотелось, чтобы оставшиеся шесть испортились, ведь я была наверняка последним клиентом в ту ночь, вот хозяин и решил их скормить бабе. О второй вещи еще долго говорили в забегаловке.

Компания удрала с террасы, не заплатив по счету. Поели от души, вино выпили, последний заказ был сделан явно напоказ, как и ссора — инсценирована, конечно. Все четверо исчезли как сон, как утренний туман, ищи-свищи. Оказалось, что сообразительная безденежная молодежь часто разыгрывает такие спектакли, но эти были просто талантливые актеры, у них все получилось совершенно натурально. Я готова была поклясться, что они от души веселятся, празднуя какое-то событие, и уже подумывала — не слишком ли веселятся, не придется ли вызывать полицию. Того же опасался и обслуживающий персонал кафе, и никто не сомневался, что сбежавшие вот-вот вернутся и честно расплатятся. Подождали мы, как идиоты, пару минут, официант даже сбегал за угол, посмотреть на драку, но там не оказалось ни души.

К счастью, это была Франция. Французы умеют ценить юмор и выдумку, как привыкли вообще ценить талантливое в искусстве, так что обслуживающий персонал хоть и остался в дураках, хоть и ругался последними словами, но все закончилось общим смехом.

А кое-кто даже позволил себе восхититься артистичностью жуликов.

Неудивительно, что этот вечер мне запомнился, а потом я рассказала о нем детям.

Когда мы жили в Трувиле, ужинали в разных закусочных и ресторанах. Если это были маленькие кафе, названия которых я до сих пор не знаю, то мы сами давали им названия. Говорили: пошли к ворюге, к пьянчуге, к негру...

«Ворюгой» обозвали несчастного владельца кафе, где произошло описанное мною событие. «Пьянчугой»... нет, владелец кафе не был алкоголиком, как и первый не был вором. Просто когда мы посетили его кафе, то столкнулись там с пьяницей, который пытался завязать с нами дружбу...

Нет, по порядку. В том кафе намного больше хлопот доставил нам другой посетитель, приблизительно моего возраста, который, будучи абсолютно трезвым, вдруг принялся объясняться в любви юной Монике, уговаривая ее стать его женой. Правда, перед этим немного посомневался, кого выбрать, девушку или ее мать Зосю, но вовремя понял, что у Роберта есть кое-какие права на вторую даму, и престарелый Ромео выбрал свободную особу женского пола. Обо мне как-то и не подумал, уж не знаю почему... Из-за этой истории мы какое-то время избегали кафе пьянчуги, но потом все же вернулись, уж больно хорошим было там красное вино. Пьянчуга нам не очень досаждал, зато досаждал прислуге. Напившись за столиком, он пристраивался у стойки бара и принимался развлекать посетителей, разбивая бокалы. Нас удивляло безграничное терпение официантов и вышибалы, а когда мы деликатно и ненавязчиво как-то поинтересовались, отчего они не вытолкали его вшаей, выяснилось, что упомянутый пьянчуга приходится владельцу кафе каким-то родственником и вообще постоянный посетитель, к тому же выгодный, неизменно щедро расплачивается.

Что же касается негра... Это был просто официант, и он один из немногих отнесся к нам по-человечески.

Сейчас поясню. Во Франции с большой строгостью подходят к часам приема пищи. Всеу свое время. И даже если человек умирает с голоду, в пять часов пополудни он нигде не получит еды. Вот так. Кофе, правда, ему подадут, а также пирожное, мороженое, какие-нибудь пустяковые закуски, но ничего основательного в этот час не дождешься ни в одном из заведений во всей стране. Французы привыкли и не жалуются, иностранцу же придется туго, если он прозеваает время, специально предусмотренное для приема пищи.

Завтракать можно до одиннадцати, иногда до двенадцати,

второй завтрак начинается в час, иногда в полвторого, но после шестнадцати вас нигде не накормят. Прозевал человек паршивый второй завтрак, почему-то не проголодался в положенное время, захотелось ему поесть, скажем, в полпятого, в пять... Как же! Восемнадцать тридцать — не раньше, и то не везде, чаще обед подадут лишь в девятнадцать, а то и в девятнадцать тридцать...

Лично я уже к этому привыкла, и мне удалось даже полюбить чувство голода, иначе хоть кричи.

Но на курорте в то знойное лето, когда вся жизнь городка зависела от прилива и отлива моря, мы с Моникой порядком намучились. Именно тогда и спас нас негр, который не побоялся подавать нам еду даже в семнадцать тридцать. Вот сколь беспредельна была его человечность! За что я от всего сердца и желаю ему всяческих успехов в жизни!

Что ж, пожалуй, самое время вернуться к основной теме... хотя уже и сама не знаю, какая же она, основная.

Как я уже позволила себе заметить, первое место среди новомодных безобразий, я бы даже сказала — среди модных безобразных безумств, занимает одержимость телевидением. А первенство по части безобразности оно держит в силу нескольких причин, из которых важнейшую я назову в конце.

Во-первых, все новости, с картинками и без, телевидение распространяет среди самой широкой аудитории. И даже если кто-то не умеет читать и плохо слышит, то хотя бы увидит. По картинке догадается, о чем речь. Если же окажется настолько глупым, что все равно не догадается, то тем лучше для него.

Во-вторых, качество телеинформации для телевидения никакой роли не играет. Кроме, разумеется, тех программ, которые именуются государственными, хотя, откровенно говоря, я уже и сама не знаю, как назвать эти программы и в чьем ведении они находятся. Может, они вовсе и не государственные, а, так сказать, кооперативные, что ли? Содержание этих передач старательно просеивается, тщательно подбираются дикторы и обозреватели, а также корреспонденты, мужчины и женщины, которые львиную долю отведенного им времени отдают гласным. Первое место среди последних занимают бесконечные э-э-э-э-э, сразу же за э-э-э-э-э следуют а-а-а-а-а, остальные употребляются более-менее равномерно.

В-третьих, учитывая, что так называемый рейтинг популярности обратно пропорционален уровню передачи, то самый высокий рейтинг легко смоделировать. Камера может привлечь наше внимание к голой заднице певца, у которого во время выступления лопнули штаны. Или к какому-нибудь

премьеру или президенту, если он будет демонстрировать состояние, близкое к свинскому, — по причине пьянства.

В-четвертых, и это самое главное, телевидение распоясалось.

Возможно, в этом нет вины самого телевидения, оно просто отвечает потребностям общества. К сожалению, я не знакома со статистикой, но не исключено, что примерно три четверти народонаселения нашей планеты мечтает выступить публично. Помаячить на телеэкране. Может, это будет счастливейший момент в их жизни? А телевидение выступает в роли верховного божества, скупко одаривающего человечество своими милостями.

Ну и нельзя не упомянуть о свинском отношении к зрителям. Конечно, это мелочь, но как же наглядно она показывает суть современного телевидения! Ничего не стоит внести изменения в программу, задержать или вовсе отменить ту или иную передачу. И кому какое дело, что зрители ждут именно ее. Телевидению на зрителя начхать.

Здесь, полагаю, самое подходящее место для того, чтобы самой извиниться перед читателями за то, что я их нечаянно подводила. Да, бывало и такое. Но виной тому случайности. Случайность — поразительно странная штука, абсолютно непостижимое явление, с которым невозможно бороться.

Судите сами. Например, спокойный день, когда у меня не намечено никаких встреч, когда я живу как нормальный человек, завтракаю не торопясь, кормлю кошек, читаю, работаю, а на вечер у меня запланирован просмотр телепрограммы, которая и длиться-то будет всего двадцать две минуты... Так почему за эти несчастные двадцать две минуты мне обязательно позвонят шесть человек?! Будто сговорились! Почему именно в те мгновения, когда передают прогноз погоды в варшавском регионе, непременно кто-нибудь звонит у калитки? Я редко смотрю телевизор, но почему именно тогда, когда я собираюсь что-нибудь посмотреть, обязательно заявится нежданный гость? Это что же, все нарочно кем-то подстроено?

В предыдущих томах «Автобиографии» я описала несколько случаев совершенно идиотских стечений обстоятельств, рассказывать о них снова нет нужды. Почему Веслава, коллегу с моей прежней работы, я встречаю все эти годы только в аэропортах, причем мы направляемся в разные стороны света? А с моей подругой Аней, которая живет через улицу от меня, я непременно столкнусь у подножия Эйфелевой башни?

И почему, если у меня под рукой два телефона, обязательно зазвонит третий, что на другом конце дома? А когда мне захочется подольше побыть в ванной, примутся звонить все три?

Флюиды, что ли, какие мы высылаем друг другу, ведь не мне одной так везет. Кто-то сидит и подстерегает, чтобы намеренно заставить нас врасплох?

И вот еще вспомнилось. Когда я работала в архитектурной мастерской, остались мы как-то с коллегами на сверхурочные. А два сотрудника ушли в обычное время. Дело было летом, каждый из них лишь снял рабочий халат, надел пиджак и был таков.

Через полчаса один из них вернулся. Ворвался в мастерскую и принялся оглядываться.

— Что за холера! — начал он. — Вы не видели...

И тут как полоумный влетает второй, взъерошенный и злой, ни слова не говоря набрасывается на первого, сдирает с него пиджак, скидывает пиджак и с себя, швыряет его коллеге, сам молниеносно одевается и исчезает в дверях, все так же молчком. Коллега остался стоять столбом с пиджаком в руках. Все произошло так стремительно, что никто опомниться не успел.

— Видели? Кретин, перепутал пиджаки. Влез в мой и умчался. А я приехал домой, а в кармане вместо ключей его бумажник...

Пиджаки у них были одинаковые, ростом и фигурой они тоже не очень отличались, возможно, кому-то из них пиджак показался чуточку тесен, а другому немного великоват, но ни один не обратил на это внимания. Разница же в реакции на недоразумение объясняется тем, что взъерошенный собирался с дамой в театр и обнаружил подмену пиджака, когда выяснил, что нечем заплатить за такси. Обшарил карманы — только чужие ключи, которые никоим образом не компенсировали отсутствие бумажника с деньгами и билетами. К счастью, таксист не торопился уезжать, не получив денег. Не теряя ни минуты, наш сотрудник развил прямо-таки пожарную скорость и успел на спектакль.

Вообразите, сколько возможностей создает такая малюсенькая оплошность. Ведь они могли уйти с работы не одновременно, или один из них не сразу обнаружил бы недоразумение и спохватился лишь через пару часов... Пришел бы домой, жена открыла дверь, про ключи он бы и не вспомнил. А второй мог навсегда потерять любимую женщину.

Так что случаи и случайности имеют в нашей жизни громадную роль.

Ладно, ладно, возвращаюсь к телевидению.

С приглашенными гостями на телевидении обращаются как с... не скажу как. Впрочем, скажу. Вежливо обращаются. Как с той субстанцией, что покрывает поверхность птичьих островов. Ну, со

всеми этими тоннами жизнедеятельности пернатых. Уловили намеки? Как с гуано обращаются с гостями на ТВ.

Приглашенным участникам передачи (а они как порядочные явились точно к назначенному времени) телевизионщики велют ждать до посинения. Бедным гостям никто не сообщает, когда же выйдет в эфир программа с их участием. С другой стороны, последнее я еще в состоянии понять и даже объяснить человеколюбием телевизионщиков. Если приглашенное лицо вышло замечательно, то оно же лопнет от радости, а если плохо — от стыда. А у нас и так численность населения тает с каждым годом.

Никогда не пошлют запись передачи на кассете, хотя человек названивает, скандалит, пытается дать взятку, а потом начинает грозить поджечь телецентр или сулит физическую расправу с их начальством.

Над сценарием программы обычно никто не думает, участники подобраны случайно. Вот, скажем, передача «Редкие и исчезающие профессии».

О резчиках по дереву или еще из чего. Один прекрасный мастер действительно присутствует, выставлены и его работы. Но почему-то ему в пару подобрали молодого исполнителя собственных произведений, и все внимание камеры на него. А этот тип, неестественно изгибаясь всем телом вперед-назад, вперед-назад, издает какие-то нечеловеческие звуки, похожие на те, которыми во время гона олени увлекают самку. О редких профессиях — ни слова. Или все же подразумеваются олени с их гоном?

Подлецы от телевидения беззастенчиво пользуются непреодолимым желанием человека во что бы то ни стало появиться на телеэкране, ради этого несчастный пойдет на любые унижения. Телевизионщики знают и считают естественным, что большинство наших сограждан, если их пригласили выступить, просто на коленях приползут к зданию ТВ на улице Воронича из своей Белой Подляски (это я наобум назвала первое пришедшее в голову местечко, пусть другие не обижаются), с букетом роз в зубах, и готовы ждать хоть до морковкина заговенья и выступить в компании даже с самим чертом.

Телевидение лжет так, что земля ходуном от их вранья ходит. Вот ТВ приглашает некую особу и жутко удивляется, что данная особа вовсе не горит желанием появиться на экране, не цветет от счастья, а, наоборот, пытается любым способом увильнуть от оказанной ей чести. И тогда сотруднику телевидения, недовольному и злому, приходится эту особу уговаривать. Холера их знает, на кой им вообще понадобилось выступление данной

особы, но сотрудникам велели обеспечить именно ее участие. Разумеется, он пускается во все тяжкие, чтобы заманить капризную особу. Беззастенчиво врет, что речь в передаче пойдет о бездомных животных, которых мучают всякие негодяи; или о бездомных детях, которых тоже мучают негодяи; или о нашем славном здравоохранении, полиции, прокурорах и законности, о лечебных травах, о современной архитектуре. В общем, выбирай не хочу — одна тема интереснее другой. Да еще в прямом эфире! То есть подлецы с телевидения не смогут ничего вырезать. И жертва поддается на уговоры.

Мне неизвестно, сколько людей обманом заманили на ТВ. Однако, в конце концов, я пишу автобиографию, значит, не только имею право, но даже обязана рассказать о собственном опыте.

На телевидение я угодила вовсе не из желания покрасоваться или чтобы меня запечатали для потомков. Мания величия — не черная оспа и не птичий грипп, которые может подхватить любой, она поражает далеко не всех. А я вообще не слишком подвержена всяким инфекциям. О самом себе человек все же кое-что знает — что ему интересно, что доставляет удовольствие, а что — напротив. Я, к примеру, не выношу кальмаров и улиток... Минутку, пардон, это уж совсем не та тема.

Возможно, в своем отношении к выступлению на телевидении я — нетипичное явление. Но ведь никому телевидение так не подгадило, как мне. Три раза оно меня надуло самым бессовестным образом, а известно, что Бог троицу любит, и больше они меня не захомутают.

Из одной передачи меня вырезали мстительно, со злостью и отвращением. И несомненно, справедливо, поскольку я позволила себя втянуть в программу, ведать не ведая, о чем пойдет речь. А пошла она о малолетних преступниках то ли в детдоме, то ли в колонии для несовершеннолетних. Лобовое столкновение маленького лорда Фаунтлероя с циничными подонками так потрясло меня, что я разразилась длинным спичем, явно не устраивающим авторов программы. И меня вышвырнули. Не из зала, а с пленки, и были правы. А маленького лорда Фаунтлероя прошу меня извинить, если ему покажется обидным, что я воспользовалась его именем, но для меня он — воплощение культуры и благородства. Обидеть же я очень хотела режиссера передачи, да с него все мои наскоки как с гуся вода...

В следующий раз с помощью магических слов «прямой эфир» меня опять втянули в нечто такое... Вроде бы о преступности речь шла, как мне позже пояснили.

Не знаю, стоит ли по сотому разу говорить здесь то, что я

думаю о преступности в моем родном краю, писала я об этом тоже много раз, так что ограничусь только коротким заявлением, не ручаясь за его дипломатичность.

Черт побери, в приличной и законопослушной стране должен бояться преступник, а не его жертва! И не полицейский! И сдается мне, не прокурор и не судья.

Снова отступление.

Раз в жизни, когда уж совсем достанут, мне бы хотелось забраться на высокую трибуну сейма, нашего законодательного органа, и с этой высоты произнести ну о-о-очень длинную речь на тему преступности. Чтобы видели и слышали меня в прямом эфире не только в Польше, но и во всем мире. Я бы проехала по нашим кодексам, уголовному и исполнительному, оставив на закуску гражданский, а главное — по обязанностям сидящих передо мной законодателей.

Предложила бы объявить конкурс. С наградами и призами. Сама пожертвую для этой цели все деньги, какие мне удастся выиграть в казино в ближайшие два года.

Итак, конкурс. Кто из вас, глубокоуважаемые законодатели, прочел все своды законов, все законодательные вестники, журналы, ведомости и прочие специальные издания на данную тему, появившиеся со дня окончания Второй мировой войны? Кто изучил и сопоставил противоречащие друг другу законы, указы, постановления и положения, давно ставшие неактуальными, но все еще имеющие силу? Кто всерьез занялся идиотизмом, царящим в нашей стране? Кто позаботился о законах, находящихся в ведении вашего уважаемого законодательного органа? Я спрашиваю — кто?!

И если такой индивидуум есть — пусть станет у нас диктатором, да извинит меня правящий президент.

Далее в своей речи я вплотную займусь одной из самых грандиозных ошибок, одурманивших весь мир, — а именно гуманным отношением к преступникам при полном отсутствии гуманного же отношения к их жертвам. Ведь сейчас, каждому известно, именно преступник заслуживает уважения, внимания и заботы, комфортных условий отсидки, а жертва, и это тоже всякий знает, — бессловесная скотина, сама виновная во всем. Это она злостно, грубо и в циничной форме позволила избить, обокрасть, ограбить и даже, что особенно шокирует, убить себя!

И тут очень прошу разрешить мне прервать мою страстную речь в сейме маленьким лирическим отступлением — не менее страстным, но чисто лингвистического характера. Я о словечке «шокировать». Когда кто-то из политиков всенародно заявляет,

что он ШОКИРОВАН, скажем, бомбардировкой мирных городов или геноцидом ни в чем не повинных мирных жителей, остается лишь руками развести. Что с такого взять, если столь чудовищные преступления его всего-навсего смущают... Вслед за ним и простые, даже культурные люди повторяют, как попугаи: «Я шокирован этим убийством», «Меня шокировали последствия этого катастрофического землетрясения». Уважаемый господин депутат и прочие любители иностранных словечек, загляните в словарь. В польском языке глагол «шокировать» означает — «приводить в смущение нарушением правил приличия». Всего-навсего. Если же вам очень хочется употреблять иностранные слова и очень нравится слово «шок», можете сказать «Я в шоке от увиденного». А еще лучше использовать выразительные слова родного языка «я поражен, возмущен, потрясен» — ведь, надо думать, именно это имел в виду незадачливый политик. И тогда действия преступников будут вызывать ваше возмущение, а не просто смущать вашу хорошо воспитанную душу.

Возвращаюсь к своей воображаемой речи. Итак, наша забота о преступниках. Они должны получать посылки, ежедневно выводиться на прогулки, иметь в камере цветной телевизор и пользоваться еще тысячью всяких поблажек, которых и не перечить. Жертве преступления не до комфорта. Ей быть бы живу, а это редко удается, если неблагодарная жертва упорно добивается так называемой справедливости. Я бы обратила внимание в своей речи на повсеместное уважение к анкетным данным преступников, бандитов и террористов и на полное отсутствие такого же трогательно уважительного отношения к данным невинных людей, избитых и ограбленных, изнасилованных женщин и девушек, отважных полицейских, вставших на их защиту.

Я бы предложила заставить всех этих наглых пострадавших (за исключением погибших, что с них взять?) своими руками ошипывать белых лебедей, пух которых пойдет на подушки для их мучителей, тех несчастных, которых бесчеловечное правосудие в редких случаях все же упрятало за решетку.

Боюсь, моя речь затянулась бы на сутки, да и какой в ней смысл? Телезрители, простые люди, все равно не высидели бы сутки перед телевизором, а зал заседаний сейма, и без того обычно полупустой, тут и вовсе бы опустел. Ведь я же вещала бы не на столь животрепещущую тему, как повышение зарплаты панам депутатам, и не о назначении на должность, ради которой они готовы драться насмерть, лишь бы вырвать стулья друг из-под друга.

Ну вот, пожалуйста! Как последняя дура все-таки

переключилась на политику, а ведь собиралась говорить только о телевидении.

Значит, о телевидении. Все-таки расскажу, как оно меня обмануло во второй раз. Сказали, будет передача о преступниках. В прямом эфире. И преступники были, и прямой эфир был, но вот сама передача — ужас, зла не хватает.

Прежде всего, речь пошла о трагическом деле. Согласитесь, автору юмористических произведений самое место в такой программе. Обхохочешься.

В студии сидели родители, у которых в уличной драке убили сына. Ведущая, очень милая с виду паненка, не смущаясь, выдавала вопросы, которые, похоже, вызубрила загодя. Я бы назвала ее вопросы верхом кретинизма. Впрочем, не исключено, что в них таился какой-то очень глубокий скрытый смысл, но до него никто из присутствующих так и не докопался.

Вопрос: как свидетели реагировали на то, что трое взрослых парней зверски избивают человека?

А как могла отреагировать немощная старушка? Или юная девушка? Пожилой отец семейства? Вместе наброситься на извергов, вместо того чтобы поскорей вызвать полицию, что те и сделали? А может, им следовало постучать по плечу одного из подонков и вежливо поинтересоваться, в чем дело? Или посоветовать прекратить — нехорошо, мол.

Но ведущая гнула свое — почему, вместо того чтобы вызывать полицию, свидетели не вмешались в драку? Судя по всему, одной жертвы этой дамочке было мало.

А что, если бы на месте старушки, молоденькой девушки и пожилого мужчины был человек молодой, полный сил, к тому же обученный приемам рукопашного боя? Помню такой случай, молодой спортсмен тогда играючи раскидал озверевших ублюдков. И пострадали они, а не их жертва, у одного ручка оказалась повреждена, у другого ножка, у третьего вся морда в крови. И каков результат?

Неосмотрительный защитник угодил на скамью подсудимых и оказался за решеткой, поскольку нанес телесные повреждения бандитам, а одному из них даже вынужден был выплачивать денежное содержание.

Так что же конкретно я бы предложила? — спросила ведущая, обращаясь ко мне. Разумеется, внести изменения в соответствующую статью закона, ответила я. Пользы от моего предложения, сама понимаю, что кот наплакал, но все же мне удалось основательно испортить этой кретинке всю комедию. Ее вопросы и мои ответы, а также реплики по ходу действия, даже

когда меня не спрашивали, как-то не вязались друг с другом. Очень скоро ведущая растерялась, запуталась, стала задавать вопросы не тем, кому нужно. Во время передачи я успела поссориться с генеральным прокурором, зато меня полностью поддержал главный комендант полиции. С прокурором мы не сцепились в драке лишь потому, что нас вышвырнули из студии — она потребовалась для следующей передачи.

Или вот еще одна телепередача с моим участием. Сказали — на ту же тему, о преступности и законности. Передача была длинная, но к теме, из-за которой я согласилась в ней участвовать, можно лишь с натяжкой отнести сюжет о какой-то криминалистической лаборатории. Весьма поучительное зрелище, но я-то тут при чем?

Угладев меня в студии, ведущий спохватился и решил как-то втянуть в дискуссию. О чем можно со мной поговорить? Дураку ясно, о чем.

Вопрос: что пани пишет?

А что я, господи прости, могу писать? Телефонную книгу? Статейки о тюльпанах, о насекомых, о музыкальных инструментах семнадцатого века?

Ответ: книгу.

Вопрос: а о чем?

Ответ: о чем всегда пишу.

Какой интересный получился разговор!

А теперь задам жару «Европе».

Это случилось совсем недавно, и речь пойдет вовсе не обо мне. Да и телевидение для разнообразия повело себя прилично, сообщило время начала передачи, прислало кассету, а перед эфиром всем предложили напитки.

Исполнители были прекрасные, настоящие профессионалы. И само представление было таким замечательным, что я позабыла — ведь сама в нем участвую. Особенно понравилась сцена, в которой один немец и один англичанин сыграли вручение мечей Ягелле перед началом битвы при Грюнвальде, по «Крестоносцам» Сенкевича. Ну просто великолепная сцена, и я вся истомилась, ожидая, когда же увижу ее на экране. Дохлый номер!

С режиссером я не была знакома прежде, фамилия его начисто выветрилась у меня из головы. Но этот тип потрясающе талантливо сумел лишить все представление и тени привлекательности, убрав самую изюминку. И говорю я не только о зрелищной стороне передачи, но и о ее смысле. Ведь предполагалось поговорить и о литературной части произведения, о Сенкевиче в Германии и Англии... Далеко не все

читают нобелевских лауреатов, слишком высок литературный уровень их произведений для обычных людей, а тут еще и иностранцы, — но как прекрасно они поняли и передали автора! Но все это куда-то подевалось на экране.

КТО, сто тысяч чертей, распоряжается на телевидении?!!

Пять тысяч раз я признавалась... Ну ладно, пусть только пятьдесят раз. Что я себе не нравлюсь. И писала об этом. Уж не помню, сколько раз писала, но распространять данную информацию начала уже с первого тома «Автобиографии». Что с меня взять? Ну может, со вкусом у меня не все ладно, но ведь о вкусах не спорят, да и не одна я такая. Многие люди сами себе не нравятся. Но в отношении себя рискну заметить — ведь не исключено, что половина народонаселения думает обо мне так же, как я. А потому скажите мне ради бога, на кой этой половине любоваться столь неприглядным зрелищем?

Я не жажду оказаться перед камерой, не лезу, расталкивая толпу, к объективу. Выступление по телевидению не имеет никакого отношения к моей работе, а сил и времени отнимает массу. И еще этот вечный страх: а вдруг те, в ком я более всего заинтересована, мнением кого более всего дорожу, — мои Читатели, увидев меня воочию, перестанут читать мои книги?!

Не говоря уже... то есть как это — не говоря, когда я как раз говорю! Говорю о недобросовестности тележурналистов. Обычные журналисты, работающие в печатных органах, хоть изредка, но предоставляют мне мои интервью на подпись. Правда, делается это за секунду до того, как материал пойдет в печать, когда жертва уже не сможет ничего изменить. А хотела бы заметить, если я упрусь и не соглашусь на интервью в таком виде, в каком предлагают его напечатать, то его попросту выбрасывают из номера, а заодно выбрасывают из журнала самого журналиста. И что же, прикажете кормить его жену и детей? В общем, обычно я иду на попятный и предстаю в интервью debilкой просто необыкновенной, а виной всему мое доброе сердце.

Телевизионному журналисту на меня глубоко наплевать. Я ему ничего не сделаю, запись готова и запущена в эфир, смотри не хочу, я же могу протестовать хоть до посинения.

А теперь, интересно, заметили ли вы между строк мою горечь и боль? Мало того, что я уродина, так еще и понятия не имею, как получилась в записи! А вдруг у меня преглупое выражение лица? Или парик съехал на один бок? Или оператор, злодей и маньяк, заметил мой выщербленный зуб и давай его снимать, демонстрируя всему миру? Или, опять же, злорадно нацелился объективом на мои морщины? А есть ли на свете такая баба,

пусть и столетняя, которая рвется выставить напоказ свои морщины?!

Все они, эти сволочи (я, сами понимаете, о тележурналистах), клянутся, божатся и, тараща честные глаза, уверяют — а как же иначе, непременно прежде всего мне покажут, а потом уже запустят в эфир и, конечно-конечно, непременно сообщат мне день и час, когда пойдет передача с моим участием. И кассеты пришлют, обязательно, и рабочую, и смонтированную, и мое ложе покроют лебяжьим пухом, а под ноги мне бросят ковер из цветов. Но ждет меня всегда одно — это самое гуано, которое я уже поминала.

Из всех моих телесъемок только в шести случаях обещанное выполнили хотя бы частично. Причем два раза не считается, тогда меня приглашала моя хорошая подруга Мартуся, то есть сотрудник краковского телевидения Марта Венгель. Выходит, исключив Мартусю, получаем всего четыре случая более-менее порядочного поведения телевизионных журналистов. Точнее — журналисток, ибо все четверо были женщинами.

А это капля в море. Так что последующие тележурналисты, обратившиеся ко мне, расплатятся за прегрешения своих предшественников. Торжественно клянусь!

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект, которого в нашей стране стыдятся и говорят о нем крайне неохотно. Деньги. Да-да — деньги.

У нас, захлебываясь от восторга, стрекочут о том, какие денежки огребают всевозможные звезды и знаменитости почти во всем мире. Почти, поскольку я не ведаю, как с этим обстоит в Китае или, скажем, Гренландии. В остальном же мире в упоении подсчитывается каждый заработанный звездами доллар, а у нас эту информацию тут же доводят до сведения поляков всеми возможными средствами. А о заработках наших знаменитостей — молчок. Какая-то там прославленная американская звезда за рекламу нездоровой пищи огребла полмиллиона зелеными, другая или другой, пол не имеет значения, за выступление в портках известной фирмы отхватила три миллиона, кто-то за рекламу леденцов — пятнадцать...

А сколько получают гости, приглашенные выступить на нашем телевидении?

Обычно приглашенные знаменитости — люди работающие, причем работающие тяжело. Оно и понятно: если человек прославился, стал известным, то главным образом именно благодаря работе. Юрист, врач, писатель, художник, кузнец, водолаз, химик, ботаник... У всех этих знаменитостей, возможно,

кроме работы имеется и личная жизнь, на которую обычно остается очень мало времени и сил. И такого человека отрывают от дела, отнимая эти самые драгоценные силы и время, а взамен дают — что?

Телевидение полагает — рекламу. Увидят всех этих замечательных людей — и повалятся на них заказы или повалят к ним пациенты. Уверяю вас, они и без телевидения не испытывают нужды в известности. Напротив, зачастую телевидение лишь портит их репутацию. Запомнился известный художник, которого заставили принимать участие в бездарной передаче о проделках и шалостях младших школьников, что было совершенно не смешно, а за художника, оказавшегося в дурацком положении, — обидно.

Не думаю, что над художником хотели посмеяться. Телевизионщики ведь ничего не хотят и ни над чем не думают. Им лишь бы выпустить передачу с какой-нибудь знаменитостью, чтобы было о чем написать в анонсе программы. Мне лично как-то предложили выступить в сценке, где я должна была петь. Я — петь!!! Потому что программа была музыкальная. Ничего, что я могу только рот открывать, звук они свой запишут. Великая честь так оглушила меня, что я позволила себе отказаться.

(Давайте в скобках я напомним о случае из моей молодости, в какой-то автобиографической книге я уже писала об этом. Тогда я работала в архитектурной мастерской, все коллеги молодые, заработка не хватало, и кто-то выдумал прекрасный способ подзаработать. А именно: я буду ходить по дворам и петь в сопровождении какого-нибудь музыкального инструмента, и люди забросают нас золотыми монетами, лишь бы я перестала петь и убралась подальше от их окон.)

Хотелось бы, чтобы на телевидении поняли, что не для каждого появление его рожи на экране телевизора — высочайшее счастье, предел мечтаний. А если телевизионщикам зачем-то понадобилась конкретная физиономия в их передаче — пусть платят.

Высказалась, хотя прекрасно понимаю: все сказанное выше — клинический пример вопиющего в пустыне кота.

В этой книге я высказываю собственные мысли, взгляды, соображения. А где мне их еще высказывать, если не в автобиографии? А заодно отвечаю на все накопившиеся вопросы. Возможно, получается у меня не очень хорошо, даже отвратительно получается. А что, разве найдется такой человек, который бы считал меня ангелом, безупречным небесным созданием?

Не люблю я теперешней моды на вивисекцию, когда

известную личность потрошат и выворачивают наизнанку на потребу почтеннейшей публики. Никакого энтузиазма не вызывает у меня такое публичное потрошение. Ведь если говорить начистоту, то какое кому дело, какое у меня хобби? А вдруг постыдное? Вдруг я люблю подглядывать за соседями? Кому какое дело, как я пишу, когда и чем? Может, гусиными перьями, которые садистски выдираю из живых гусей?

Но я могу признаться в одной вещи, в которой люди аккуратные и солидные ни в жизнь не признаются. Если кого-то дико интересует нечто мое глубоко личное и интимное, так и быть — загляните в ящик моего письменного стола, содержимое которого скажет обо мне больше, чем целая книга. Ибо здесь находится все, что мне близко и дорого, что скрыто от посторонних глаз, своеобразная квинтэссенция моей сути. Упомянутый ящик у меня под рукой, вот он. Сейчас его выдвину и перечислю содержимое. Честно, не привирая.

Вот что там лежит: запас шариковых ручек и фломастеров; одна перьевая ручка; множество скрепок; клейкие ленты; заколки для волос (я ими скалываю листы бумаги); маленький калькулятор; штопор; филателистическая лупа, нет, извините, три лупы; целлофановый пакетик, набитый винтиками и шпунтиками; несколько мебельных гвоздиков; фишки из разных казино; таинственная пружинка от скоросшивателя; сантиметр; прибор для измерения расстояния на дорожных картах; пинцет для бровей; два пробочных шарика, каждый с петелькой, чтоб повесить, только не знаю куда; несколько ремешков к наручным часам; пластиковый футляр для кредитной карточки; кусочек замши и немыслимое количество одноразовых платков носовых и для протирки очков. Было там еще красное гусиное перо, кто-то преподнес такой символический подарок, но я воткнула его в вазочку. Очень декоративно.

Полагаю, что содержимое ящика может пополниться, туда кое-что из мелочи еще поместится.

Ну и как? Достаточно такой интимности?

А вот теперь, наконец, я возьмусь за произведение пана Левандовского^[3].

Чтобы избежать недоразумения, сразу скажу вот что.

Пан Левандовский мне очень нравится, ибо обладает одним изумительным качеством. Так уж он устроен, что по сути своей, по биологическому естеству является самым настоящим, что ни на есть, бабником — стопроцентным и честным. То есть, говоря проще, он любит всех женщин такими, какие они есть, любит их всей душой, обожает их, при этом возраст женщины тут

абсолютно неважен. Ей может быть и восемь лет, и сто восемь. С сексом это обожание не имеет ничего общего, и я его прекрасно понимаю, поскольку сама питаю столь же глубокую страсть ко всем кошкам, будь это слепой котенок или уссурийский тигр. Люблю их нежно и безмерно.

И даже внешне наши любви проявляются схожим образом. Пан Тадеуш охотно целует всех особей женского пола, хоть какую-нибудь бой-бабу или бабу-ягу, у меня же рука сама тянется погладить уссурийскую тигрицу, как я бы гладила шаловливого домашнего котенка.

Будучи так устроен, пан Тадеуш с легкостью необыкновенной заставляет меня верить, будто я — само божество. Как я была очаровательна в юности! Как я очаровательна сейчас! (Может, он сговорился с телевидением?) А уж о моих душевных качествах он едва осмеливается говорить, они достигают поистине космических высот, и никому в мире со мной не сравниться. Нет существа лучше и драгоценнее. Найдется ли человек, который не мечтал бы что-то подобное услышать о себе? Особенно женщина.

И благодаря такому отношению пан Тадеуш, возможно сам того не осознавая, часто поддерживает мой дух, не давая впасть в депрессию, хотя я в принципе не склонна к этому, но при некоторых усилиях окружающей действительности... кто знает?

Своеобразие и необычность же ситуации заключаются в том, что пан Тадеуш не читает моих книг. А если и читает иногда, то лишь в силу служебной необходимости, особо не вникая, с пятого на десятое. И прочтя, сразу же старается забыть. Пан Тадеуш любит возвышенную литературу, совершенно непонятную для большинства читающей публики (в том числе и для меня), так называемую трудную литературу, целью которой является всестороннее изучение сложнейших и тончайших движений души, мятущейся в тисках жестокого мира. Как правило, подобные произведения пишут мужчины. (Что лишний раз подтверждает мою правоту, когда я утверждаю — именно современные женщины потеряли остатки разума и втоптали мужчин в щели в полу.) Если же приходится читать книги, написанные женщинами, то тут пан Тадеуш предпочитает саги с кровавым сексом. Спрашивается, и на кой ему читать мои книжки?

Мне остается лишь посочувствовать ему, все-таки он мой литагент.

О том, чем должен заниматься мой литературный агент, я написала в эпилоге к его книге. Теперь же займусь ею вплотную. Это правда, что мы с ним проговорили много-много часов — подружески, ведь я напроочь забывала о включенном диктофоне. В этих беседах я признавалась, не отдавая себе в том отчета, в таких

вещах, о каких ни за что не смогла бы написать. О пронзительно личных и страшных вещах, например о болезнях и смерти. О таком я запретила писать, и пан Тадеуш уважил мое желание. То же, что меня компрометирует, выставляет в невыгодном или смешном свете, — пусть остается. Смешное, но не трагичное, как о непослушном ребенке или о собаке в Советском Союзе... Если бы я решилась написать трагедию, при чтении которой никто не смог бы удержаться от слез, у меня набралось бы материала предостаточно. Но я ничего такого писать не желаю. Зачем добавлять горя в нашу жизнь, и без того переполненную кошмарами?

Я ЗА жизнь, а не ПРОТИВ нее.

А обо всем остальном я разрешила написать, пусть оно и будет мне в ущерб. Вот только не представляла, какая же белиберда из этого получится.

Теперь понимаю — не следовало делать такого интервью, в котором я говорю все якобы сама. Нет, я и вправду все это наговорила, пан Тадеуш просто пересказывает меня, но в этом-то и состоит самая большая ошибка. Правда, прочтя в моем пересказе собственную книгу, уверена, пан Тадеуш опротивеет сам себе. Ведь и в нашем мире, как и в античности, продолжают свою многотрудную миссию эринии, богини мести, хотя, возможно, действуют деликатнее, чем встарь.

Итак, если уж кому-то захотелось (в данном случае пану Тадеушу) обо всем рассказать, то надо было писать от себя. А то, читая его книгу, я через каждую страницу впадаю в отчаяние — неужели я и в самом деле все это говорила, ведь я вовсе не такая, какой предстаю со страниц книги пана Тадеуша.

Ладно, давайте пройдемся по тексту.

Уже само начало свидетельствует о том, что пан Тадеуш мои «Автобиографии» прочел невнимательно. Все, о чем он упоминает, я описала сама. И описала совсем по-другому, нормальным для себя языком. Ему следовало бы вызубрить на память мои признания, заучить наизусть, как стихи, и не ломать себе голову, пересказывая затем своими словами и приводя меня в бешенство. Если уж собрался кого выпотрошить, будь добр хотя бы честно прочитав все написанное жертвой.

Только вот что удивляет. Как это пан Тадеуш выдержал мои бесконечные повторы? Ведь я же без конца повторяюсь, и он это делает вслед за мной, только своими словами, о боже!

Вообще-то начало не так уж меня раздражает, я имею в виду форму, а вот ошибки по существу непростительны. Правду написал, что мы болтали, попивая красное вино, прописанное мне

кардиологом. Врач, помнится, имел в виду рюмочку, ну от силы две, но никак не бутылку. С другой стороны, рюмка рюмке рознь, у меня есть и такие, что полбутылки поместятся. И вообще, кто сказал, что я напиваюсь вдрызг?! Насколько я помню и насколько могу доверять своим друзьям, то в состоянии подпития я запросто могу и сболтнуть чего не следует, скажем, проговориться о каком секрете, но вот измышлять несуществующее я не буду, для этого надо бы упиться до потери сознания, чего со мной никогда не случалось. Под хмельком я могла бы признаться в каких-нибудь своих сомнениях, опасениях, но уж выдумывать всякие глупости... Очень прошу, без преувеличений.

Да, текст пана Тадеуша я подписала, стеноя в глубине души и постаравшись снять хотя бы самые большие несообразности. Он безнадежно перепутал людей, годы и место действия, оговорив не только меня, но и сотрудников с моей бывшей работы, приписав мне взрывы интеллекта, хотя вряд ли можно даже подобие интеллекта обнаружить у той бабы, что предстает из его книги. Пан Тадеуш на собственном опыте не испытал, что за жизнь была в ПНР в далекие теперь годы. Тогда он был слишком мал и мало что понимал. В результате, собрав обрывки моих воспоминаний, он соединил их воедино, насадил на собственное представление о тогдашней жизни и получил нечто, напоминающее знаменитый роман Оруэлла, над которым изрядно потрудились очернители той эпохи.

Если бы пан Тадеуш все чуждые и непонятные ему по причине возраста глупости писал от себя — пожалуйста, я бы слова не сказала. Но ведь из текста следует, что это я все наговорила! Да никогда в жизни! То, как он описывает жизнь в сороковые и пятидесятые годы, не имеет ничего общего с реальностью, все было по-другому. Я рассказывала о них с ностальгией, со слезами, старалась передать атмосферу того времени. И НЕ МОГЛА я ее так передать, как в книге пана Тадеуша!

Кстати, не мешало бы пану Тадеушу прочесть огромный роман Тырманды «Злой»^[4] о Варшаве тех времен, а не мою «Автобиографию».

Никогда я не кичилась своим якобы благородным происхождением, не было такого. Была начитанна — да, образованна — да, умела и любила работать. Но после войны многое из этого стало доступным всем, так по какому же праву я стала бы против этого протестовать?

Не получилось у автора что-то с его интервью, напутано столько... Я согласна, пусть меня изображают кретинкой, сама знаю, что глупа была страшно, причем не один год, недостатков у

меня прорва. Но в таком разе зачем приписывать мне посторонние глупости и недостатки, если и своих всегда хватало?

Не мог отец моих детей в возрасте четырех лет слопать на своем дне рождения пушечный торт, пан Тадеуш то ли не расслышал, то ли перепутал, торт был пуншевый. Считаю долгом упомянуть об этой ошибке, а то из-за этого человека мне не дадут покоя читатели, допытываясь, что это за диковинка и не могу ли я поделиться с ними рецептом великолепного торта.

Хотела спокойно, по-деловому разобрать все ошибки «писателя», высказать все свои претензии, но чувствую, как завожусь, вот уже растеряла все спокойствие, а до конца еще далеко.

Упоминая о том, что я не могла понять смысла лекций профессора Понижа, пан Тадеуш не считает нужным назвать их тему, а ведь профессор оперировал исключительно интегралами. Поднапрягшись, я могу понять многое, но только не интегралы, увы.

Полностью перевраны названия инструментов, которыми мы пользовались в архитектурной мастерской, лучше бы пан Тадеуш совсем их не называл, так он ведь еще мне в уста вложил такое!!! Один только пример: вместо перьев, которыми мы пользовались при черчении тушью (и называли их «скалювки» от слова skala — шкала, масштаб), он поминает «сталювку», чернильную ручку со стальным пером.

Незнание реалий времен Народной Польши приводит к абсурдным утверждениям. Опять же моими устами он путает и смешивает разные учреждения той поры, известные всем моим ровесникам, вроде РКО (так назывались сберкассы) и появившиеся намного позже PEWEX, в котором я будто бы раздобывала талоны на машинное масло. Чушь собачья!

Читаю эту часть якобы моих воспоминаний — и дурно мне делается. Не говорила я такого! И сама себе уже кажусь склеротической идиоткой, которая раннюю молодость прожила в Австралии и теперь очень неудачно строит из себя много пережившую варшавянку.

Сама виновата. На кой черт согласилась я издать такое безобразие в форме интервью?

Автор одного без конца путается в содержании моих книг. Утешает лишь факт, что я оказалась в хорошей компании, так как он умудрился приписать нашему классику том «Восставшие из мертвых», в то время как Крашевским написана книга «Братья восставших из мертвых». Но пусть уж в гробу Крашевский преворачивается без меня.

Перепутал автор интервью и мои тогдашние поездки за

границу, в Канаду и на Кубу, перепутал и тогдашних знакомых, друзей-приятелей, нещадно переврал их имена и фамилии, так что теперь и не знаю, как перед ними оправдаться. Моей подругой и в студенческие годы, и потом на работе была Ханка Добжаньска, а подруга-судьиха — Аня Добжиньская. Перед Аней я уже извинилась лично, теперь делаю это письменно, а Хане, полагаю, все равно, она уже давно умерла. На биржу в Сломчине я ездила, когда работала над «Убийственным меню», а не над «Невезухой».

Раздражает, когда пан Тадеуш по-своему переиначивает датские названия, мы это делали по-другому, на свой лад опоячивая иностранные слова, а он это делает по-своему. Я не согласна говорить чужими словами и в несвойственной мне манере!

Но особенно трудно стерпеть, когда тебе приписывают высказывания с грамматическими ошибками. Тут уж никакая выдержка не поможет, я просто взрываюсь. У пана Тадеуша я изъясняюсь чудовищными сочетаниями вроде «двоими ногами» и «два катастрофа».

В общем, к черту деликатность. Помру, так еще из гроба высуну голову, с того света взывая уважать грамматику, на которой зиждется все богатство польского языка!

Все могу я простить пану Тадеушу, но только не «два катастрофа», якобы развершие мои уста.

Вот так же хочется скрежетать зубами и биться в бессильной ярости, когда известные афоризмы или изречения искажаются до неузнаваемости. Уж не знаю, кто и когда их искажил, но как только услышу — делается плохо. И странно, что до сих пор никто почему-то не обратил внимания на это явление.

Первый случай: «Нельзя дважды ступить в одну и ту же реку».

Ерунда, почему это нельзя? Да захочу, хоть сто раз войду в Вислу или Одер, в Сену или любую другую реку. И пять тысяч раз можно ступить, если кто пожелает. Не в этом смысл изречения. Нельзя войти дважды в тот самый поток воды!

Влезает такой любитель в Вислу, все под тем же кустиком, и Висла все та же, но ВОДА в ней другая. Той, прежней воды он уже не застанет, даже если бы это была не река, а пруд со стоячей водой. И в пруду вода то и дело меняется, хотя сам пруд остается на месте. Прежней воды в нем нет, хоть ты лопни. Нельзя ступить в ту же воду!

И второй случай: «Смеется тот, кто смеется последним».

На редкость дурацкое высказывание. А все предыдущие, что же, не в счет? Они не смеялись? Смеялись, ржали так, что стены тряслись! И что, на них плевать? А почему?

Пословица звучит так: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». И в этом ее смысл.

Дураки хохочут, заливаются, а один молчит, выжидает. Он-то прекрасно знает, чем дело кончится.

И почему же именно мне, несчастной, приходится поправлять искажения, а где наши Великие Языковеды, ведь это их прямая обязанность? Нет, они заняты делом: каждые три месяца меняют правила пунктуации. Да, им не до того...

Я смертельно боюсь одного: а вдруг люди, прочитав творение пана Тадеуша, поверят, что я именно такова, как он меня изобразил?

Ведь вроде бы пан Тадеуш не слишком и наврал, может, и вовсе не наврал, но, выковыривая из меня правду, несколько ее переиначил. Капельку убрал, капельку (такую бо-о-ольшую капельку) добавил, все облек в собственную форму, чуждую мне, выводы сделал, исходя из собственных умозаключений. Ведь если я, скажем, о чем-то очень определенно выразилась и на этом остановилась, то он, следуя собственной логике, продолжит мое высказывание, сделает вперед еще пару шагов и доведет мои слова до абсурда.

А мне логика чужда, я не последовательна, и такая уж я и в жизни, и в высказываниях. Ему ли этого не знать? Нет, такого ни одному мужчине не понять, даже если этот мужчина —

прирожденный обожатель женщин.

Сделаю исключение и процитирую пана Тадеуша, иначе лопну от ярости. «Я мечтала, чтобы мои дети унаследовали и от отца что-нибудь значительное». Слово в слово из его книги.

Да о каком наследовании могла я мечтать, когда мне только что стукнуло восемнадцать и я по уши влюбилась в их отца! Мечтать-то я мечтала, но какие это были мечты у молодой, влюбленной девчонки? Правда, я из военного поколения, мы были более зрелыми и серьезными, чем нынешняя молодежь, но не в той области, которая остается неизменной с первобытных времен. Не говоря уже о том, что с той поры минуло полвека. А за полвека даже последняя идиотка в состоянии оценить прожитое, как-то осмыслить его, сформулировать свои чувства и те давнишние желания. Но поскольку идиотка была все же в состоянии мыслить, пан Тадеуш, следуя мужской логике, взял да и приписал ей... всю последующую белиберду.

Ничего подобного я ему не говорила, поскольку не могла тогда так думать, а если что и сказала, так совсем по-другому и, значит, другое.

Нелегко вдаваться в исторические события, особенно когда их участники еще живы. Мне ни за что не вспомнить, когда из нашего городского транспорта исчезли кондукторы. Во всяком случае, они еще были, когда я писала «Леся». А писала я его где-то около шестьдесят третьего года...

Кажется, именно благодаря кондукторам я обратила внимание на интересное различие между женским полом и мужским, еще не достигнув совершеннолетия. В те времена кондукторы расхаживали по битком набитому пассажирами вагону, с трудом продираясь сквозь плотную толпу. Из своих огромных сумок они выгребали мелочь на сдачу. Позднее кондукторы получили сидячее место на возвышении у двери. Там они чаще всего и сидели все с теми же огромными сумками.

Так вот, каждый мужик, я хочу сказать — кондуктор мужского пола, вытаскивал из сумки горсть монет, высыпал на раскрытую ладонь и легко находил в куче монет нужные. А вот кондукторши, то есть особы женского пола, копались в своих бездонных сумках, извлекая из них по одной-две монеты, пока не находились нужные. Такая картина повторялась всегда и всюду, исключений из правила не было.

Посудите сами, могу ли я безропотно примириться с равноправием?!

...Я всегда предупреждала — нельзя писать произведений на

тему «Что думал автор». Вот написали, и теперь я должна исправлять ошибки. Пан Тадеуш позволил себе свалить в одну кучу несколько событий (мою мать, гуляющую со мной, малышкой, в парке Дрешера; неразбериху с билетами много лет спустя в Канаде — а это было уже году в восемьдесят седьмом или восьмом; мою работу уже в третьем учреждении), происходивших в разное время, хотя и объединенных общей темой. В результате вышел настоящий пафлет.

Даже если бы я уже была на том свете, не поручусь, что не стала бы являться к виновнику подобных безобразий по ночам.

И раз уж заговорила, хочу пояснить — обувь в родной стране я не покупала не потому, что она была очень страшной. Ведь случалось видеть просто очаровательные туфельки! Нет, просто ее делали из кошмарно жесткой кожи, нормальная нога не могла ее вынести, и все народонаселение щеголяло с мозолями, натертостями, ранами, в бинтах и пластырях. Очень плохо у нас выделявали кожу, причем не только предназначенную на обувь, но и на прочие изделия — сумки, перчатки, кошельки, куртки. А какие красивые сумки делали у нас тогда! Странно, но в этом товаре никогда не было недостатка. Как не было и ни одной мягкой сумки. Хотя что касается сумок, это не так уж страшно, но вот с обувью была просто трагедия.

И вот опять, ухватившись за затронутую мной тему, пан Тадеуш разработал ее, следуя собственной логике. Отсюда и утверждение, столь популярное в настоящее время, каким жутким и некрасивым было у нас все во времена Польской Народной Республики. Жутким и уродливым был сам строй, убивающий чувство красивого! А вещей красивых было немало.

Если бы я разговаривала тем языком, какой приписывает мне пан Тадеуш, я никогда, ни за какие сокровища не взяла бы в руки ни одну мою книгу.

Раз сто во вступлении к своему интервью, этому тянущемуся, как резина, потоку сознания, пан Тадеуш подчеркивает, что не подделывается под меня, даже не пытается, пишет по-своему, своим собственным языком, а не моим.

Только, во-первых, предисловий никто не читает.

Во-вторых, одно дело, когда пан Тадеуш пишет то, что передает от себя, и совсем другое, когда якобы от меня. Тут и манера изложения меняется, и лексика, и даже грамматика. И получается у него нечто странное. Собственным языком он изъясняется свободнее, а когда очередь доходит до моих монологов, то становится ясно, как же он, бедненький, мучается. В результате моя речь в его исполнении вышла примитивная,

грубая и безнадежно вульгарная. Клянусь, умею я говорить нормально и сложные предложения умею использовать, в которых встречаются запятые и даже точки с запятой. Последние, правда, врать не стану, нечасто.

Кстати, интересно, почему я так не люблю точек с запятой?..

Если принять, что автор интервью, несомненно, хотел передать читателям свое отношение ко мне, создать мой образ, то у меня, как ни верти, получается — в глубине души, подсознательно он ставит меня на уровень посудомойки.

Чудовищно!

А возможно, он и прав. Но если так, господи боже мой, как же этот человек намучился со мной!

Упорство пана Тадеуша, с которым он сворачивал к двум темам — политике и сексу, — еще более усугубило ситуацию. Беседуя со мной о 50-х и 60-х годах, он при этом твердо придерживается понятий и атмосферы 70-х и 80-х. И приписал мне высказывания, которые я ну никак не могла выдать — ни в те времена, ни теперь. Вот, например, пан Тадеуш пытается меня насчет моей диссидентской деятельности, как я боролась с тогдашним строем. Но вся моя борьба, насколько я помню, сводилась к битве за вентиляционные шахты в проектируемых домах — я тогда подняла шум, обратилась в Управление, за что меня и вышвырнули с работы. Дипломатично вполне выкинули. Однако пан Тадеуш не в силах примириться с мыслью, что я была и остаюсь до сих пор насквозь аполитичной, даже не знала фамилий наших тогдашних правителей, как не знаю и нынешних. А о том, что в Польше все эти годы орудовала таинственная сила, противодействовавшая существующему строю, мне стало известно лишь в поздние 80-е годы. Так что никаких революционных лозунгов я изрекать не могла.

О, вот что еще вспомнила. Всякая тогдашняя антиправительственная или вообще какая-либо анти... деятельность заключалась, как и заключается она и ныне, лишь в пустопорожней болтовне. Я же всегда любила конкретику. И вот теперь только (жаль, что с опозданием) мне пришлось в голову, что пан Тадеуш, выросший в более позднее время, неизлечимо заражен пустопорожней болтовней.

Несчастный человек! И чего я так вцепилась в него?

А что остается? Вдруг кто-нибудь подумает, что я и в самом деле все это говорила? Что я, всю жизнь оставшаяся аполитичной, могла в тринадцать лет заявить — коммунисты разрешали не одни только агитационные фильмы. Да мне и сейчас не под силу определить, что агитация, а что нет, не говоря

уже о том, что из тогдашних правителей были такие же коммунисты, как из меня архиепископ. Перепутав понятия и уцепившись за дурацкий лозунг, пан Тадеуш вкладывает мне в уста слова, от которых вся моя утроба деревенеет.

А с кем он так упорно старался рассуждать о сексе? Со старой развалиной, которой перевалило за семьдесят. Мол, вспомнила бабка девичью пору... Не мог поговорить со мной каких-нибудь лет сорок назад?

А, ну разумеется, не мог, извините, это яхватила лишку. Поговорить-то в ту пору он и мог бы, вернее, говорить уже умел, но вряд ли любил тогда вести нудные беседы, предпочитая гонять мяч в компании с такими же малолетними оболтусами и заниматься мелкими безобразиями. Да и мне болтать с малыми детишками никогда не нравилось.

Словом, образ, который сотворил пан Тадеуш в своей книге-интервью, ужас как далек от оригинала.

Прекрасно помню, что уже во время наших бесед... О, какое высокое слово! Беседы! Какие там беседы... Вскрики, скандалы, взрывы эмоций, насмешки, претензии. И не столько к пану Тадеушу, сколько претензии вообще... Может, к Ленину? Без Ленина не было бы кошмарной революции со всеми из нее вытекающими последствиями... А значит, не было бы и критики с моей стороны, воспоминаний, то мрачных, то комичных, запоздалых сожалений, бесконечных вставок и лирических отступлений, ужаса и облегчения... Если такую кашу можно назвать беседой...

Ладно, давайте так и назовем, что нам стоит.

Так вот, во время наших бесед у меня постепенно возникала и росла убежденность, что пан Тадеуш пытается заключить меня в какие-то схемы и рамки. Странно это, ведь он знает меня не один год и давно должен был понять специфику моей натуры. О специфике чуть позже, а сейчас хочу сказать — уже тогда у меня возникало подозрение, что куда-то пропадает нормальный, хорошо мне знакомый и приятный человек, дружески относящийся ко мне, а вместо него вылезает журналист, упорно докапывающийся до чего-то, что ему нужно.

Возьмем, например, шестидесятые годы, когда я начала писать и только-только стала печататься. На этот период приходится детство и ранняя юность пана Тадеуша. На собственном опыте познать то время он, разумеется, не мог: никто не пустил бы четырнадцатилетнего сопляка на кухню творческих союзов — артистов театра и кино, писателей и прочей богемы. Как не мог он бывать и в творческих рассадниках того

времени — в популярных богемных кафе и литературных забегах. И что делает пан Тадеуш? Наслушавшись всякого, насмотревшись, он сотворил в своем воображении богемный писательский и околосредовый мир тех лет и попытался меня в него запихнуть.

Не получилось. И не могло получиться, я горячо протестую против таких попыток вот здесь, на этих страницах, в письменной форме.

Во-первых, на официальном литературном мероприятии я была только один раз в жизни. Из присутствующих запомнила Марию Зентарову, вроде бы с мужем, Путрамента и, кажется, Ежи Помяновского^[5]. На этом собрании мне большого труда стоило держать глаза открытыми, они закрывались сами собой от хронического недосыпа. Путрамент тогда сказал мне, что не любит агрессивных женщин и поэтому ему не нравятся мои «Клин клином» и фильм по книге «Лекарство от любви». Его слова настолько поразили меня, что я враз проснулась. Но все остальное словно затерялось в тумане дремы. Пан Тадеуш, видимо, действительно не понимает, что такое годами спать не более трех часов в сутки.

Предложу ему попробовать. Хоть немного, недели две, а не два года, в конце концов, я тогда была моложе, чем он сейчас.

А еще я была чрезвычайно загружена. Ни минуты свободной. А пан Тадеуш все пытал меня о каких-то «Шляхах», «Стоках», других значных местах, о ночной жизни людей пера... Спятил он, что ли? Моя ночная жизнь заключалась в разложенной чертежной доске (разложить ее можно было лишь тогда, когда все в семье лягут спать и в комнате освободится клочок пространства) и пишущей машинке, а до знаменитостей мне не было никакого дела.

А не снобизм ли вообще стремление завести приятельство со всякими знаменитостями? Напишет какой-нибудь придурок пару стишков, издаст книжонку и уже раздувается от гордости — как же, он вращается в обществе великих мира сего. Потому что вместе со знаменитостями шляется по шляхам и валяется по стокам?

И пану Тадеушу непременно хотелось запихать меня в один мешок с такими?

Нет, я ни за что не признаюсь, что одержима манией величия, в которой меня тоже старались обвинить. Ну не вижу я себя такой раздутой от спеси знаменитостью, отгоняющей от своего высокого порога всякую мелкую шваль. Тоже мне нашлась царица Савская или другая какая кретинка, разбрасывающая перчатки тиграм и леопардам. Ну уж нет, если что где когда-нибудь и

проскользнуло, так это недоразумение. И я из последних сил стараюсь надеяться, что уж такой невообразимой дурищей я все же никогда не была.

Подводя итоги, могу лишь сказать: только Господу Богу ведомо, почему пан Тадеуш пытается сделать из меня совсем другого человека. Объяснение напрашивается одно. Такая, как есть, я ему ужасно не нравлюсь...

И вообще мне уже надоело его бесконечно тянущееся интервью и та дура баба, которой оно посвящено. Меня много раз спрашивали, что я думаю о книге пана Левандовского. Я не отвечала толком, со злостью ограничиваясь обещанием ответить в письменном виде. Что и делаю.

В произведении пана Левандовского я вижу самый существенный недостаток, а именно — главную героиню.

Есть у меня к пану Тадеушу еще одна претензия. К себе тоже, и неизвестно, которая из них сильнее. К себе, наверное, посильнее будет, но не люблю я этого слишком афишировать...

Во время одной из загранпоездки, в Париже, перед нами появился фургончик, на задку которого в качестве рекламы пива фигурировал... розовый слон. Ну в точности, абсолютно и бесспорно такой, каким я придумала его еще в «Леся».

Минутку, спокойно. «Леся» я написала в 60-х годах, почти сорок лет назад. Так долго реклама не могла продержаться, она явно появилась позже, а значит — ее стибрили у меня. Плагиат! Что они себе думают, немедленно вызываем их в суд!

Я не сомневаюсь, что рекламщик пива моего «Леся» не читал и розового слона, плод белой горячки, придумал самостоятельно, но кто знает? А вдруг этот изобретатель рекламы по происхождению поляк, да если даже это просто случайность, грешно ею не воспользоваться. Пусть фирма с ходу опровергнет мои претензии и я не получу никакого возмещения, но ведь дело не в деньгах. Зато реклама какая!

Следовало что-то сделать, что-то предпринять, ну хотя бы связаться с рекламным отделом фирмы, привлечь французского адвоката или нашего, словом, хоть кого-нибудь. Пан Тадеуш французский знает лучше меня. А если и не лучше, то говорит на нем бойко, пусть грамматика и хромает, но зато запас слов у него больше. В любом случае какой-то резонанс бы получился, а учитывая хваткую и агрессивную прессу, у нас и шансы были.

В свое время мы с паном Тадеушем с общего согласия отказались привлечь к ответственности обанкротившееся издательство, выпустившее по-пиратски одну из моих книг. Ни

гроша мне за нее они не заплатили. Однако мы оба решили, что сумма в тысячу двести злотых не стоит времени и наших сил; раз уж нам повезло жить в стране бесправия, все равно ничего не получим. И еще был случай, когда мы с ним, тоже действуя в согласии, не вцепились в плагиат, сотворенный некой кретинкой, и не привлекли ее к ответственности. Тем более следовало нам теперь хоть за слона ухватиться. Мы сохраняем честь и достоинство, разве этого мало? Честь для нас, деньги для них, но зато реклама для всех!

Но пан Тадеуш и сам ничего не предпринял, и меня отговорил. Боюсь, не от меня ли он заразился бездействием? Во всяком случае, за это дело не взялся. А я все не решу, правильно ли мы поступили, но розовый слон мне до сих пор снится по ночам. И признаюсь как на духу, от известности во Франции я бы не отказалась.

Чтобы не перегибать палку с тотальной критикой, недовольством и угрюмостью, сменю-ка я пластинку. Пусть атмосфера немного разрядится.

Есть одно такое учреждение... как бы мне поделикатнее о нем сообщить? Ведь разруганный мною на все корки гнет средств массовой информации является все же следствием известной популярности. Оно и понятно. Каждый человек, работающий для людей, хочет быть замеченным этими людьми, хочет стать популярным. Популярность для публичного человека означает, что его заметили, узнали, может, даже и полюбили. Значит, труд его не пропал даром! Это приятно, нечего кривить душой. Да я и не кривила, меня смущали лишь проявления популярности.

Так вот, единственным учреждением, признавшим мою популярность и одновременно оградившим меня от ее тяжелых журналистских последствий, является так называемое Общество «Всё Хмелевское». Именно они в полной мере воплотили мою мечту: достигнув многолетним трудом известности и популярности, я лишь пользуюсь этой популярностью. Они ничего не требуют взамен, ничего от меня не хотят, только мечтают о том, чтобы сделать мне приятное, за что Господь Бог да ниспошлет им здоровье. Честное слово, ничего от меня не хотят! Не заставляют давать интервью и выступать, а предложения, которые от них поступают, по-человечески понятные и, как правило, доставляют мне лишь удовольствие. К тому же они разыскивают для меня книги, потерянные лет тридцать назад, и я уже преисполнилась надежды, что найдут и Ливингстона, утерянного во время оккупации. Господи, ну что за чудесные люди!

Ладно, расскажу поконкретнее.

Первая наша встреча произошла в очаровательной «Шпульке». Если меня поначалу и удивил выбор места встречи, то я вскоре успокоилась. В конце концов, мне не велели лаять из-под столика, не требовали от меня публичного выступления, так что я о них и слова плохого не скажу. А закончился чудесный вечер роскошным подарком — мне преподнесли огромное блюдо устриц. Не вскрытых.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я привезла подарок домой. А у меня ведь не было специального прибора для вскрытия устриц. Ну точь-в-точь как в «Дэвиде Копперфильде»! Сравнение почетное и нисколько не обидное. Однако я слишком любила устрицы, чтобы капитулировать перед трудностями. О нет, не отступлю. Окружающие меня люди были того же мнения, за работу взялась Малгося. Точно знаю, что она испробовала все подручные инструменты: всевозможные ножи и ножички, плоскогубцы, щипцы, молоток, секатор, ножницы и даже открывалку для пива. Во всяком случае, все это я ей подсовывала. Ей удалось вскрыть четырнадцать устриц, которые я жадно поглотила. У Малгоси руки были в мозолях и пузырях, а единственным утешением для нее служило то, что ее не заставляют этого есть. Не нравились ей устрицы, и все тут, что меня всегда очень удивляло.

С остальными она не справилась, а поскольку я уже почти наелась, решила — пусть с оставшимися мучается пан Тадеуш, который тоже при этом присутствовал. Малгося отказалась от его помощи, как и от помощи прочих добровольцев. Однако пан Тадеуш мучился дома, а удовольствие получила Аня Павлович, вторая половина издательства. Устрицы она весьма ценила, но ей досталось все же меньше, чем мне.

Вторая встреча с Обществом произошла после выхода книги «Коты в мешках», и я получила от них кошачий мешок. Прелесть! И опять от меня ничего не требовалось, только распаковать мешок, в котором было все! Сразу признаюсь, что стиральный порошок я использовала для стирки, а колготки перемешались с моими, и теперь я в них не разбираюсь. Лисий хвост я держу на память и показываю всем, кто пожелает, часы завести так и не сумела, но это неважно. И еще признаюсь: я нечаянно украла у них пепельницу, точно такую же, какая была в мешке. Богом клянусь, нечаянно, просто ошиблась, я действительно ворую очень редко, нет у меня к воровству ни склонности, ни таланта, но если бы они знали, как нужны мне обе эти пепельницы, они наверняка бы меня простили.

Удовольствие от этого вечера получили и мои канадские

дети, а значит, для меня двойное удовольствие, они как раз находились в Польше, и Монике что-то из мешка понравилось, не помню только что, но я ей это подарила.

И опять хочу подчеркнуть, насколько в нашей жизни неразлучно связаны неприятности и удовольствия, неудача и справедливость.

Неприятность заключается в том, что после каждой встречи в Обществе (а таких встреч уже было четыре, точнее, три с половиной) я очень плохо себя чувствую, ни на что не гожусь. Как-то так получается, что они происходят в самые напряженные моменты моей жизни — или подготовка праздничного стола, или после посещения стоматолога, или во время лихорадочных поисков материала для книги, над которой я как раз работаю. Не виновата я в этом и ничего не могу поделать, ведь я же не нарочно, а бодрости во мне осталось — что у стельной коровы. Нет, другое сравнение — что у нейрохирурга после четырехчасовой операции, так, пожалуй, звучит поэlegantнее.

Общество наверняка заслуживает всего самого лучшего, но я на встречах с ним получаю удовольствие, вот и расплачиваюсь. Это я о справедливости. Во время последней встречи им удалось уговорить меня полакомиться мороженым. Уж не знаю, какое умственное затмение нашло на меня, я хотела просто посидеть тихо-мирно, а тут набросилась на мороженое и уписала почти все, чуть не лопнув. За что и была наказана.

К счастью, не очень жестоко. Дома все прошло.

Да, кстати, приборами для вскрытия устриц я обзавелась.

Кажется, я собиралась признаться еще в одной своей странности, которую никто не может понять. Возможно, она объясняется моей ленью. Или возрастом? Это вернее, ведь не нарожай я в свое время детей и не обзаведись семьей, я бы за тяготами всей моей тогдашней жизни напрочь позабыла, что я еще и женщина.

Женскими качествами я, без сомнения, обладала в изобилии между тридцатым и сороковым годами моей жизни. Я имею в виду те качества, о которых во всем мире принято извечно говорить: «Хочешь быть красивой — страдай!»

Я и страдала, только не могу сказать, что добилась компенсации, ведь мне тогда не хватало абсолютно всего: времени, денег, потрясающей красоты и так далее.

Те, кто читал первые тома моей проклятой «Автобиографии», знают, что в пору моей молодости я не могла заняться чисто женским искусством украшать себя — прежде всего потому, что мой муж не выносил макияжа. Немного пудры на нос — еще туда-

сюда, с трудом, но терпел. Удалось убедить его, что от блеска собственного носа у меня болят глаза. Что же касается всего остального, его интерес к моей внешности ограничивался уже приведенным здесь высказыванием: «Не могла бы ты хоть немного причесаться?» Так что вся косметика — все эти кремы, лосьоны, маски и прочая — была мне недоступна. Единственное, чем я занималась, но без особого успеха, — мои холерные волосы. Перед зеркалом я тогда проводила не более пяти минут три раза в день, тем самым экономя время.

После развода все изменилось, но потерянного не вернешь, нужных навыков я не получила. Конечно, я накупила необходимые косметические изделия, но очень мало, не по карману они были для меня в ту пору. И решила — вот выберу подходящий момент, наступит же в один прекрасный день такая свободная минутка, тогда я сразу всем этим и займусь, наведу марафет на полную катушку и посмотрю, что выйдет.

До сих пор такая минутка так и не наступила.

Разумеется, я имею в виду достаточно длинную минутку, которой бы хватило на все манипуляции. Короткие минутки, ясное дело, находились ежедневно, в конце концов, я была молода, постоянно на людях, хотелось выглядеть ухоженной. Должна признать, мои усилия завершались по-разному — то лучше, то хуже. Но эта проблема меня не терзала, уж точно бессонницей я из-за нее по ночам не мучилась. Имелись занятия куда как более важные, чем забота о собственной наружности.

Искусственные ресницы, насколько помню, я прищипандоривала раза четыре в жизни. Искусственные ногти — никогда.

И вот еще что. От нормальных женщин меня отличало равнодушие к тряпкам. Терпеть не могла примерок, если что и покупала — то не меряя. Я даже как-то не отдавала себе отчета в такой своей странности, но вот недавно Зося с Моникой накупили шмоток, которые до этого бесконечно примеряли в магазинах, и, придя домой, опять принялись вертеться перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон и оживленно обсуждая обновы. Я в изумлении взидала на них, и тут до меня дошло — а ведь мне такое и в голову никогда не приходило. Нет, не только теперь, но и в молодости.

Даже в Дании, когда я в первый раз смогла за границей, по настоянию Ани Добжиньской, приобрести для себя элегантные предметы гардероба. Надела я их, лишь когда в том появилась нужда. Не все сразу, конечно, а только те одежды, в которых собиралась выйти в люди. И тогда тоже мне не пришло бы в голову примерить заранее что-нибудь из обновок.

Хвастаться тут нечем, не исключено, что так во мне проявляется... не знаю, может, неряшество? Скорее, все-таки равнодушие к себе.

Неудивительно поэтому, что я так не люблю выступать публично. Подобные выступления требуют особой подготовки, чуждой моей душе. Вот нарисовать какую-нибудь картинку — это я бы сделала с удовольствием, это по мне, да только никогда не выкроишь время. Наверное, сумела бы разрисовать и собственную физиономию, хотя вряд ли у меня это хорошо бы получилось. А кроме того, лет двадцать назад я нечаянно высыпала в раковину арабскую краску, которой я тогда привыкла пользоваться, и как-то недосуг было съездить в Марсель за новой. Так и живу без нее.

А если и понадобится все же макияж, так телевизионные гримерши (хотя я только и делаю, что ругаю телевидение) сделают его намного лучше меня. И то я уже в середине процедуры, столь приятной женской душе, начинаю вертеться и торопить мастерицу, не хватает терпения досидеть до конца.

Господи, как же я ненавижу принуждения!..

Отвечу и еще на один вопрос, который мне часто задают.

Пожалуйста, вот как выглядит мой рабочий день.

Сменив место проживания, о чем я не устаю упоминать чуть ли не на каждой странице этой книжки, я должна была сменить и прописку в связи с новым адресом — хотя бы для того, чтобы мне присылали почту на другой адрес. Официальное разрешение на смену адреса я уже получила.

Всем занимается пан Тадеуш, мой поверенный и литературный агент, если кто забыл.

Паспорт с новым адресом я уже получила, но это не самое важное. Получены и новые документы на машину, в том числе и права, и еще какая-то карточка на машину или что-то в этом роде, их ввели специально, чтобы помешать угонщикам. От злости темнеет в глазах. Не на угонщиков, на них мне наплевать, на бюрократию. Странно, что из-за смены адреса не пришлось менять загранпаспорт. Просто чудо!

Итак, мой рабочий день.

Встала, умылась, напилась чайку, покормила кошек и села за компьютер — работать над книгой. Весь текст у меня уже в голове. Работаю, и тут по ходу дела вспоминаю о бюрократии. Звоню пану Тадеушу — с вопросом, как насчет новой прописки машины. Пан Тадеуш отвечает — нужен Витек, а точнее, документы на машину, которые тот возит с собой. А Витека до четверга не будет, так сказал его сын, поэтому пока ничего нельзя сделать. Ошарашил он меня, ведь я договорилась с Витеком, что

мы в среду отправляем машину на техосмотр. То есть Витек в шесть тридцать приезжает, забирает тачку и до вечера делает все, что требуется. Так с чего это Мартин ляпнул такую глупость, с отцом поссорился, что ли?

А все дело в том, что Витек с давних пор все автомобильные хлопоты взял на себя и очень ответственно ими занимался. Он даже аннексировал для этого особую полку, на которой держал все необходимые бумаги, и запретил мне к ней прикасаться. Я и не прикасалась, делать мне больше нечего!

Завершив беседу с паном Тадеушем, я позвонила по сотовому Витеку.

— В данный момент продираюсь сквозь снег, еду к тебе, — сообщил он.

Я возмущенно поинтересовалась:

— А почему тебя аж до четверга не будет?

Удивленный Витек помолчал, соображая.

— Ну и какого черта этот твой Левандовский звонил мне домой, а не по сотовому? Мартин правду сказал, дома я и в самом деле до четверга не появлюсь, сейчас я у Ежи.

Я позвонила пану Тадеушу:

— Витек нашелся и сейчас будет. Что вам понадобится?

Идиотский вопрос, мне вовсе не хотелось знать, что там из бумажек понадобится пану Тадеушу. С возрастом я все хуже переношу бюрократическую тягомотину. Если бы архитекторы, конструкторы и строители работали так, как наша административно-бюрократическая братия, мы до сих пор жили бы в землянках и шалашах, причем любое строение, хоть немного возносившееся над землей, рушилось бы тут же. Достаточно лишь чихнуть.

К счастью, пан Тадеуш не стал вдаваться в подробности, а просто сказал, что заедет через полчаса. Я вернулась к компьютеру, перечитала написанное и даже смогла начать следующее предложение. Но у калитки уже звонил Витек.

Открыла я ему с помощью пульта от ворот, не очень надеясь, что удастся протолкнуть калитку, слишком уж много навалило снега. У меня уже давно чесались руки очистить двор от снега, но я наконец-то усвоила, что нельзя браться сразу за два дела.

Снег у калитки не очень сопротивлялся, Витек с ним справился. Он вошел в дом и с порога перечислил документы, которые понадобятся Левандовскому. Я старалась не вникать, что мне вполне удалось. Но все же одна проблема беспокоила.

— Фотографии. Ему нужна одна фотография на права. Витек, где у меня эти фотографии?

Тот сразу же отмежевался:

— А мне откуда знать?

— Так я же велела тебе смотреть, куда я их кладу. Витек, мы вместе фотографировались, у твоего фотографа, ну, того, в офигительных колготках. Вспомни же, фотографии были разного формата, одни побольше, другие меньше. Он сам знал, какие для каких документов требуются. И я тебе тогда сказала — смотри, куда кладу.

Удалось-таки расшевелить его память.

— Знаешь, сдается мне, так оно и было. Ну да, ты говорила. И куда же ты их положила?

— Так я же тебе велела запомнить! Ладно, дай-ка подумаю, куда я их могла сунуть...

Фотографии оказались в бумажнике, самом подходящем для них месте. Я мысленно похвалила себя. Остальные документы, вроде той самой карты на машину, Витек отыскал мгновенно, и мы оба занялись каждый своим делом. Я вернулась к новой книге, а Витек отправился шарить в Интернете.

Прошло минут пятнадцать.

— Пойду приготовлю себе кофе, — объявил Витек.

А еще через четверть часа я услышала, как в прихожую вошел пан Тадеуш. В дом он проник запросто, потому что все было нараспашку, только я слегка удивилась, почему Витека не слышно. Ведь он же отправился в кухню варить кофе.

Я подняла голову и обнаружила Витека напротив себя. Сидел как ни в чем не бывало за своим компьютером, и чашка с кофе рядом стояла. Похоже, я настолько погрузилась в работу, что не услышала, как он вернулся. Вот только если я так погрузилась, почему написала всего три с половиной предложения? А, ну да, перечитывала заново текст, поскольку забыла уже, что понаписала раньше.

Мы с Витеком переместились в гостиную.

Пан Тадеуш уже собрал всю бюрократическую макулатуру и потребовал от меня расписаться в нескольких местах. В одном из документов требовалось вместо подписи написать имя и фамилию. Я тут же разозлилась. Минутку, вам требуется моя подпись или мои персональные данные? Это абсолютно разные вещи. Я могу запросто и разборчиво написать свои имя и фамилию, но подписью это называться не может. Той самой подписью, которая удостоверяет документ, идентичность которой проверяется графологами и компьютером. Если кому-то такая странная дотошность понадобилась — пожалуйста, сделаю, но расписываюсь я не так! И будьте добры тогда ясно сказать: от меня требуется сообщить свои персональные данные и РАСПИСАТЬСЯ!

Уф.

Сколько мне пришлось в свое время нервничать, когда в банке потребовалась подпись моей заболевшей матери! Меня, похоже, сочли за преступницу, пытавшуюся обокрасть собственную родительницу, подсовывая банку не ее подпись. Пришлось-таки притащить маму к окошечку в банке, так им и этого оказалось мало. Мама расписывалась несколькими способами, и она не помнила, как именно расписывалась на той бумаге. В конце концов банковские клерки вынуждены были показать ей бумажку с ее тогдашней подписью. И сделали они это, я не сомневаюсь, лишь потому, что этого попросила мама, а перед ее обаянием не мог устоять никто. Такой уж была моя мать — настоящая покорительница сердец.

Мама запросто могла ограбить банк, никто и возражать не стал бы.

Но не ограбила, не воспользовалась своей гипнотической силой, только расписалась как надо, и все оказалось в порядке.

Я в подметки не гожусь маме по части обаяния. И поэтому даже не пытаюсь спорить с бюрократами, их сердца мне ни за что не растопить.

Итак, я исполнила свой бюрократический долг, расписалась, и пан Тадеуш отбыл с документами. Витек должен был заехать за Малгосей, но время у него еще оставалось, и он снова нырнул в свой Интернет. А я — в работу.

Мне удалось написать целое предложение и половинку следующего, когда позвонил пан Тадеуш. Сообщил, что стоит у окошка учреждения и ему немедленно требуются номера моей машины. Номера были накрепко приделаны к машине, и я озадачилась, как же их снять, да еще доставить пану Тадеушу. По счастью, за дело взялся Витек. Отогнал свой автомобиль, а я щелкнула пультом от гаража, чтобы открыть ворота. Электроника, как обычно, подвела, и я прибегла к действиям с точки зрения электроники предосудительным, то есть встала и открыла гараж руками. Витек выехал на моей машине и помчался на ней к тому учреждению, у окошка которого торчал пан Тадеуш. Таким образом, он представил требуемые номера вместе с прикрепленной к ним машиной. А я заперла ворота.

За работу не села. Покормила кошек, что в морозные дни сделать очень непросто.

Кошка ест медленно, намного медленней собаки. И, пока она ест, еда успевает замерзнуть. Тогда я забираю миску с замерзшей едой и ставлю перед кошками другую — с теплой едой. Кошки снова на нее набрасываются, а еда снова замерзает, и история повторяется. Если бы я кормила их так, как в теплое время года,

сейчас все мои бродячие кошки передохли бы с голоду и холоду. Известно ведь, голодное живое существо тяжелее переносит холод.

Нет, я о своих кошках забочусь, неприятностей им не доставлю.

Не успела оглянуться, как Витек вернулся на моей машине, но без номеров. А, да, кажется, я еще успела малость перекусить, осталось немного бобов и огрызок куриной ножки. Мы с Витеком не обменялись и двумя словами, как приехал пан Тадеуш. Витек поспешил за Малгосей, он уже опаздывал. Пан Тадеуш же принялся опять меня мучить и заставлять делать то, чего я делать не люблю.

И скажу вам, я была в своем праве. Не люблю я писать по заказу — вот и все. Это что, уголовно наказуемое преступление? На свете много людей, которые чего-нибудь не любят. А я не слышала, чтобы их за это топили в морях, вешали на виселицах и рубили головы топорами. Иногда я даже не подумавши соглашаюсь, но умственное затмение пройдет, и я спохватываюсь — опомнись, дорогая, ты спятила, не иначе.

Помучив меня хорошенько, пан Тадеуш опять отправился в то учреждение.

А я села читать, что наработала за день.

Тут снова приехал пан Тадеуш — привез обратно номера моей машины с какой-то дополнительной клейкой бумажкой, очень даже красивой и эффектной, а также он привез мои права, документы на машину и таинственную карту на машину. Все положил в буфет, поскольку так велел Витек, запретив класть железяки куда-либо еще. Только в буфет!

После того как пан Тадеуш уехал, мне удалось прочесть как минимум две страницы, и не просто прочесть, а понять, что я имела в виду.

Тут позвонила Юстина, с которой у нас уже пару дней тянулась сотовая канитель. Ее мобильник жил собственной жизнью и время от времени почему-то звонил мне. Уже после первого такого звонка я догадалась, в чем дело, — у самой такое однажды случилось. Но теперь Юстина позвонила уже сама, и мы поговорили о делах. Юстина донельзя изумилась, узнав, что за последние два дня звонила мне раз шесть.

Затем я съела еще курятины — наскребла на дне кастрюли, где когда-то была тушеная курица. И немного салата. Остатки курятины — косточки, хрящики и ошметки мяса — предназначались кошкам.

Позвонила в банк. Мне надоело вечно получать от них кучи писем, счетов и напоминаний, за доставку которых требовалось

платить. Я никогда не протестую, если приходится платить по счету, но, по-моему, тут за все должен был заплатить банк, это оговорено в нашем соглашении. Оказалось — так и есть, но это соглашение касалось лишь одного сотового телефона, а второго — нет. А почему нет — неизвестно. Оформляла-то не я. К тому же теперь трудно определить, какой именно телефон оформлен, потому как все эти напоминания приходят без указания номера телефона. Нет, они не обязаны на своих зловещих бумажках проставлять еще и номера.

Жутко не хотелось копаться во всей этой макулатуре, и я с облегчением задвинула проблему в самый дальний уголок памяти.

Тут снова появился Витек, с удовольствием оглядел железяки в буфете, с сомнением повертел непонятную карточку на машину и прикрутил номера туда же, где были. Вот только не знаю, когда он успел расчистить от снега дорожку к калитке.

А во время моего разговора с паном Тадеушем на террасе перед домом подрались коты. Подлый Флорек отгонял Пятнистого, который и так с трудом притащился — мокрый, оголодавший и весь какой-то замурзанный. Вмешавшись в конфликт, я, к сожалению, спугнула обоих, чего вовсе не хотела. Разговор с паном Тадеушем я не прерывала.

Наконец я снова осталась одна, села за компьютер и записала все, что вы только что прочитали, — знала, что события завтрашнего дня сотрут в памяти события сегодняшнего. Вот так, более-менее, выглядит мой рабочий день. Завтра я ожидаю пана Ришарда, с которым нам предстоит обсудить очень важный дефект в доме, а сразу после него придут столяр и огородник. Но зачем так далеко заглядывать в будущее?

Завтра, а теперь уже сегодня (время за полночь), оказалось, что вчера, то есть сегодня, остатки куриного жаркого я оставила на маленьком огне. Интересно, удастся ли спасти кастрюльку? Со всем содержимым она теперь отмокает в кухонной мойке.

Учитывая, что «сегодня» уже стало «вчера», должна признаться, что и новый день прошел не так, как я запланировала. Не было ни столяра, ни огородника, зато вышла из строя печь центрального отопления. Утром я едва успела вымыть голову, сделать лечебный педикюр и сесть за работу, как эта скотина отключилась.

Ну и понятно, весь день до самого вечера заняла возня с печью. Приезжали целых три ремонтные бригады, а мне пришлось разжечь огонь в камине и поддерживать его весь день. Я, конечно, люблю прохладу, но в разумных пределах. Мне бы хотелось, чтобы температура в доме не опускалась ниже четырнадцати

градусов.

Что же касается горшка, то есть кастрюли, то пани Хеня ее спасла, отскребла, отчистила, а пригоревшее содержимое ночью бесследно исчезло — явно кто-то слопал.

Раз уж я заговорила о неприятных для меня темах, то не пожалею себя и покончу с остальными. Соберусь с духом и напишу о саде Алиции. Для очень многих людей, с которыми я даже не знакома, Алиция стала близким человеком. Меня часто спрашивают и о ней, и о ее саде, некоторые даже ездили в ее датский городок Биркерод, желая все увидеть собственными глазами. Очень тяжело мне писать о таких вещах, но никуда не деться.

Не знаю, кто выступил с такой дурацкой инициативой, позже все валили вину друг на друга. А идиотская идея заключалась в том, чтобы совместными силами навести порядок в доме Алиции и вокруг него. И навести по принципу «выбросить все».

На ее месте я бы просто умерла от бешенства и назло так называемым аккуратистам.

Я вовсе не утверждаю, что вся макулатура, до предела заполнившая дом Алиции, была нужной и ценной. Вовсе нет, многое стоило выбросить, но сделать это могла лишь сама Алиция. Ведь что-то, на первый взгляд бесполезное, ей могло быть дорого как память. Или она собиралась использовать это для чего-то, только ей ведомого. Возможно, осуществить свои намерения она бы и не смогла, и что с того? Выбрасывая вещи, человека лишали надежды. Это все равно что заранее поставить крест на всей его оставшейся жизни.

Ну ладно, это что касается бумаг. А при чем здесь растения? Правильно, окон в гостиной Алиции давно не мыли, к ним просто невозможно пробраться сквозь баррикады из драцены, папоротников, аспарагусов, каких-то вьющихся лиан, кактусов и прочих растений, разросшихся в настоящие джунгли. Однако это и создавало особую атмосферу, придавало комнатам неповторимое очарование, короче — растения были душой дома.

Из всех этих джунглей — я специально сосчитала — осталось всего шесть прутьев, тоскливо торчащих из ящиков и горшков.

Домом вандалы не ограничились, они уничтожили еще и сад. Уж не знаю, какие машины туда запустили, похоже, комбайн вкуче с дорожным катком, ибо снесли абсолютно все, содрав даже верхний слой почвы. Смели с лица земли огромные живописные купы деревьев и кустарников, истребили акантусы долголистные, цветущие юкки, травы, папоротники, ирисы. И даже сотни тюльпанов. Мы с Витеком рылись в земле, надеясь найти

уцелевшие корневища имбиря ядовитого, но ни одной луковички не нашли. А ведь он рос повсюду! Может, специально вырыли? А теперь — только безжизненная земля и весело вылезающие кое-где сорняки.

Но этого мало. Сад Алиции от угодий соседа отделяет высокий деревянный забор. С Алициной стороны его закрывали сплошные заросли лещины, метра на полтора выше забора. Этакий зеленый вал. Сосед ворчал и злился, мол, заросли заслоняют его саду солнце. Какое солнце? Сад его выходит на северо-запад, а на западе солнце стоит низко над землей. Ну да бог с ним, ради спокойствия можно было подстричь орешник вровень с загородкой, которую сам же сосед и возвел, так что претензии по ее поводу мог предъявлять только себе.

Так нет. Огородник — варвар и злодей, безумец с пилой и секатором в руках — срезал кустарник до высоты одного метра над землей и отсек полностью все ветки, оставив торчать голые палки! Обрубил роскошные кусты, паразит, зараза, обкорнал до того, что смотреть больно. Ну теперь, наверное, для соседа его деревянная стена стала прозрачной и заходящее солнце освещает его участок.

Та же судьба постигла и цветущий декоративный кустарник, роскошные буйные заросли превратились в тощие сухие прутьи. Изверг огородник занимался уничтожением драгоценных растений в июне, а в это время подобные операции на растениях губельны для них. Вьющиеся розы, кажется, тоже ликвидировал. Я уже не пошла проверять — сил не было. Так же, как не хватило духу проверить, не срубил ли он и многометровую секвойю.

Сорок лет трудов и стараний Алиции пропали даром, для этого хватило двух недель.

Единственное утешение — растения снова пошли в рост. В том числе и лещина. Остается надеяться.

Ядовитый имбирь я все же успела у Алиции позаимствовать, еще год назад, до ликвидации всего живого. У меня он не хотел расти, я собиралась взять у Алиции еще несколько луковиц, добавить к имеющимся. Кроме как у Алиции, их больше нигде не найти, а ведь я объездила все страны Европы, насквозь прочесала Польшу. Перед этим разузнала все существующие названия этого растения — на латыни, на английском, датском, французском, немецком. И не только в специализированных магазинах не было ядовитого имбиря, не было его и в ботанических садах. Не найти его ни в одной энциклопедии, ни в одном атласе растений, никто не знает, как он выглядит.

А я знаю. Видела у Алиции. У него полосатые листья, а вот как цветет — не довелось узнать. Зато по осени я видела плоды.

Красные, в виде столбика с шариками, расчудесные. До сих пор мой имбирь еще такого не создал, но после катастрофы у Алиции вдруг подал признаки жизни. Должно быть, из сострадания...

Очень возмущает меня тот факт, что в бесконечном потоке всевозможных вопросов, которые мне задают, не было ни одного о том, как похудеть. А как раз это — единственный вопрос, на который я бы ответила охотно, так как чрезвычайно горжусь своими достижениями по этой части.

На моих фотографиях видно, что, достигнув шестидесяти лет, я чудовищно растолстела. Четырнадцать килограммов избыточного веса! И я прекрасно знала причину этого несчастья, точнее, несколько причин. И не раз писала об этом, но вот сейчас соберу воедино все, что касается данной животрепещущей темы.

Во-первых, я пристрастилась к пиву.

Во-вторых, послушалась чьего-то глупого совета и ограничила курение, дойдя до восьми-десяти сигарет в день. И за три недели потолстела на шесть килограмм.

В-третьих, два года я провела в неподвижности. Началось с ишиаса, после которого остался парез — или легкий паралич — левой ноги. Потом случился перелом плюсной кости на этой самой ноге, и приговор ортопеда: «Не ходить!» А затем я сломала ребро, и тут уж сама, без указаний медиков, предпочла не двигаться. После чего превратилась в сущую полупарализованную развалину.

Но при этом ела. Не помню, что именно, но наверняка знаю — питалась обильно и непродуманно.

А когда после всего перенесенного увидела себя на фотографиях, да при этом еще не смогла влезть в любимую старую юбку, решила принимать меры.

Начала, как положено, с изучения научной литературы по данному вопросу, прочла все доступные мне материалы на тему «Как сбросить лишний жир», ознакомилась решительно со всеми советами, выслушала также устные указания специалистов в данной области. И осталась очень недовольна.

Как похудеть? Все в один голос запрещали употреблять в пищу продукты, от которых толстеют: супы, сахар, сладости, жиры, мучные изделия, каши, жареное мясо и клецки в соусе. Замечательно, супов я и без того с детства не ем, никогда их не любила, одного килограмма сахара мне хватало на три года — всю жизнь пила чай без сахара, от сладостей отвыкла до такой степени, что самые расчудесные пирожные и шоколадки привыкла относить к предметам искусства или украшениям. Ведь никому не придет в голову проглотить, скажем, аметист. О

появлении в нашей жизни чипсов знаю лишь потому, что иногда покупаю их для гостей. Хлебо-булочных изделий почти не ем. Привыкла есть без хлеба и рыбу, и мясо, и сыр. А что касается мучных изделий, меня никогда не посещала идея испечь пирог, кекс, торт, килограмма муки мне хватало даже на более долгий срок, чем сахара. Круп в моем доме сроду не водилось, мясо жарила редко, да и не особо люблю я его. Клецки... так их же готовить надо! Ну, скажем, можно купить замороженные в магазине, но откуда взять для них соус?

Спрашивается, от чего же я должна отказаться?

Вот и разозлилась, понятное дело.

И очень позавидовала Марии. Врачи рекомендовали ей питаться сплошной мерзостью: обезжиренный творожок, приготовленные на пару овощи, почти без соли, фрукты, только не сладкие, отварная рыба, отварное обезжиренное мясо... А ей все это нравилось! Мало сказано — нравилось, она просто обожала такую еду и с большим удовольствием, безо всякой рекомендации врачей, только этим и питалась.

Такое не для меня, пришлось задуматься и перестроиться. Я перестала толстеть, но и не худела. Я еще грешила на щитовидку, может, мои неприятности с весом от нее? Ведь она порой откалывает такие штуки, одни из-за нее худеют, другие, наоборот, толстеют. По моему настоянию мне сделали все анализы, причем я потребовала трижды их повторить — а вдруг по пути что-то потеряли и в щитовидке все дело? Увы, моя щитовидка, не дрогнув, выдержала все обследования, чтоб ей пусто было. Значит, это метаболизм, неправильный обмен веществ. Меньше есть, больше двигаться!

Как-то мне не очень улыбалось двигаться, меня развезло от жира, не говоря уже о возрасте. В районе шестидесяти пяти редко кому захочется начинать заниматься спортом. И я ухватилась за правильное питание.

Начала с двухнедельной диеты, дневной рацион состоял из двух яиц вкрутую и двух помидорок. Выбрала все же пищу поприятнее. А сама ведь прекрасно знала — от приятной пищи не похудеешь, надо есть то, что противно, от чего с души воротит, тогда наверняка много не съешь. Собралась с духом и переключилась на протертый капустный супец. Большими кусками капуста в меня совсем не лезла. В первый день, поскольку я основательно перед тем наголодалась, супец даже показался мне вкусным, на второй день — еще приемлемым, но уже на третий — отвратительным. На четвертый же капустный супчик был вылит в унитаз. В полном отчаянии я решила еще на одну диету, рекомендованную при нукудышном метаболизме

и тоже рассчитанную на две недели, но сдалась уже на полпути, капитулировав перед жареным сельдереем. Добила меня морковка с яйцом. Я даже не очень страдала от голода, просто жизнь потеряла всякую привлекательность.

И я наплевала на научные диеты. Выбрала самое простое — ела то, что хочу, но поменьше, досыта не наедалась, старательно следя за тем, чтобы остаться чуточку голодной. И результат не заставил себя ждать. Безо всяких операций я уменьшила свой желудок. Внешне, возможно, это выглядит странно, ведь я не в состоянии съесть обычную порцию как нормальный человек. Кстати, этим объясняется и уже упомянутый шницелек. В ресторанах, как правило, я ограничиваюсь закусками и довожу до отчаяния Ягоду Готковскую из Песков с ее рыбой.

(Пани Ягода, если хочет, может подать на меня в суд. Я во всем признаюсь.)

Ягода Готковская — камень преткновения на пути к моему рациональному питанию. У этой женщины выработан условный рефлекс: при виде любого человеческого существа она тут же заставляет весь стол едой.

И какой едой! Ладно бы это были голубцы, жаркое из телятины, салат из квашеной капусты или холодец из ножек, а к нему хрен, всякие там субпродукты, баранина с чесноком, сальцесон, изделия из дрожжевого теста... Все это я не очень люблю. Как-то можно вытерпеть. Так нет! Она подает такую рыбу, такую рыбу... что слов нет! Поэзия, а не рыба! Пусть помру, но отказаться от нее я не могу.

Я уже боялась заходить в чудесную кухню Готковских, а войдя на цыпочках, торопилась сбежать, пока в хозяйке не пробудился инстинкт кормления. И дождалась. Вальдемар, которого я в своей книге ядовито высмеяла за то, что избегает есть дома, не менее ядовито теперь поинтересовался у меня:

— Ну теперь видите, по какой причине я избегаю домашних обедов? Ведь если бы я ел все, что готовит мне жена, я бы уже давно лопнул.

На столе между нами стояло блюдо благоухающих рыбных котлет, прямо со сковороды.

Пришлось извиниться перед ним, но при этом я заметила, что убегать он может, но тогда зачем же жаловаться, что приходится жить без горячей пищи.

После каждого моего возвращения в Варшаву из Песков мне с трудом приходилось избавляться от набежавших там полутора килограммов. А ведь на Балтике я двигаюсь гораздо больше, чем в Варшаве.

Я пила натошак грейпфрутовый сок. Составила список плохих

и хороших калорий. Ограничила пиво, потому что единственным не приносящим вреда напитком оказалось красное вино. Питалась я творожком, описанным в моей «Книге про еду», тушеными куриными ножками, небольшими кусочками сыра, нежирной ветчиной, фруктовыми салатами и чем-то там еще.

Не скажу, что мне было легко. По натуре я из мясоедов, люблю кухню польскую и немецкую, не слишком мне нравятся французская и итальянская, а блюда китайской кухни я бы ела с таким же аппетитом, как швейные нитки. Обожаю отбивные, клецки в соусе, а если спагетти, то только карбонари. Люблю вареники, картофельные котлеты с густой сметаной, желтый жирный сыр, самый вредный, от которого больше всего толстеют. А также запеченную в духовке птицу, по возможности жирную и с поджаристой шкуркой.

И всего этого я не ела, сознательно лишила себя вкусов, поскольку серьезно решила сбросить лишний жир. А прежде, когда была еще молода и не слишком толста, были всякие сложности. То трудности вообще с продуктами. То нехватка времени для приготовления этих блюд, а потом я растолстела и пришлось худеть.

И вдруг однажды, по возвращении из отпуска во Францию, с удивлением заметила, что скинула два с половиной килограмма.

Сначала не поверила глазам своим, потом своим весам. Они уже столько раз подводили меня, показывая самые несуразные цифры. Я даже как-то решила их проверить, взвесившись сначала просто так, а потом с литровой бутылкой минералки, а они показали один и тот же результат! А бывало, для смеха, я взвешивалась до того, как почищу зубы, и после, так вот «после» было больше, словно я еще и пасту проглотила.

Пришлось купить солидные медицинские весы, которые честно показывали каждые пятьдесят грамм, и тем самым я вступила на научный путь в своем стремлении похудеть.

После очередного отпуска во Франции я спустила уже целых четыре килограмма и была бы совершенно счастлива, но мне страшно не хватало моих любимых устриц. В качестве замены я стала налегать на салаты из креветок и крабов, спаржи, с добавлением дыни, грейпфрута и майонеза, причем лопала без зазрения совести, не оглядываясь на последствия. Без этих салатов мне становилось нехорошо, и выдержать без них я могла лишь один день.

И медленно теряла вес.

И только во время очередного отпуска, проведенного, само собой, во Франции на устрицах, когда я совершенно избавилась от избыточного веса и первый раз смогла надеть дотол

недоступную мне юбку, я поняла, в чем дело.

А все благодаря Эве Шиккульской. Как хорошо, что она согласилась выступить в рекламе, восхваляющей целительное воздействие хрома на организм человека, да пошлет Господь ей здоровье! Я ни за что не поверю в жировые отложения Эвы Шиккульской, это она на себя наговаривает, но без наговора она не смогла бы выступить в рекламном ролике о том, как похудеть. Оказывается, худеют под воздействием хрома, который в больших количествах содержится во всех этих морских существах, а также в капусте брокколи и еще в чем-то. Правда, рекламировала Эва какие-то не то таблетки, не то пилюли с хромом, но я уже поняла — сама того не ведая, ела то, от чего без всяких лишений можно избавиться от избыточного веса. И не нужны таблетки, ведь ешь все в натуральном виде.

Вот, пожалуйста, без страданий и невероятных усилий, без вредных химикатов, да еще питаюсь самыми любимыми продуктами, оказывается, можно похудеть. И пусть никто мне не морочит голову глупостями.

А что касается чувства голода... Одно дело, когда у человека сосет в желудке и в глазах мутится от недоедания, когда он чувствует, что кишки у него присохли к позвоночнику. И совсем другое, когда он чувствует — просто не досыта наелся. Остается в нем какое-то пустое местечко, он бы еще что-нибудь съел. Но попозже.

Как-то я оказалась на небольшом банкете для таких вот худеющих, организованном в Ла-Боле. Очень интересно было поглядеть, чем же там станут угощать. Я попробовала все! А были там микроскопические бутербродики, сделанные не на куске булки или хлеба, а на кружочке огурца, редиски, на стебельке порея или кусочке сельдерея. На них — немного творожка, креветка, улитка, кусочек моллюска, половина ложки какой-то пасты (кажется, пропущенный через мясорубку тунец), помидорчик, маслина и т. п. Очень все было вкусно, только несоленое. Если бы под рукой имелась соль, так я и этого бы упрека не высказала.

Не знаю, проводил ли кто-нибудь когда-нибудь научное исследование на тему — что чувствует заядлый обжора после того, как набьет пузо до предела? И что он чувствует, если в этом пузе останется еще немного пустого места? Слегка голодной я была почти пятнадцать лет и, признаюсь, полюбила это чувство.

Когда смотрю английские документальные фильмы о таких толстяках-обжорах и слышу о прописанных им диетах, у меня волосы на голове шевелятся. При моих четырнадцати килограммах избыточного веса я не могла назвать блюда, от

которого бы мне не советовали отказаться. А у этих жирняев я бы с наслаждением отобрала абсолютно все!

Зачем им эта картошечка к мясу и овощам? А без картошечки не обойдутся?

Минутку, кажется, я слишком многое себе позволяю. В конце концов, я не пишу специальную книгу о рациональном питании, я просто собиралась похвастаться — и все. Чтобы баба в моем возрасте похудела самостоятельно, по собственному разумению и за собственный счет — такое не часто случается. К тому же все мои предки по женской части обладали генетической склонностью к полноте, так что я должна бы быть толстой как бочка.

А знаете, что меня больше всего раздражало, когда я была толстой? Я кряхтела и пыхтела, вытирая ноги после купания.

Раз уж в предыдущей главе я упомянула Пески, будет логично здесь же поведать, что после моих хлопот, многочисленных писем и скандалов, которые я устраивала местной администрации в этой части Балтийского побережья Польши, меня удостоили звания почетного гражданина Морской Криницы.

Хлопотала же я и скандалила по различным поводам: из-за антисанитарного состояния местной школы; из-за необходимости организовать транспорт, чтобы привозить учеников за двенадцать километров; из-за ужасных дорог до причалов в Песках и Лесничувке; из-за отсутствия не только врача, но даже аптеки в Кринице; ну и из-за прочего. Езжу я в эти места много лет, за последние четверть века немало из имевшихся недостатков исправлено, зато появились новые. А вот дороги так и остались в первобытном состоянии. Надо признаться, что в состоянии подъездных путей я и сама кровно заинтересована, поскольку в последние годы стараюсь преодолевать возвышенности на машине, как можно ближе подъезжая к пляжу.

И вот однажды, когда я осмелилась припарковать свою машину у порта в Лесничувке, меня оттуда вышвырнули как чуждый элемент. Нечто подобное случилось и в Песках. Я же не местная, могу себе парковаться в Варшаве, а не здесь! В спешке и раздражении я нечаянно съехала с бетонной дороги и увязла в песке, и для того, чтобы меня извлечь, пришлось прибегнуть к помощи армии.

Понятное дело, я была счастлива, став почетным гражданином Морской Криницы. Вот только не очень понимала, чем заслужила такую честь. Но я не возникала, молчала в тряпочку и не задавала глупых вопросов, довольная уже тем, что

меня уравнивали в правах с местной общественностью. Одно только меня тревожило тогда и продолжает тревожить до сих пор.

Дело в том, что очень уж сомнительны подтверждающие эти права доказательства. Одно доказательство выглядит как медаль. Это золотой круг диаметром минимум в десять сантиметров, очень тяжелый, и нет никакой возможности носить его на шее или прицепленным к одежде. Другое доказательство — великолепно оформленная на твердом картоне громадная грамота, затянутая в пленку. Она решительно никуда не помещается.

Несколько лет я ломаю голову над тем, каким образом я могла бы подтвердить свое почетное гражданство, ведь оба доказательства хранятся у меня дома в Варшаве. Везти их с собой? А если пропадут, не приведи господь? Просверлить в медали дырку? Вроде как неловко. Робко, деликатно, иносказательно намекала я компетентным органам на необходимость снабдить меня чем-нибудь маленьким, скажем размером с паспорт, чтобы на бумажке, и лишь бы печать стояла да пара слов. Никто как-то не возражал, но никто ничего и не предпринял, так что проблема остается...

Теперь речь пойдет о кошках, так что если кто их не любит, пусть не читает. А я все же напишу, должна же я когда-то написать о том, что для меня самой приятно.

Я и прежде писала о кошках, но мимоходом. Теперь же расскажу подробно. Но вначале хоть коротко и неохотно поясню, почему я увлеклась кошками, а не собаками.

Собака — животное очень чувствительное. В собаке кроется целый вулкан любви к своему хозяину (не будем морочить голову и каждый раз добавлять — или хозяйке, и так понятно), и она жаждет взаимности. В отсутствие объекта своего обожания пес страдает, а по возвращении хозяина не помнит себя от радости и счастья. Словом, собака точь-в-точь как влюбленная женщина, которую даже временное отсутствие любимого погружает в бездну отчаяния, а когда любимый рядом, ей нужно каждую минуту держать его за руку, с тревогой заглядывать ему в глаза и каждую минуту требовать заверений «люблю тебя, люблю тебя». Перед женщиной я бы, может, и устояла, а вот перед собакой — вряд ли.

Собака так на тебя смотрит, что сердце разрывается. Нет, собачьих взглядов мне точно не вынести. На столь сильное чувство надо отвечать равноценным, иначе пес будет несчастным, а мне это не под силу. И вообще многое из того, что касается собак, мне не под силу. Собаке надо как следует набегаться

каждый день, с ней нужно гулять, утром и вечером — это как минимум. Для нее нужно большое пространство, территория. Вот если бы у меня было пять гектаров — пожалуйста, но тогда мне пришлось бы отказаться от идеи сада, ограничившись одним газоном. Ведь что бы я ни посадила, пес непременно на этом месте покатается-повалится, уж я-то знаю на собственном опыте.

Прогулки же с собакой хоть и полезны для здоровья, но я не представляю себя в восемь утра, бодро марширующей с собачкой на поводке. Мне бы в это время из кровати выползти да начать готовиться к наступившему дню. А вечером, в темноте, которую я не выношу, поскольку она напоминает о куриной слепоте... Нет, собаку мне не потянуть. А в глаза собаке вы хоть когда-нибудь смотрели? Мне лично такое трудно выдержать.

Конечно, собаки бывают разные, с разными характерами, многое зависит и от того, как ее приучишь, но главного в собаке — ее привязанности к человеку — не изменишь.

Кошкам же в принципе на человека наплевать. Конечно, часто они очень привязаны к хозяйке, но не так безоглядно. Собака умрет за человека, а кошка нет. И очень хорошо, не могу я брать на себя ответственность за жизнь такого благородного существа, как собака! Может, где-то я и преувеличиваю, но в целом проблеме я представляю именно так.

Кошки — полнейшие эгоисты, они сами справляются со своими проблемами, они знают, чего хотят и как этого добиться, мне же их прихоти и причуды не мешают. А кроме того, и об этом я уже писала, между мной и всеми представителями кошачьих существует какая-то глубинная биологическая связь, будь то котенок или тигр. Само присутствие кошки не только приятно мне, но и действует успокаивающе, а уж возможность ее погладить — ни с чем не сравнимое удовольствие. И знаете, если весь день на моей постели дремлет кошка, мне потом ночью лучше спится. Говорят, кошки поглощают какие-то вредные для человека излучения. Вот и чудесно. Люблю я кошек!

Долгое время у меня своих кошек в доме не было, высокий этаж и постоянные разъезды не позволяли держать животных, так что мои контакты с кошками ограничивались общением с чужими любимцами. Помню, с каким трудом я перенесла присутствие в квартире оставленных мне на лето детьми хомячка и попугая. Но вот я переехала в новый дом, и здесь завязались отношения с кошачьими.

Это были бездомные кошки, дикие. Сначала я увидела, как по куче стройматериалов на соседнем участке ползает что-то маленькое, в черно-белые пятна. Возможно, существо и на мой участок заглядывало, когда никого не было. Позднее, когда я уже

основательно загнездилась на новом месте, на террасу заглянуло другое существо, черное как уголь и покрупнее. Я угостила котенка колбасой, в ту пору у меня не водилось ни молока, ни тем более кошачьего корма.

Тогда я подкармливала этих приبلуд остатками со своего стола — рыбой и куриным мясом. И черный котенок осмелел настолько, что однажды решился войти в распахнутую дверь. Я сидела не шевелясь, чтобы не спугнуть, и наблюдала. Котенок чуть ли не на брюхе вполз в комнату, ежесекундно с опаской оглядываясь. На какой-то миг он исчез из поля зрения. Я пошевелилась, и котенок тут же метнулся обратно на террасу.

Миновало какое-то время. Я уже постоянно выставляла на террасу миски с едой, двери старалась держать открытыми, несмотря на близящиеся холода. И вот однажды опять увидела знакомого черныша, однако, приглядевшись, усомнилась — тот ли это? Теперешний гость был огромной черной кошкой, настоящей черной пантерой. Неужели котенок так вырос?

А как-то раз мне удалось застукать на террасе сразу двух черных гостей — давешнего маленького котенка и черную пантеру. Все-таки это были разные кошки. С той поры я постоянно прикармливала бездомных бродяг, наверняка их было больше двух, но других заметить мне не удавалось. А малыш со временем осмелел и, поскольку двери для него я оставляла открытыми, стал все чаще входить в комнату и даже валялся на ковре. Уж не знаю почему, но я назвала его Флорек — мне казалось, это должен быть котик, а не кошечка.

Погладить себя он не разрешал, нечего было и мечтать о таком счастье. С досады я как-то высказала ему свое неудовольствие, заявив, что никакой он не Флорек, а настоящий Фраер, к тому же глуп как пробка, ведь не укушу же я его! А большую черную кошку логично было назвать Черной Пантерой, так и случилось, хотя вскоре выяснилось, что это кот, а не кошка. Так и остался Черным Пантером.

Жаль, я не вела записей, а ведь события заслуживали исторической хроники, сейчас бы мне не пришлось мучительно припоминать развитие событий на кошачьем фронте. Помню, что появилась, но очень скоро исчезла полосатая серая кошечка, которая привела ко мне своих детей — трех котят. Двое были нормальные, а третий — не пойми что, до предела странное существо, какой-то пушистый раздерганный комок, неравномерно вылинявший и вечно взъерошенный.

Предвосхищая события, сразу скажу, что из него вырос роскошный Пуцик, мой любимец.

А первое существо, то самое в черные и белые пятна,

прижилось вместе с белым котенком в черные пятна. Потом один из них ушел к каким-то соседям и исчез с глаз моих. Следом появилась черная кошка тоже с тремя малышами...

Ну и потекли события, которые не забудутся.

Войдя как-то в кабинет, я застала прелестную картинку: на мягком изголовье кресла крепко спал маленький черный клубочек. Мои руки сами потянулись к нему, двигалась я бесшумно... Черный клубочек пулей выскочил из-под рук, промчался через гостиную, шмыгнул в распахнутую дверь на террасу и исчез. К сожалению, от страха он обделался, уж извините за выражение, такое случается со всеми котятками. Обкакался то есть.

Пани Хеня... вот-вот, я должна была раньше о ней заговорить, да только язык не поворачивался. Пани Хеня, человек нормальный, в отличие от меня, с самого начала отнеслась к приваживанию кошек настороженно. Были у нее плохие предчувствия. Я быстренько убрала последствия кошачьих страхов, не скажу, что не осталось следов, но я очень старалась, и они уже не так бросались в глаза. Но происшествие заставило меня задуматься. И когда я услышала, как черная кошка у входа в кабинет приглашающе мяучит, а через порог в гостиную доверчиво перелезают ее детки, я вынуждена была этому воспротивиться. И, закрывая дверь, укоризненно обратилась к мамаше:

— Ну уж нет, раз ты не можешь как следует воспитать детей, номер не пройдет. Сначала определись, кто я для вас — любящая бабушка или страшное чудовище.

Смертельно обиженная, черная мамаша устроила мне под стеклянной дверью настоящий скандал, высказывая свои претензии в возмущенных «пфф, пфф, мраууу» и требуя немедленного доступа в безопасное убежище. Но я боялась пани Хени и потому осталась неумолимой. Пришлось черной кошечке примириться с одеяльцем, из которого я устроила для ее семейства удобную подстилку на террасе. Вот таким образом одеяльце, служившее мне верой и правдой не одно десятилетие, доживало в почете свои дни.

(И подумать только, в те жуткие дни начала войны мы потеряли массу ценных вещей, а вот это довоенное неказистое одеяльце уцелело.)

Должно быть, прижившиеся у меня кошки к тому времени уже считали террасу своим домом, так как дружно изгнали пришлую кошку, хоть размерами она не уступала Черному Пантеру. И та, не протестуя, удалась, но на следующий день привела двух своих малышей и бросила их на произвол судьбы.

Котятами сразу же занялись две мои кошки, черная и серая, но потом серая куда-то исчезла. Поголовье животных на моей террасе в те дни менялось очень быстро.

Наконец я сосчитала своих подопечных. Постоянных обитателей террасы оказалось одиннадцать штук. Когда по осени одна из кошек окотилась на моем одеяльце, я опять произвела подсчеты, и получилось, что через год у меня будет сто сорок кошек, а это могло вызвать недовольство окрестных жителей и пани Хени, не говоря уже о всяких сложностях — с кормежкой и прочим.

Преодолев инстинктивное внутреннее сопротивление, я обратилась к ветеринару.

Вот, опять сказывается отсутствие кошачьей хроники, не помню, в какой последовательности мы с ним взялись за адскую работу. Надо было всех кошек избавить от глистов и прочих хворей, привести в порядок, кастрировать и всем сделать необходимые прививки. Трудность заключалась в том, что кошки были дикими и разбегались при одном появлении у террасы человека. Пришлось их долго приручать, я добилась того, что, когда выходила на террасу с едой, они лишь отскакивали в сторону, но не убегали. Но и речи не могло быть о том, чтобы кого-нибудь из них поймать.

Пришлось измышлять всевозможные способы для поимки моих питомцев. К счастью, ветеринар оказался терпеливым и умелым.

Он привез две клетки. Одна из клеток была особенная, сделана по спецзаказу для отлова диких животных, и не обязательно в наших широтах. Она была целиком сетчатой, просторная, замок автоматически защелкивался, когда животное оказывалось внутри. Мои кошки к тому времени уже привыкли к домику, сделанному из ДСП, обитой утеплителем, много времени проводили в этом домике в холодное время года, охотно там спали. Теперь надо было приучить их к клетке. Ее поставили у входа.

Осторожные по природе кошки привыкли к клетке уже через три дня, и нам удалось всех переловить. Ушло на это два месяца, может, два с половиной.

И тут выяснились кое-какие вещи. Во-первых, то самое черно-белое существо, которое я заметила на соседней стройке, было прежде домашней кошечкой, выброшенной из дома венцом творения, царем природы, отвратительнейшим из млекопитающих — человеком. Кошечка была привычной к человеку, любила ласку. По осени она стала такой толстой, что все мы встревожились. Говорю — все, ибо в кошачьей кампании

участвовали Малгося, Витек и пан Тадеуш. Толстая — значит, будут котята, опять неприятности. Кошечка легко разрешила себя поймать, доктор ее осмотрел и заявил:

— Ничего подобного. Просто это толстая баба. Смотрите, какая жирная.

— Толстая Берта, — вырвалось у Малгоси.

Вот так кошку нарекли Бертой. Это именно она спит на моей постели.

Первым делом все мои подопечные получили лекарство от глистов. Это оказалось проще всего, лекарство было вкусным, и кошки охотно его поедали. Тут окотилась на моем одеяльце серая кошка, та самая нерадивая мамаша, что привела ко мне трех котят. Впрочем, очень скоро она исчезла, и котятами пришлось заниматься мне. Возникли трудности с кормежкой, я с тоской ожидала, когда же потеплеет. И тут Берта отколола номер. В холодный дождливый день она, ни слова не говоря, схватила одного из котят и куда-то утащила. Уж не знаю, что ей втемяшилось в голову. Сидя в кухне, я вдруг услышала доносившееся со двора отчаянное мяуканье. Вышла, мяукали явно под моей машиной. Я нагнулась, пытаюсь разглядеть, где мяукают, ничего не увидела, только плаксивые призывы стали пронзительнее. Берта крутилась под ногами, мешала. Оказалось, она затолкала котенка глубоко под переднюю часть машины, я с трудом протиснулась туда и извлекла несчастного.

Один из этих поздно родившихся котят был с восторгом принят соседскими детьми. Второго убил Черный Пантер. Не специально, просто оттолкнул, а котенок был такой слабенький... Я стараюсь утешаться мыслью, что такие вопросы разрешает сама природа, а не я. Считать себя ответственной за все на свете — страшное дело.

Интересно, приходят ли в голову такие мысли кому-нибудь из власть имущих?..

Почему-то одного из котят, подброшенных чужой кошкой, пришлось воспитывать и кормить отдельно, дома. Уже не помню почему. Его мы прозвали Телевизором.

А как по-другому назвать котенка, который с раннего детства сидит и пялится в телевизор? Сидит неподвижно, забыв обо всем на свете. Это Малгося с Витеком его так прозвали. Я не возражала. Телевизор оказался глуп как пень. Наверняка влияние телевидения.

Серую кошку, ту самую, которая зарекомендовала себя плохой матерью, мы прозвали Рыжей. У нее были рыжеватые ушки, а в солнечном свете и вся шерстка отливала рыжиной. Ее брат остался просто Братцем. Милый, спокойный, симпатичный

котик. А вот черных очень трудно различить. До сих пор мне не удалось определить, у кого из них по хребту идут серебряные волоски — у коротколапой кошки или у той, что с длинными изящными лапками. Я завела одиннадцать книжечек здоровья — на каждую кошку, но не всех кошек узнаю в лицо. Разумеется, Флорека я определяю легко, он больше всех и с длинными лапами. Поскольку отловить кошек было непросто, мы, чтобы не перепутать черных, иногда помечали их краской. У одного кота, например, кончик хвоста так и остался золотым, другой краски в тот день не нашлось.

Всей этой компанией правил Черный Пантер, абсолютный монарх. Когда я подходила к нему с кормежкой, он рычал даже на меня. Остальных подданных отгонял одним взмахом лапы. Я же не отличалась покорностью, мне не нравилось его поведение, агрессивности отродясь не выносила. Не он один здесь живет, другие тоже имеют свои права. Сколько раз я поучала его:

— Ну это что ты такое себе позволяешь? Берегись, а то схвачу и приласкаю, поганец ты эдакий.

Уверенный в себе, он никого не боялся, и стоило мне попытаться его погладить, как он начинал рычать, точно злая собака. Однажды я попробовала подтолкнуть его к миске, так кот цапнул меня за руку. Заживало недели три.

Но время шло, и Черный Пантер стал поласковее, уже позволял себя гладить, и я поняла — кот стареет. С самого начала было заметно, что он не из юных, поэтому мы не кастрировали Флорека: ведь кому-то придется стать наследником властелина. В прошлом году Черный Пантер исчез, и я надеюсь, он теперь в кошачьем раю.

Не знаю, как в кошачьем сообществе происходит смена власти, но у нас получилось, что после Пантера главной среди кошачьей братии стала Берта, а не Флорек.

Один из двух котят черной кошки заболел. Должно быть, простудился — кашлял, отказывался от еды. Опасаясь, как бы у него не развилось воспаление легких, мы решили лечить его антибиотиками. Котов полагается лечить этим средством в течение двух дней. Котенку сделали один укол, погода стояла хорошая, и я оставила его на улице. На следующий день предстоял второй укол.

Поскольку котенок привык есть в доме, заманить его для укола было нетрудно. Но вслед за первым котенком прошмыгнул и второй, а их невозможно различить. Ветеринар долго думал и махнул рукой. Выход один — сделать уколы обоим.

Мне же пришлось оставить в доме двух жутко раздерганных котят, поскольку на улице похолодало.

На следующий день с утра я принялась разыскивать пациентов по всему дому. Первым делом обнаружила последствия действия их пищеварительной системы — к сожалению, посередине гостиной, на ковре. Потом то же самое в углу кухни. Затем нашла самих котят на полке над камином. Странно, что они ничего не спихнули с полки, ничего не разбили. Это, конечно, замечательно, но из-за пани Хени я разнервничалась и бросилась прибирать за котятками. Размеры бедствия оказались куда больше, чем мне поначалу показалось.

Возилась я до самого обеда, обнаруживая все новые и новые следы кошачьей жизнедеятельности. В полном отчаянии я позвонила Малгосе, рассказала ей о случившемся и попросила помощи.

Малгося приехала с Витеком, огляделась и потребовала, чтобы впредь я ничего сама не предпринимала.

— Ты размазала это добро по всему дому, только хуже сделала.

Очень довольная тем, что в доме чистота, я со спокойным сердцем ждала прихода домработницы.

На следующий день пришла пани Хеня и обнаружила, что и гостевая комната на втором этаже загажена до основания — я забыла закрыть в нее дверь. Холеные котятки неизвестно почему безумно оживились от антибиотика, проявили несусветную прыть и облазили весь дом, повсюду оставив следы своего пребывания. А самую большую кучу наложили на кровати в гостевой комнате. Шокированная пани Хеня поинтересовалась, откуда это тут взялось.

Сконфуженная до предела, я попыталась принять участие в устранении последствий собственного легкомыслия. Но жалким оказался мой вклад. Да и сама пани Хеня здорово намучилась, ведь она орудовала по старинке лишь водой с мылом. Снова призывали на помощь Малгосю, она примчалась со специальной жидкостью. Когда все было убрано, я побрызгала в комнате духами. Не помогло.

Тогда прибыл пан Ришард и распылил повсюду какой-то специальный дезодорант.

Ой, боюсь, никто из них не испытывал ко мне теплых чувств.

Однако время все лечит, в том числе и покрывала — к приезду моих канадских гостей на нем не осталось и пятнышка.

Котятки же не только выздоровели, но прижились в доме и получили имена. Моника пожелала, чтобы кошечку окрестили в честь нее, а братца кошечки назвали Каспариком^[6]. Пожалуйста, я не против. Хотя если честно, то Моника — в данном случае я говорю о кошечке, — выросшая и воспитанная в доме, оказалась

самой глупой и пугливой из всех моих кошек. Может, причиной всему — память о страшном уколе, который ей сделали в младенчестве?

Особый раздел будет посвящен Пуцику.

Никто не знает наверняка, откуда мог взяться такой кот. Высказывались предположения, что какая-нибудь из его прабабушек согрешила с персидским котом. Или в нем самом проявилась ни с того ни с сего какая-то древняя порода... Ох, оторвусь-ка я от компьютера и пороюсь в энциклопедиях и книгах о кошачьих породах...

Нет, пожалуй, в спешке вряд ли что найду, потому ограничусь предположениями. Смутно помнится мне, что существует такая порода кошек — пушистые и короткохвостые, но морды у них отличаются от физиономий персов, обычные кошачьи морды. А характер аристократичный. Короче, мой Пуцик — личность, в этом нет никакого сомнения. На всякий случай мы не стали подвергать это сокровище никаким прививкам и операциям, так что я до сих пор не знаю, какого он пола.

Если дверь на террасу открыта, Пуцик входит в дом, садится в полутора метрах от меня и начинает пристально разглядывать. Сидит и смотрит, не шелохнется. Я заговариваю с гостем, спрашиваю, не поел бы он чего, — никакой реакции, словно я к стенке обращаюсь. Приношу ему кусочек сырой говяжьей вырезки, перед которой ни одна кошка не устоит. Он подойдет, явно из вежливости понюхает и опять усядется на прежнее место.

И снова сидит и смотрит. А вырезка лежит. О чем этот кот думает?

А когда наскучит ему любоваться моей особой, он, придирчиво выбрав стул, вскакивает на него и укладывается спать. Приблизиться к нему нельзя, погладить тоже нельзя. Кроме того, он никогда не смешивается с толпой, вообще не любит толкотни, никогда не полезет с другими кошками к миске с едой, ест один, когда никто не мешает. Больше других кошек Пуцик любит молоко.

Вот я выхожу с картонкой молока.

— Пуцик, — зову, — молочко! Хочешь молочка?

Пуцик оглох и глядит в другую сторону. Однако изредка ведет себя иначе: не выдержав, поворачивает голову, смотрит на пакет с молоком и без особой спешки направляется к миске. А случается, так и вовсе при виде молочка опрометью летит к пустой миске и ждет меня. Но такое редко бывает. Чаще он всем своим видом демонстрирует, что никто тут не смеет ему приказывать.

Берту он любит — как и все остальные кошки.

Она у нас самая главная, без нее среди моих подопечных царил бы хаос. Берта — дама важная, что отнюдь не мешает ей нахально требовать, чтобы впустили в дом, и потом весь день спать на моей постели. К вечеру она просыпается, требует положенную порцию ласки и, тщательно обласканная, возвращается в общество, которое уже столпилось на террасе, поджидая ее.

И вдруг Берта пропала. Исчезла.

В пятницу вечером она не пришла ужинать. Я тогда не придавала этому особого значения. Кошки, как известно, гуляют сами по себе. Проголодается и прибежит. Однако и утром в субботу она не появилась, а ведь прежде Берта никогда не пропускала кормежки. Я еще старалась успокоить себя — ничего страшного, поела у кого-нибудь, а сейчас отсыпается где-то, возможно даже в приличном доме.

За всю субботу она так и не показалась. Тревожилась не только я, кошки тоже начали волноваться. Они все чаще заглядывали в дом, видимо считая, что это я скрываю там их любимицу.

А я уже всерьез забеспокоилась. Вышла на дорогу, прошлась в одну сторону, в другую — не дай бог, бедняжка попала под колеса...

Я ведь специально и завела свободную кошачью братию, чтобы не привязываться ни к одному из животных, чтобы не сходить с ума, как я сейчас схожу, не впадать в отчаяние от потери любимца и не доводить себя до предынфарктного состояния. И вот уже несколько дней мечусь по окрестным дворам и дорогам, обхожу все дома, заглядываю в каждый закоулок, тщетно взывая: «Кис-кис-кис, Берта, Бертуся, отзовись, где ты, зараза этакая, кис-кис-кис».

И все же я не теряла надежду. Напротив моего дома была стройка. Возможно, кошка отправилась туда, рабочие ее накормили, она пригласилась в доме и заснула. А рабочие вечером в пятницу заперли недостроенное здание, и кошка на весь уикэнд осталась взаперти. Сидит, дуреха, голодная, может, и просится наружу, но ее никто не слышит.

Я подошла к соседскому участку, прислушалась. Тишина.

Взволнованные кошки бестолково крутились на террасе, заглядывая через стекло в дом. Я позвонила Малгосе. Та, как и я, считала, что глупая Берта умудрилась проникнуть в какой-нибудь дом, откуда сможет освободиться лишь в понедельник. Остается дожить до понедельника.

Ну и оказалось, мы правильно рассудили, вот такие мы с

Малгосей умные. Утром в понедельник Берта появилась на террасе, с восторгом встреченная всеми ее обитателями. Как они к ней бросились, как ласкались, прижимались, вылизывали ее и опять пускались обниматься. Я бы не сказала, что она отошала и плохо выглядела, нет, по всему было видно — уик-энд кошка провела в довольно комфортабельных условиях.

Только Берте разрешается оставаться в доме при закрытых дверях и даже проводить ночь в доме. Остальные кошки явно страдают клаустрофобией — боязнью замкнутого пространства. Когда двери на террасу открыты, они свободно проникают в дом и располагаются в самых неожиданных местах, по большей части выбирая мягкие изголовья кресел. Но как только я начинаю запира́ть двери, поднимается паника, все срываются с мест и бросаются к выходу. Если стеклянная дверь уже закрыта, они пытаются проникнуть наружу сквозь стекло, мяукая и царапая его когтями. Однако стоит лишь приоткрыть дверь, как паника моментально прекращается.

Много беспокойных минут пришлось нам пережить летом, когда дети пришли ко мне в гости со своей собачкой. Это был маленький беленький кудлатый щенок по кличке Милтон. Я как-то не встревожилась при виде такого крохи, не приняла мер, и двери на террасу остались открытыми. Прикрыта была лишь сетка от комаров.

Милтон мигом унюхал кошек, стрелой промчался сквозь все комнаты и с размаху налетел на сетку. Легкая дверца распахнулась, песик вырвался на террасу, и мои коты прыгнули в разные стороны. Песик за ними — еще бы, такая замечательная игра!

Я огорчилась — ведь теперь весь сад потопчут, плакали мои цветочки-росточки.

Ежи с Мариолой бросились ловить своего питомца, обежали весь дом, и двор, и сад-огород. Они боялись, как бы он между прутьями в заборе не выскочил на улицу, по которой все же изредка проезжали машины. Поймали его с большим трудом, но с тех пор я никогда не забываю закрывать двери на террасу.

Сад же в большей своей части уцелел. Несколько разобиженные кошки вскоре вернулись, их здоровье нисколько не пострадало. И с интересом уселись перед стеклом, за которым бесновался песик.

Сейчас у меня в постояльцах числятся десять кошек (иногда их количество возрастает до четырнадцати). В двух домиках спят девять штук, десятый кот появляется лишь к завтраку, четверо же то приходят, то не приходят. Моя терраса для них что-то вроде

местной забегаловки. Все они разные, и у всех есть клички.

Перечислю некоторых.

Рыжий — это большой рыжий кот, сильный и независимый, с трудом уживающийся в кошачьем коллективе. Частенько он бунтует, за что однажды получил по морде от Телевизора.

Зорро — этот весь черный, только низ мордочки белый, ну точь-в-точь — в маске. И в белых носочках, хотя следовало бы сказать — рукавичках.

Пятнистый и Пятнистая — это кот и кошка, получили имена за свою расцветку. Пятнистый освоился больше всех, потому как неглуп. Всем известно, что сроднившаяся группа животных неохотно допускает к себе чужаков. Пришлых хозяева отталкивают от корыта, но если наедятся, а жратвы еще много осталось, милостиво позволяют попользоваться обедками со своего стола. К Пятнистому туземцы отнеслись с самого начала крайне снисходительно. Но он и повел себя очень правильно. Знакомиться со стаей начал с чрезвычайной робостью и подобострастием. Осторожно, ползком, с остановками приблизился к одному из местных, что-то ему мяукнул. Я готова поклясться, что они переговаривались, стоя нос к носу. Черный явно дал добро, и тогда Пятнистый смело принялся за еду.

Пятнистая же кошечка, напротив, очень пугливая, она всегда переживает, пока остальные не наедятся, потом подбирается к миске медленно, ползком, шаркая брюхом по плитам террасы, а во время еды то и дело боязливо озирается.

Зорро появляется обычно только вечером, ведет себя воспитанно, но держится довольно свободно. Приходится следить, чтобы еды хватило на всех, ведь если я слишком поздно замечу, что пищи недостаточно, и выйду с добавкой, пришлые немедленно разбегутся. И больше всего мне жаль Пятнистую, — кажется, она вечно остается голодной, но от страха себя не помнит, и никак ей не объяснишь, что хочешь только покормить несчастную.

Мне осталось описать еще одно животное, и я окончательно расстанусь с фауной, к которой и себя причисляю.

Канадские дети в Торонто как-то оказались в зоопарке и обратили там внимание на медведя. Сидел на лужайке у небольшого озера. В Канаде к медведям относятся крайне серьезно, там известны случаи, когда медведь нападал на человека. Кто-то разбил бивак в лесу в неподходящее время года, когда медведям не хватает пищи, и они полакомились легкомысленными туристами. Рассказывали еще о мальчишке, тоже в неподходящее время года сбегавшем в лес и, к несчастью,

столкнувшемся там с медведем. Это не шуточки. Немного менее ужасными, но тоже чреватыми опасностью представляются непродуманные попытки людей приручить медведей, подкармливая их. Звери они умные и вскоре смекают, что в домах человека есть много вкусных вещей. Некоторые из мишек научились проникать в дома и даже открывать холодильники. Одного фермера медведи довели чуть ли не до банкротства. Но он сам виноват. Начал с того, что оголодавшую медведицу покормил овсяными хлопьями с медом. Медведица с удовольствием съела угощение, не тронув благодетеля. На следующий день она привела к доброму фермеру двух медвежат. Тот и их угостил овсяными хлопьями с медом, и вскоре медвежий благодетель уже мотался за овсяными хлопьями и медом на грузовике с прицепом, а вокруг его дома весело резвилось целое стадо медведей.

Мои дети столкнулись только с одним медведем, и то в зоопарке. Но он вдруг вскочил и направился к ним. Роберт обрадовался и принялся фотографировать зверя, однако осторожная Зося слегка забеспокоилась. Вспомнила предостерегающие надписи, которые в зоопарке встречаются на каждом шагу, а также страшные рассказы про медведей.

— Хватит уже, пошли отсюда, — потянула она мужа за рукав. — А вдруг он не любит фотографироваться. Вдруг нападет?

Но Роберт уже вошел в фотографический раж и слов разумной Зоси попросту не слышал. Он продолжал щелкать фотоаппаратом, а медведь все приближался... На снимках он очень хорошо вышел, ну прямо вылитый мой Пафнутий. Зося пребывала в полном отчаянии, она уже не знала, на что решиться, спасти свою жизнь или разделить опасность с мужем. Выбрала второе, не желая оставаться вдовой. Вот тут-то медведь и бросился с рыком вперед.

Отличный снимок вышел.

Получается, что очередной том «Автобиографии» у меня завершился медвежьей темой, то есть Пафнутием...

notes

Примечания

Сен-Мало — прибрежный курорт в Бретани; Карнак — посёлок в Южной Бретани, где очень много мегалитических памятников. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Лев Рывин — влиятельный польский кинопродюсер и медиамагнат, замешанный в крупном коррупционном скандале, он был осужден на три года тюремного заключения.

Речь идет о биографической книге Тадеуша Левандовского, литературного агента Иоанны Хмелевской.

Леопольд Тырманд — польский писатель, автор нашумевшего в свое время криминального романа «Злой», в котором герой борется с преступностью в послевоенной Польше.

Мария Зентарова — польская писательница, переводчица и сценарист; Ежи Путрамент — известный польский писатель, в 1960-е гг. был членом ЦК ПОРП; Ежи Помяновский — польский писатель и переводчик, в 1968 г. был вынужден эмигрировать из Польши, вернулся в 1992 г.

Так зовут медвежонка из книги Иоанны Хмелевской «Новые приключения Пафнутия».